

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

4 С.Е. ЭРЛИХ

История декабристского мифа в «Журнальном зале»

62 М.В. БАТШЕВ

Электронная археография от РВИО

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Мир

68 А.А. ЖДАНОВСКАЯ

Современная зарубежная историография о чешско-немецком соседстве в конце XIX – начале XX в.

83 А.С. СТЫКАЛИН

Венгерский историк Д. Секфю о русском национальном чувстве и советском патриотизме (1946 г.)

92 А.А. ТЕСЛЯ

Записки выброшенного на берег. Рец.: Шпенглер О. Воссоздание Германского рейха / Пер. с нем. А.В. Перцева и Ю.Ю. Коринца, послесл. А.В. Перцева. СПб.: Владимир Даль, 2015. 223 с.

97 М.В. МЕДОВАРОВ

Двойной мик Освальда Шпенглера и его переводчиков. Рец.: Шпенглер О. Воссоздание Германского рейха / Пер. с нем. А.В. Перцева и Ю.Ю. Коринца. СПб.: Владимир Даль, 2015. 223 с.

103 В.В. ДАМЬЕ

Рец.: Kellermann P. (Hrsg.) Begegnungen feindlicher Brüder. Zum Verhältnis von Anarchismus und Marxismus in der Geschichte der sozialistischen Bewegung. Bde. 1, 2. Münster: UNRAST-Verlag, 2011–2012

109 К.Г. ФРУМКИН

Прогноз без учета экономики. Рец.: Есть ли будущее у капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.

Российская империя

114 Д.И. РУБЛЕВ

Анархизм в Беларуси. Рец.: Глушаков Ю.Э. «Революция умерла! Да здравствует революция!» Анархизм в Беларуси (1902–1927). СПб.: ШИСС, 2015

122 И.В. САВИЦКИЙ

Хотели как лучшие: Реформа и реформаторы в Олонецкой губернии. Рец.: Нейлова М.Е. Реформа и реформаторы: создание и деятельность новых местных органов государственного управления социально-экономической жизнью крестьянства России в 60–70-х гг. XIX в. (по материалам Олонецкой губернии). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 256 с.

130 Ю.Г. СТЕПАНОВ

Рец.: Кожовцов В.Н. Обрывки воспоминаний: из моего детства и лицейской поры / Сост. М.А. Васильевой и М.В. Ковалева; вступ. слово Д. Хансона; предисл. С.М. Некрасова, А.В. Воронежцева и М.В. Ковалева; подгот. текста М.В. Ковалева, М.А. Васильевой; коммент. М.В. Ковалева. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; Русский путь, 2011. 288 с. с ил.

135 О.Е. ЗУБКО

Рец.: Судьбы демократического социализма в России: сб. материалов конф. / Науч.-информ. и просвет. центр «Мемориал», Постоянно действующий семинар «Левые в России: история и современность», Фонд Розы Люксембург. Фил. в РФ; отв. ред. К.Н. Морозов, А.Ю. Сулов. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. 360 с.

СССР

142 А.А. МАРИНЧЕНКО

Факторы эскалации насилия и массовых убийств пленных красноармейцев в зоне боевых действий (на примере военной кампании 1941 г.)

163 В.С. ИЗМОЗИК

Советское государство и крестьянство в 1930-е гг.: Хрупкое единство. Рец.: Кедров Н.Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 280 с.

История культуры

169 М.А. ГРАФОВА

Рец.: Brenk B. The apse, the image and the icon: a historical perspective of the apse as a space for images. Wiesbaden, 2010. (Бренк Б. Апсида, изображение и икона: апсида как пространство для изображений в исторической перспективе)

178 О.В. ИГНАТЬЕВА

Рец.: Малинкин А.Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры / Гос. ун-т. Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 192 с.

ОСТОРОЖНО, ХАЛТУРА!

182 А.В. ГРИНЁВ

Еще одна версия продажи Аляски. Рец.: Фетисов С.В. Первая Антанта. Как мы потеряли Аляску. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2114. 244 с.

191 И.А. ЛЕВИНСКАЯ

Некоторые размышления по поводу Tal Plan, Lexicon of Jewish Names in Late Antiquity. Рец.: Tal Plan. Lexicon of Jewish Names in Late Antiquity. P. III: The Western Diaspora 330 BCE – 650 CE / In collaboration with T. Ziem (TSAJ 126). Mohr Siebeck, 2008. XXVI, 770 p. ISBN 978-3-16-149678-8

КОНФЕРЕНЦИИ

204 Т.В. АНДРЕЕВА

Александровская эпоха: реформы и реформаторы

211 А.Ю. ПАВЛОВ

Первая мировая война в истории и современном мире

215 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

С.Е. Эрлих

ИСТОРИЯ ДЕКАБРИСТСКОГО МИФА В «ЖУРНАЛЬНОМ ЗАЛЕ»

Ключевые слова: Декабристский миф, Основной миф интеллигенции, Журнальный зал, Толстые журналы

«Журнальный зал» (ЖЗ) – интернет-проект, в котором собраны электронные версии 36 «толстых журналов» преимущественного либерального направления¹. Гигантский массив (более 50 тысяч) журнальных публикаций конца 90-х годов XX в. – середины 10-х годов XXI в. является незаменимым источником для изучения мировоззрения интеллигенции. Электронный поиск открывает недоступные при работе с бумажными «носителями» возможности для реконструкции представлений образованного слоя. Декабристская тема – одна из популярных у авторов ЖЗ. Она затрагивается примерно в 1000 публикаций. Тематически они распределяются следующим образом:

1) Герценовский миф представлен незначительным числом манифестаций. Большинство из них созданы либо в советскую эпоху, либо их создатели рождены еще в ста-

линском СССР. Такое безразличие к своему «основному мифу» авторов журналов, где интеллигенция пишет для интеллигенции, дает основания полагать, что современный образованный слой порвал с ценностями самопожертвования ради народа, которые почти два века воплощались в священном примере героев и мучеников 14 декабря;

2) В ЖЗ часто встречаются попытки отделить «первое поколение» от народовольцев-террористов и сандистов-большевиков путем переключения декабристского мифа из «революционного» в умеренный «реформаторский» контекст. Существуют и христианские интерпретации «метафоры мятежа». Представлены конспирологическая и православно-монархическая разновидности контр-мифа декабристов;

3) Кроме «основного мифа» интеллигенции, представлены и его производные: «Пушкин – друг декабристов», «узники сибирских руд», «жены дека-

¹ URL: <http://magazines.russ.ru/>.

бристов». В публикациях ЖЗ активно (в несколько раз чаще, чем центральный декабристский миф) осмысливается пушкинско-декабристская тема и, в значительно меньшей мере, два упомянутых «побочных» извода;

4) Едва ли не половину декабристских пассажей в ЖЗ можно отнести к реликтовым проявлениям мифологической составляющей. Это не только многочисленные «оговорки» подсознания – воспроизведение пропагандистских клише советского времени. К «фрейдовской» симптоматике относится и рационально не обоснованное встраивание самых разных повествований в контекст ленинско-герценовского мифа декабристов.

Перечисленные сюжеты были рассмотрены в монографии автора [Эрлих, 2016 (в печати)]. Кроме четырех тем, отражающих современное бытование мифологии 14 декабря, в ЖЗ содержится более ста публикаций, в которых речь идет о прошлом герценовской версии декабристского мифа, о том, как она функционировала в общественном сознании в царский и советский периоды русской истории. Наряду с «историомифическими» наблюдениями современных авторов в ЖЗ наличествует немало публикаций источников того времени (писем, дневников, мемуаров). Они свидетельствуют, каким образом память о декабристах влияла в прошлом на рассуждения и даже поведение представителей мыслящего сословия. Данный массив текстов недостаточен для «насыщенного описания» истории декабристского мифа. Вместе с тем «сводка» этих материалов в одной публикации может послу-

жить полезным пособием будущего монографического описания этой важной для самосознания русской и советской интеллигенции темы.

В ситуации «конца истории» главная причина двухвековой неуязвимости декабристского мифа усматривается в «удивительно bestолковом, по существу несостоявшемся, восстании»: «История декабризма – это история <...> людей <...> идеальных, потому что ничего не совершивших. Если бы они пришли к власти, они бы так вывалились в ее липкой грязи, что вряд ли бы мы могли говорить о них с сегодняшним пиететом» [Губайловский, 2003].

По мнению московского декабристоведа Ольги Эдельман: «Декабристы стали как бы небесными покровителями всей последовавшей оппозиционной миссии русской интеллигенции поверх партийных и групповых различий». Создателями мифа исследователь считает не Герцена и Огарева, а самих дворянских революционеров. Власть, скрывавшая подлинные документы об их деле, невольно помогла интеллигенции отточить мифологическое оружие против царизма.

Декабристы стали символическими предками, «предтечами» большевиков. Их священный отблеск позволял в советское время исследовать смежные пласты истории и дворянской культуры, «которые иначе подпали бы под подозрение». В послесталинское время научно-литературная фронда, прикрываясь мифологемой «трех поколений», наполняет декабристскую тему оппозиционными смыслами.

Дворянские революционеры «делаются популярнейшими героями широкой интеллигенции». Их сомнительные, с точки зрения официальной идеологии, «дворянство и офицерство» придавали им «пикантность» запретного плода и делали героями «популярной культуры» [Файбышенко, 2011].

1. ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Ольга Эдельман оспаривает хрестоматийное утверждение М.И. Муравьева-Апостола: «Мы были дети 1812 года». Бывший каторжник задним числом мифологизировал реальные побуждения декабристов. Вольные мысли, согласно их показаниям на следствии, родились позднее — во время заграничных походов. Зарубежные впечатления «сыграли решающую роль в понимании <...> необходимости перемен». Отечественная война развила у декабристов патриотизм. Он стал решающим мотивом «для их вступления в тайные общества» [Гадалова, 2012].

Представление о «двух параллельных линиях» — импортном вольнодумстве и доморощенном патриотизме — выглядит надуманным. Влияние военных походов по своей и чужой территории расчленить невозможно. Источники позволяют наблюдать эффект инициированного наполеоновскими войнами либерально-патриотического синтеза. Он породил феномен тайных обществ. Миф декабристской инициации во время «грозы 12 года» нельзя считать «рационализацией» постфактум 14 декабря.

Историк из Петрозаводска Евгений Каменев поддерживает «миф происхождения», сформулированный Муравьевым-Апостолом. Эмансипаторский и антисамодержавный импульсы будущих декабристов родились под влиянием, соответственно, поведения солдат во время борьбы с Наполеоном и политики царя после победы над корсиканским чудовищем. Патриотический дух русских солдат способствовал включению крепостных героев в изначально дворянское понятие «сыны Отечества». Кочующий деспот Александр Павлович вскоре после войны «стал уделять делам Европы» преимущественное внимание «в ущерб внутренним делам государства». Он стал рассматриваться как отрекшийся «от служения Отечеству»: «В понятие “сынов Отечества” после 1812 года были впервые включены крестьяне, но из него был исключен царь, что и послужило основой для формирования декабристской идеологии» [Гадалова, 2012]. Концепция трансформации феодального сословного понятия «дворянский народ» в буржуазное всесословное — «мы — народ» заслуживает внимания, но требует обоснования данными источников.

Доктор технических наук Владимир Каржавин считает, что поражение 14 декабря было во многом обусловлено победой 1812 года. «Ресентимент» поражения от наполеоновской Франции стал бы более мощной предпосылкой успеха тайных обществ, чем «дух свободы», импортированный победителями Наполеона из Европы: «Тайные общества возникли бы сразу после окончания войны, и в количественном отноше-

нии их было бы намного больше» [Каржавин, 2012].

Петербургский философ и социолог Виктор Каплун оспаривает герценовский тезис о рационально необъяснимом разрыве поколений, о чудотворной «непочатой силе». Она сумела «очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия» от «грязи, от наносного гноя» развратных отцов [Герцен, 1959a: 171].

Культурные различия между образованными дворянами «екатерининского» и «александровского» поколений, а также расхождения между декабристами и их современниками не являлись непреодолимыми. Для верхушки русского общества периода последней трети XVIII – первой трети XIX века был характерен просвещенческий континуум. Основанием общей «гражданской культуры» была республиканская традиция античности. Выбор жизненных стратегий осуществлялся по литературным греко-римским моделям: «Или умереть Катонем, или жить Горацием» (отец трех декабристов И.М. Муравьев-Апостол). Точкой «радикального культурного разрыва» с античными гражданскими добродетелями стало последекабристское николаевское царствование.

Следует отказаться от предначертанной герценовским мифом «телеологической исторической перспективы». Неверно усматривать в декабристах «зародыш некоего уже предзаданного будущего – “первый этап революционного движения в России”, “первый этап либеральной модернизации” и так далее».

Мятежников 14 декабря необходимо рассматривать исторически, «в контексте их собственного времени» [Каплун, 2007].

Советский диссидент Валерий Сендеров прослеживает этапы обнаруженного Герценом расхождения путей власти и образованного общества: «Противопоставление власти обществу в России еще на роковой Сенатской площади определилось вполне». В отличие от лондонского изгнанника узник мордовских лагерей критически оценивает поведение собственного сословия. Радикализм дореволюционной интеллигенции мешал власти реализовать либеральный реформаторский потенциал: «Власть действует, общество наблюдает, присвоив себе безусловное право постороннего оценщика и судии». Власть сама содействовала творению декабристской мифологии. Она недостаточно разоблачила в общественном сознании многочисленные планы царубийства, разрабатывавшиеся членами тайных обществ [Сендеров, 2005].

С последним нельзя согласиться. Правительство Николая I понимало необходимость формирования общественного мнения в ситуации политического кризиса, вызванного междоусобицей и военными мятежами. Во время следствия официальные сообщения по поводу извергов, осмелившихся покуситься на августейших особ, публиковали все немногочисленные российские газеты. Террористические намерения заговорщиков подробно изложены в итоговом «Донесении следственной комиссии», переве-

денном на несколько языков. О царевубийцах в офицерских мундирах неграмотному народу сообщали в храмах во время торжественных молебнов по случаю того, что рука Всевышнего отечество спасла.

Официоз не у всех вызывал доверие. Экземпляр «Донесения» нашли при аресте вчерашнего студента Герцена [Вопросные пункты, 1961: 423]. Представленный там «компрогат»: многочисленные замыслы царевубийства, сцена подсчета на пальцах числа приговариваемых к смерти членов императорской семьи, план публичной казни царевубийц из «обреченного отряда» — не произвел впечатления на автора декабристского мифа. Он считал эти факты истории тайных обществ наветом лживой власти на героев и мучеников свободы. Убедившись, что слово пропаганды не всегда отзывается желательным образом, правительство отказалось от разоблачений и перешло к публичному молчанию по поводу 14 декабря.

Сендеров отмечает, что полонофил Герцен скрыл полонофобию многих декабристов, всерьез обсуждавших убийство императора за его благосклонность к полякам. Он приписывает творцу декабристского мифа стремление дезавуировать знаменитую сцену с коленопреклонением Трубецкого. Но Герцен не касался этой сцены. Герой Отечественной войны — единственный из декабристов, кого он, по сути, обвиняет в трусости, проявленной в день 14 декабря. В «Былом и думах» приводится анекдот попечителя Московского учебного округа С.Г. Строгонова: «Т. ушел с площади,

расстроенный прибежал в дом к его отцу. <...> Француженка, бывшая гувернанткой в их доме, не выдержала и громко сказала ему: “Постыдитесь, тут ли ваше место, когда кровь ваших друзей льется на площади, так-то вы понимаете ваш долг?” Он схватил шляпу и пошел — куда вы думаете? — спрятаться к австрийскому послу» [Герцен, 1956: 198].

Экс-диссидент разоблачает «Русскую правду», предвосхитившую «бесовщину» сверхцентрализованного государства, кишашего агентами секретных служб. Автор не ставит в заслугу Пестелю планы по воссозданию государства Израиль. Он усматривает в них превентивную ксенофобию в отношении недавних подданных Российской империи.

Сендеров считает лицемерием борьбу с крепостничеством владельцев крепостных душ: «Представим себе “сотню прапорщиков”, перешедших на договорные отношения со своими крестьянами и активно пропагандирующих свой опыт по стране, — может, по-другому пошла бы история?»

Главный упрек декабристам заключается в формировании рабской традиции «нерукопожатности» в среде «либералов» — отказа от своего мнения в пользу диктуемого «прогрессивной общественностью»: «“Стыд собственного мнения”, который объявит главной силой Петруша Верховенский, уже у декабристов был не меньшим, чем в нечаевских “пятерках”. Бессмысленно поэтому говорить о каком-либо умеренном крыле: умеренности своей стыдятся» [Сендеров, 2005].

В ряде публикаций, посвященных дореволюционному периоду, генезис декабристского мифа рассматривается в контексте противодействия контр-мифу власти. Уделяется внимание и расхождению герценовской версии с так называемой «либеральной концепцией» истории тайных обществ «беглого» декабриста Н.И. Тургенева.

Петербургский историк Борис Виттенберг считает, что возникновение мифа о рыцарях, кованных из чистой стали, должно рассматриваться в контексте декабристского контр-мифа николаевского правительства: «Герценовский “миф о декабристах” очевидным образом создавался в ответ на “официальный”, был орудием контрпропаганды» [Виттенберг, 2006].

В предисловии к журнальной публикации фрагмента мемуаров А.Х. Бенкендорфа сообщается, что это отнюдь не наивный отчет очевидца о событиях: «Шеф тайной полиции прекрасно владел искусством умолчания и то, что считал нужным пропустить, пропускал без тени сомнений». Воспоминания Бенкендорфа о дне 14 декабря повлияли на антидекабристскую пропаганду царской России. Они послужили «одним из источников для известного труда М.А. Корфа, посвященного событиям 14 декабря 1825 г.» [Бенкендорф, 2007].

Французская исследовательница Жюли Гранде в докладе «“Дело декабристов”: политическое построение собственного образа» отмечает, что «самодержавная» по духу правительственная версия

14 декабря выстраивалась с учетом «конституционно-монархического» общественного мнения Европы. Фактор внешнего «мониторинга» вынуждал российский режим ввести «элемент публичности» в освещение дела декабристов. Европейский моральный паноптикум повлиял не только на «дискурс», но и «практики». Такие, как отказ от пыток в процессе следствия, замена четвертования бескровным повешением. Зарубежному исследователю невдомек, что в варварской России пытки подследственных были отменены тайным указом Екатерины II от 8 ноября 1774. Тайное стало явным после публичного указа Александра I от 27 сентября 1801 [Анисимов, 2004: 228, 231]. Автор усматривает непоследовательность «проевропейских» мер российского правительства в отказе от средневековой публичной казни. С этим нельзя согласиться. Тайная смертная казнь – свидетельство ментальной модернизации [Мильчина, 2011].

Контр-мифу власти изначально была свойственна литературофобия. Один из генералов после 14 декабря якобы стал выговаривать Жуковскому: «Вот что наделали ваши поэты» [Ср.: Балязин, 2007. С. 174]. Анекдот отражал версию правительства, что рифмованное слово, оставленное без цензурного присмотра, так и норовит перейти в мятежное дело. Давнее опасение («Бунтовщик хуже Пугачева») подтвердилось на следствии, когда несколько бунтарей признались, что их вольные мысли порождались стихами Пушкина. Николаевская цензура на манер современных пушкинистов

усматривала декабристский контекст, где только возможно. Цензор С.Н. Глинка был посажен на две недели под арест за то, что пропустил в печать элегию на смерть юноши, где было сказано, что «волны бьют в его гробницу». Бдительные литературоведы в штатском «решили, что юноша, очевидно, кто-то из декабристов, а под гробницей подразумевают Петропавловскую крепость. Подразумевают или же могут подразумевать» [Гранин, 2012]. Опасение, что читатели «могут подразумевать» то, о чем не подозревал автор, было обоснованным. Чем больше цензура «вчитывала», тем с большим рвением публика «вычитывала» между строк. Контр-миф власти, вопреки ее стремлениям, подпитывал декабристский миф.

Исследователь Достоевского Игорь Волгин комментирует высказывания из «Дневника писателя» о декабристах: «Достоевский толкует об изменении морального климата, о некоторой нравственной деградации дворянства после “исчезновения” декабристов». Сожаление православного монархиста об исчезновении «чистого элемента дворянства» свидетельствует о мощи герценовского мифа, способного увлечь пропагандиста контр-мифа [Волгин, 2000].

Ветеран декабристоведения Сарра Житомирская представляет читателям фрагменты из переведенной ею работы декабриста Н.И. Тургенева «Россия и русские». Книга вышла в европейский свет в 1847. Раньше, чем Герцен развернул революционную агитацию. Не склонная к крайностям тургеньевская версия

событий 14 декабря не выдержала конкуренции с герценовским мифом: «в отрицательном отношении к ней сошлись <...> и николаевские бюрократы, и борцы с ними» [Житомирская, 2000].

Петербургский историк Владимир Лапин отмечает, что к концу «старого режима» в памяти образованных слоев существовали четыре «знаковых даты»: Отечественная война 1812, восстание декабристов 14 декабря 1825, «день освобождения крестьян от крепостной зависимости» 19 февраля 1861, «издание манифеста о политических свободах» 17 октября 1905. Они не требовали «объяснений и сходно воспринимались сторонниками различных политических систем». Символизм этих дат приводил к «сокращениям лексических конструкций до предельных, обеспечивающих достаточность их понимания. <...> От выражения в несколько слов остается только дата, играющая роль пароля»: «12-й год», «14 декабря», «19 февраля», «17 октября» [Лапин, 2012]. Не только 14 декабря, но и другие перечисленные символические даты органично встраиваются в герценовский миф. Отечественная война выступает причиной рождения «детей 1812 года». 19 февраля и 17 октября – воплощением их главных целей: освобождения крестьян и введения конституции. Автор не упомянул символическую дату «1 марта» 1881, когда бомбы террористов из «Народной воли» прервали жизнь царя-освободителя. Эта печальная дата также оказывается в контексте царевбийственных планов мятежников 14 декабря.

2. РАНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Большевистская революция шокировала народолюбивую русскую интеллигенцию. Те, кто остались в стране, не имели возможности публично выразить свое разочарование. Ю.Н. Тынянов — едва ли не единственный, кто в подцензурных «исторических» романах образами нелепого «Кюхли» и «отступника» Грибоедова сумел намекнуть, как неуместны были надежды образованного класса на очистительный революционный пожар.

Те, кто покинул родину, не были ограничены в средствах антиреволюционного самовыражения. Колчаковский офицер Иосиф Ильин вел дневник в вагоне поезда, который увозил его в Маньчжурию от ужасов революционного и контрреволюционного насилия. 20 января 1920 он сделал запись о посещении достопримечательностей Петровского завода во время вынужденной стоянки: «Смотрели церковь, построенную руками декабристов, иконы, написанные ими самими, потом дом, где они жили, и их могилы».

Знакомство с декабристскими «местами памяти» рождает горькие упреки «первому поколению»: «Вот люди, которые наивно революцией думали принести пользу и спасение России. <...> Вот если бы могли они встать из гроба и поглядеть на дело рук своих, на всходы, которые дали зерна, ими брошенные... Пришла долгожданная революция — вот результат, вот живой пример, вот освобожденный народ от ига ненавистного царизма» [Ильин, 2014].

Антиреволюционный пафос высказывания опирается на иронически переосмысленные либеральные клише. Фраза: «Освобожденный народ от ига ненавистного царизма» — восходит к хрестоматийным строкам Пушкина: «Увижу ль, о друзья! Народ неугнетенный // И рабство, падшее по манию царя». Евангельская метафора зерен, давших кровавые всходы «долгожданной революции», выворачивает наизнанку один из герценовских образов мифологии декабристов: «Аристократическая независимость, гвардейская удаль <...> — все это исчезло — с 1826 годом. Были иные всходы, подседа, <...> еще ходившие с раскрытой шеей à l'enfant или учившиеся по пансионам и лицеям» [Герцен, 1956: 145].

Осведомленность в том, что декабристы «хранили гордое терпение» в Петровском заводе, да и сама идея «всей компании» беглецов от «освобожденного народа» посетить декабристские места свидетельствуют, сколь основательно интеллигенция была погружена в свой «основной миф» [Ильин, 2014].

В «Антологии журнала Знамя» приводится отклик Виктора Шкловского на смерть Юрия Тынянова (20 декабря 1943). Тынянов в «декабристских» романах использовал историю в качестве иносказания. В них отразилось разочарование интеллигенции в предреволюционных симпатиях к «борцам с самодержавием». Пассионарная «диктатура пролетариата» умылась кровью мягкотелого «деспотизма» Николая II. Катастрофа революционных перемен убеждала остатки старой

интеллигенции в бессмысленности мятежей, вдохновленных благородными «освободительными» идеями. Шкловский с его «опасной», с советской точки зрения, биографией не решается намекнуть на истинные взгляды покойного приятеля. Он вписывает их в сталинский официоз: «Я иду с Юрием Николаевичем Тыняновым. Мы говорим о декабристах. Революция – не бунт, революция – новая государственность» [Шкловский, 1944]. Мастер слова показал косноязычным партийным идеологам, как следует претворять в афоризм «правильный» идеологический «мессидж». Декабристы – это не священный образец мятежа интеллигенции против несправедливой власти. Это – святые предки «новой государственности» Ленина и Сталина. В качестве предков властителей советской России дворянские революционеры не столько мятежники против царизма, сколько – отважные защитники отечества. Мотив героического участия будущих членов тайных обществ в Отечественной войне становится одним из основных в официальной пропаганде.

Память о победе над Наполеоном формировалась в контексте «детей 1812 года». «Советский исторический миф» трансформировал один из величайших триумфов русского оружия под «влиянием» образа, созданного соединенными усилиями «декабризма и либеральной интеллигенции». В результате «декабристизации» героями войны двенадцатого года оказывались, прежде всего, декабристы, их «прогрессивные» друзья и высокопоставленные «единомышленники». Владимиру

Лапину вспоминается «ступор советских, а затем и российских студентов». Они терялись от простого вопроса: «Кто из героев Отечественной войны 1812 года был смертельно ранен на Сенатской площади во время восстания декабристов?» Возникла стрессовая ситуация: «Экзаменуемые судорожно перебирали в памяти имена членов тайных организаций. Генерал М.А. Милорадович оказывался “за кадром”, поскольку числился в ранге слуги царя, а не друга народа» [Лапин, 2013].

Школа была основным каналом трансляции декабристского мифа.

Декабристы, в качестве идейных дедов большевиков, обладали в советском пантеоне статусом святых. Взгляд советского человека на мир формировался через высказывания обитателей красного Олимпа. Значимость высказываний определялась чином ангельским в иерархии. В школьных учебниках литературы периода «культы личности» революционные боги Ленин и Сталин выступали «в роли абсолютных авторитетов». Декабристы, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, пользовались «авторитетом относительным» [Пономарев, 2010а]. Их оценки использовались в качестве дополнительного аргумента к высказываниям «классиков марксизма». Дворянские революционеры выступали эталоном для измерения степени «прогрессивности» писателей первой половины XIX в. Властители дум «с одной стороны, <...> объективно становились в один ряд с декабристами, с другой же – могли

наряду с тем многого не понимать» [Пономарев, 2010б].

Одной из проекций декабристского мифа в сталинские учебники являлся образ «декабриста» Чацкого. Автором такой интерпретации героя «Горя от ума» является Герцен: «Образ Чацкого <...> появляется <...> накануне восстания на Исаакиевской площади: это декабрист, это человек, который завершает эпоху Петра I» [Герцен, 1959б: 180–181]. Кроме герценовских толкований, «декабристизации» «Горя от ума» способствовали близость автора пьесы ко многим заговорщикам, его арест после событий 14 декабря. По показаниям ряда товарищей Грибоедова он принадлежал к Северному обществу декабристов.

Советская идеология интерпретировала «декабристский» контекст «Горя от ума» в духе мифологемы ленинских «трех поколений». Ирония автора бессмертной пьесы по поводу «секретнейшего союза», его афоризм о «ста прапорщиках» объяснялись тем, что «Грибоедов (почти как Ленин) понимал, что декабристы были “далеки от народа”». Прозорливый современник дворянских революционеров обладал способностью достигать «максимального сходства с реальными людьми». В Чацком писатель-«реалист» предвосхитил «едва ли не советского гражданина, с которого нужно брать пример. Потому что мы чувствуем и думаем так же, как он» [Пономарев, 2010в]. Школьный учебник не столько «принимал» героя в тайное общество, сколько «рекомендовал» к принятию: «Подлинным выразителем декабрист-

ских идей и настроений в комедии Грибоедова является Чацкий. Это не значит, что Чацкий был членом той или иной революционной организации. <...> В том и состоит типическое значение образа Чацкого, что в нем нашли себе живое отражение общественно-политические идеи и настроения широких передовых кругов дворянского общества той эпохи, далеко выходящих за тесные пределы тайных обществ» [Пономарев, 2010б].

Писатель, филолог Грета Ионкис вспоминает о своей школьной попытке времен борьбы с космополитизмом внести фактические поправки в миф «Русских женщин». Когда они «проходили» поэму Некрасова, ученица решила поделиться своим «открытием», сделанным на основе публикации легендарных «Звеньев» из домашней библиотеки. Она часто разглядывала иллюстрации, на которых были изображены красивая и грустная Мария Волконская, ее старообразный муж, их дети и «длинноволосый красавец» Александр Поджио. Проницательная школьница «поняла своим детским умишком», что красавец был влюблен в красавицу «не безответно». Попытка «сбивчиво и путано изложить свою версию» была решительно пресечена учительницей. Стремясь доказать свою исследовательскую правоту, будущий доктор наук приволокла «фолиант» в школу: «Взглянув на редакционный состав тома и оглавление, учительница Ольга Ивановна тихо сказала: “Никогда никому не показывай эту книгу. Здесь фамилии врагов народа. Запомни – я ее не видела”. Меня испугали не столько слова, сколько

тон ее речи» [Ионкис, 2009]. В годы сталинского правления миф был защищен не только трепетной верой, но и еще более трепетным страхом.

О проникновении декабристских ассоциаций за пределы интеллигентской среды можно судить по воспоминаниям главного художника знаменитого БДТ Эдуарда Кочергина. Он рассказывает о послевоенной жизни обитателей ленинградского дна – не менее жуткого, чем в пьесе Горького в постановке Товстоногова. «Подонки общества» квартировали на острове Голодае, где в баснословные времена были тайно погребены повешенные декабристы. Одним из бомжей эпохи борьбы с космополитизмом был скрипач, по кличке Мотя Голодайский, или, как его «окрестили образованные, Мотя Декабрист». Первая «кликуха» была связана не с могилой декабристов, но с прижизненной «пропиской» героя. Происхождение «революционного» блатного имени объясняется тем, что «фамилия Мони была похожа на фамилию одного из декабристов – не то Раевский, не то Одоевский, отсюда его кликуха» [Кочергин, 2002]. Связь клички с фамилией, похожей на фамилию кого-то из участников тайных обществ, свидетельствует о мощи официальной пропаганды. Далеко не примерные ученики сталинской школы различали персоналии в коллективном лике декабристов.

Искусство также служило каналом внедрения официальной мифологии декабристов.

Протоиерей Михаил Ардов вспоминает об одной из самых знаменитых

советских инсценировок мифа – опере Ю.А. Шапорина «Декабристы». Демиурги сталинского искусства осуществляли свободное творчество в тесном контакте с партийными руководителями культуры. Подготовка премьеры (1953) шла с учетом указаний в духе колеблющейся линии партии. По мнению чиновных интерпретаторов этой красной нити, восстание 14 декабря в Петербурге не могло обойтись без присутствия самого радикального из вождей декабристов: «И вот в готовую уже оперу вошел Пестель». Идеологических бонз не смущало, что он был арестован 13 декабря на Украине. Без ссыльного Пушкина декабристский миф также был бы не полон: «Пушкин появляется на сцене. <...> Пушкин статист, это не годится, надо ему что-то спеть. <...> Тут уже лезет на стенку Шапорин. Пушкин исчезает со сцены так же незаметно, как он появился». Авторы были принуждены исправлять маршрут клячи истории не только в эпизодах. В эпоху борьбы с космополитизмом главный герой – блестящий кавалергард Анненков был уличен в порочащих связях с иностранкой Гебль. Его срочно заменили полуграмотным «декабристом по недоразумению» Щепиным-Ростовским. Ради сохранения оперной любовной фабулы, ему была придана вымышленная невеста чистейших русско-арийских кровей [Ардов, 2000].

Советские историки, подобно деятелям культуры, свободно творили в строгих рамках партийного сопромата. Науке предписывалось подносить составителям школьных учебников и мастерам искусств снаряды проверенных фактов.

В советском варианте декабристского мифа было принято моделировать «первое поколение» по образу и подобию «демократических централистов» из партии большевиков: «Официальная советская наука подгоняла все общества декабристов под партийную схему централизованной и подпольной, неизменно революционной организации, связанной жесткой партийной дисциплиной». Подобный «модернизирующий» подход в наибольшей полноте отразился в «книгах сталинского академика М.В. Нечкиной и ее учеников» [Селезнев, 1999а].

Люди культуры пытались выгородить личное пространство, защищенное от всевидящего ока идеологического контроля. Прикрытие декабристского официоза давало им возможность осторожно обсуждать насущные проблемы. Выдающийся литературовед Юлиан Оксман неоднократно использовал «аллюзионные» возможности «метафоры мятежа» и в лекциях, и в переписке.

Саратовский журналист, филолог, правозащитник Виктор Селезнев свидетельствует, что его университетский профессор применял «подрывной» прием «переклички эпох»: «Суровые уроки пронесшихся событий и забывшихся утопий давали возможность глубже понять день сегодняшний, догадываться об исходе грандиозного социального эксперимента». Эпоха тайных обществ то и дело перекликалась со сталинской современностью. В 1951–1952 учебном году Оксман читал спецкурс «Пушкин и декабристы». Он рассказывал о филантропических планах Александра I, стремившего-

ся созданием военных поселений облегчить тяжелую долю русского солдата. Благодаря зловещим намекам у студентов возникали «анalogии с самым передовым учением или с “великим переломом” сельского хозяйства» [Селезнев, 2013].

Герценовский миф использовался в качестве «денотата» эзопова языка, позволявшего вести разговор о времени борьбы с космополитизмом, в переписке Марка Азадовского и Оксмана: «О самом трагическом <...> Оксман и Азадовский сигналият друг другу — как лучами фонарика в катакомбной тьме — вольными цитатами из Пушкина и Герцена. Аукаются века, беды, мысли». В письме от 27 мая 1953 Оксман подводит итоги сталинского царствования упоминанием «сильной формулировки» Герцена по поводу «террора после 14 декабря 1825». Чтобы пояснить, что речь идет о «текущем моменте», он переделывает герценовскую цитату о «николаевской мельнице». У него царственный мельник истирает в порошок, не как в оригинале, Польшу, а «целое поколение». Чуткий корреспондент должен был понимать, что неточным цитированием Оксман придавал посланию «более широкий и “современный” смысл». В том же письме говорится, что «декабристский» том «Литературного наследства» нуждается в статье «о “Реакции после 14 декабря”», так как без нее «многое непонятно в истории освободительного» движения 40–50-х годов». «Очевидный намек на 1940–1950-е гг.», отправленный из саратовской ссылки недавнего

сибирского каторжника, телепатически улавливается в городе трех революций [Селезнев, 1999б].

Пушкинско-декабристские ассоциации имели для Оксмана биографический характер: «Я вместо Пушкина и декабристов изучал звериный быт Колымы и Чукотки, добывал не науч(ную) истину, а уголь, золото, олово». Отталкиваясь от этого признания, Ефим Эткинд выбирает для характеристики каторжного пути Оксмана метод «сравнительного жизнеописания»: «Оксман был арестован в 1936 году и провел десять лет на сибирской каторге; он и до, и после того изучал жизнь и судьбу декабристов в Сибири, но ни Волконскому, ни Трубецкому, ни Бестужевым не пришлось так тяжело, как через столетие их историку». Сопоставление исследователя с исследуемыми — одно из проявлений погружения в герценовский миф выдающихся советских гуманитариев [Эткинд, 1999].

Другой корреспондент Оксмана — Корней Чуковский в типичном советском стиле пишет по поводу юбилейной хрестоматии «Декабристы» [Орлов, 1951]. Согласно коммунистическим «письмовникам», вначале требовалось «целиком и полностью» согласиться с линией партии, а потом указать «отдельные недоработки», которые мешают ее реализации. Писатель робко критикует официальный вариант декабристского мифа, скрывающий черты реальных декабристов: «Чудесно написаны характеристики каждого декабриста (хотя все они чуть-чуть накрахмалены: в Кюхельбекере не чувствуется Кюхля,

в Федоре Глинке — Авдотья²)». Неполиткорректный Оксман не согласен с корнейчуковским «чуть-чуть». Парадное «крахмаление» порождено низкой квалификацией составителя В.Н. Орлова: «Это вовсе не “хорошая книга”, а плохая хрестоматия, — в ней хороши только переплет и бумага. В ней нет ни одного своего слова, ни одной своей мысли» [Хан-Пира, 2002].

Переписывался Оксман и с дочерью Чуковского — Лидией. Многолетняя переписка (1948–1970) двух культовых фигур гуманитарного сопротивления пронизана герценовским мифом. Переписка позволяет заметить, как внутри советского мифа декабристов зарождался «неконтролируемый подтекст» обличений советского режима под именем царского самодержавия. Публикатор отмечает, что в письмах, в значительной мере посвященных героям русской истории и культуры, «первое место <...> по праву занимают А.И. Герцен и декабристы» [Чуковская, Оксман, 2009]. Восприятие декабристов через герценовский миф в большей мере было присуще сталинскому зэка, чем активистке диссидентского движения. Ученый не только верил в Герцена. После того, как Вениамин Каверин избрал его прототипом пушкиниста-декабристоведа Трубчевского — главного героя романа «*Исполнение желаний*» (1934), — Оксман сам стал частью декабристского мифа. Похвальный отзыв о книге Чуковской «Декабристы — исследователи

² А.П. Глинка (урожденная Голенничева-Кутузова) — жена Ф.Н. Глинки, автор духовных стихов, под влиянием которой оказался поэт-декабрист.

Сибири» [Чуковская, 1951]: «Ваша книжка о декабристах — на мой взгляд — образец того, как надо бороться за воскрешение нашего героического прошлого», — звучит, несмотря на использование «шлакоблоков» советской пропаганды, по-герценовски.

После «ид марта» 1953, таким эвфемизмом обозначена кончина большевистского цезаря, Оксман пишет в предчувствии скорого «революционного подъема»: «Герцен сейчас нужнее, чем “Каменный гость” (В том смысле, что принципы 1789 г. *несомненнее* Венеры Милосской)». Вера в действенность революционного примера герценовских декабристов способствовала тому, что ветеран Колымы религиозно самоотождествлялся с благородными каторжниками Читинского острова. Он с личным чувством вспоминает письмо Кюхельбекера Пушкину (1836), которое «характеризует вольную жизнь бывшего каторжанина. До сих пор эти строки меня волнуют, как будто они писаны ко мне: “Я на воле, т. е. хожу без няньки и сплю не под замком”. До чего изумительно это “т. е.”» [Чуковская, Оксман, 2009].

Оксман предлагает Чуковской написать о «Пушкине и декабристах, о братьях Борисовых, о Пестеле, о Владимире Раевском». Список не упорядочен ни по роли в истории тайных обществ, ни по каким-либо иным критериям. Его начинают едва ли не «разночинские демократы» Общества Соединенных славян, продолжает глава Южного общества с маккиавелевскими замашками, завершает стоический

«первый декабрист». Для Оксмана, как и для Герцена, декабристы сливаются в единую мифологическую личность. Риторика филолога-каторжника мало отличается от критикуемых им же коллег по научному цеху. Под их пером «все рев^олюционные» демократы — от Белинского и Герцена до Некрасова и Добролюбова оказались уже неотличимы один от другого, как жития святых или медные пятаки». Сравнение с написанными по строгому канону «житиями святых» отмечает не только схематизм изображения. В нем выражен пиетет, навязанный советской идеологией, в отношении к революционным предкам нового режима.

Чуковская в ответном письме сообщает о мечте «представить портреты и судьбы Лунина, Якушкина, Раевского, Бестужевых, Борисовых. Короче говоря, как видите, я бы хотела быть Тацитом». Во встречном плане отсутствует «противоречивый» Пестель. Скромные братья Борисовы перемещены в хвост списка. Их затмевают многочисленные Бестужевы с романтическим Марлинским во главе. Первые три места отведены заговорщикам, проявившим, согласно устоявшимся репутациям, наибольшее мужество на допросах «коронованного палача» и его «опричников». В перестановке мест декабристских слагаемых проявилось тяготение к мифологическому «примеру» мученического поведения. Проведенный «кастинг» и упоминание безгневного и беспристрастного Тацита свидетельствуют о стремлении умерять авторитаризм мифа фактами истории.

В последние дни «оттепели» корреспонденты разошлись по вопросу метафорического отождествления царского и советского режимов. Оксман считал, что подобные сближения позволяют внедрить в общественное сознание мятежный потенциал декабристского мифа. Он пишет: «Струве³ не любит слова “репрессированный” применительно к жертвам николаевского режима. Протестует против этой фразеологии и Рейсер⁴. А другим такие увеличительные стекла нравятся». Советскому каторжнику по душе «увеличительные стекла», позволяющие испепелить коммунистическое проклятое настоящее декабристским лучом света из николаевского темного царства.

В прежние времена Оксман осуществлял подобные терминологические сближения сталинской и декабристской эпох в лояльном режиме смысле. В апреле 1953 в редакции «Литературного наследства» завязался стилистический спор о правомерности оксмановского оборота «партбилет декабриста» (Огонек. 1926. № 1) [Роскина, 2010]. Литературовед применил его к расписке члена Союза Благоденствия И.М. Юмина, данной в том, что он, «вступая в ряды», поклялся «перед лицом своих товарищей».

В ответном письме Чуковская заявляет, что «не согласна и не согласна» со страшными сближениями: «Это не увеличительное стекло, а искажающее. Не только смысл искажающее (ибо декабристы, это:

шпицрутены, крепость, каземат, рудник, завод, поселение, а мученики сталинской эпохи, это: предварилка, эшелон, пересыльная, расстрел, этапирование, лагерь), но и нечто более важное: искажающее стиль эпохи. За словом должно стоять время» [Чуковская, Оксман, 2009]. В споре гуманитарных «физика» и «лирика» большинство «застойных» властителей дум поддержали подрывную риторику ученого. Писатель, взывающий к верности документу, остался в меньшинстве.

Образованные представители старшего поколения на исходе сталинской эры решались только на робкое приложение декабристского мифа к объяснению мира. Воронежские комсомольцы из подпольной организации «Коммунистическая партия молодежи» (1947–1949) были готовы с его помощью этот дивный новый мир изменить. Австралийский филолог Елена Михайлик отмечает, что воспоминания одного из руководителей тайного школьного общества Анатолия Жигулина ориентированы на «декабристский миф». В связи с написанием мемуарной повести «Черные камни» в разгар горбачевской «перестройки» можно было бы предположить, что «ощущение преемственности» с декабристами «пришло к рассказчику <...> в 1960-е или 1970-е годы, когда исследование и описание событий 14 декабря и их предыстории стало одним из немногих доступных способов разговора о проблемах советского общества и возможных моделях отношений личности с авторитарным государством». В действительности это влияние относится ко времени создания КПМ.

³ Г.П. Струве

⁴ С.А. Рейсер

В самоидентификации с «первым поколением», сказала генеалогия будущего мемуариста — потомка по материнской линии «первого декабриста» В.Ф. Раевского. Фамилия славного предка была избрана антисоветским подпольщиком в качестве конспиративной клички. Влияние сталинской пропаганды сказалось в том, что «образцами» воронежским заговорщикам послужили «декабристское “Северное общество” и фадеевская “Молодая гвардия”».

«Декабристской легенда» сказала не только на репрезентации «заговорщицкой» деятельности и опыта сталинских каторжных нор. Судьбы юных героев сопротивления заканчиваются для Жигулина, в полном согласии с декабристским мифом, освобождением из плена сибирских руд, «поскольку внутри этого мифа после инцидента “на очень холодной площади” “время вдруг переломилось”, а возвращение и отмена приговора для декабристов — события предсмертные. <...> В рамках “Черных камней” после реабилитации история прекращает свое течение» [Михайлик, 2009].

Петербургский филолог Елена Маркасова напоминает, что «Коммунистическая партия молодежи» была не единственной подпольной организацией школьников послевоенного периода. У воспитанников сталинской школы формировалось «позитивное восприятие нелегальной деятельности». Этому способствовал революционный канон, заложенный в преподавание истории и литературы. Стремясь воспрепятствовать тому, чтобы дурные

антиправительственные примеры «деятельности декабристов, народовольцев, соратников Ленина» воплощались в жизнь, власти разрабатывали негласные рекомендации: «Учителя истории не должны были углубляться в описание деталей деятельности подпольщиков, чтобы не провоцировать учеников на аналогичные действия» [Маркасова, 2008].

Писатель Фридрих Горенштейн создал литературный вариант подпольной организации, участники которой вдохновляются примером декабристов. Действие разворачивается в раннее послесталинское время. Вождь заговорщиков с мутной биографией подбивает молодых людей совершить покушение на сталинского «сатрапа» Молотова, уже лишённого всех постов и охраны: «Вам, русские мои юноши, выпала великая честь... Вот он, случай, о котором писал Герцен и которого недостает, чтоб сделать нашу оппозицию национальной, каковой она была во времена декабризма» [Полянская, 2012]. Отсылки к мифологическому примеру декабристов и мифотворчеству Герцена представляются наиболее уместными при побуждении к тираноборчеству.

Подрывное влияние мятежных образцов, даже если эти образцы представлены святыми предками большевиков, осознавалось режимом еще с середины 30-х годов. В 1935 было разгромлено «Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев» [Юнге, б. д.]. Часть его членов вновь была отправлена на каторгу. Основной удар наносил

ся по террористическому образцу «Народной воли». «Нетерпение» Перовской и Желябова до конца советского режима находилось под подозрением. Декабристы в сталинский период избежали мемориальных репрессий по «модельным» причинам. Накануне большой войны власти было важно подчеркнуть «патриотический» настрой «детей 1812 года», отсутствующий у последующих революционных «поколений». Пример юных воронежских заговорщиков доказывает, что мятежная составляющая герценовского мифа давала о себе знать в качестве руководства к действию даже в разгар послевоенных «догм» о декабристах – лояльных патриотах царской родины.

Письма ветерана революционного движения, советского разведчика и сталинского зэка Алексея Улановского диссонируют с мифологической вовлеченностью его современников. В 1956 он приходит к выводу, что победа декабристов не сильно бы изменила ход русской истории: «Польское восстание подавил бы тогда не генерал Паскевич, а Ермолов. Пестель был бы, вероятно, казнен не Николаем, а Рылевым и Трубецким. Неизвестно, упразднили ли бы крепостное право, но земли крестьяне не получили бы наверное». В пессимистической оценке «первого поколения» отразилось разочарование революционного «внука» декабристов в собственных усилиях по преобразованию старого мира. Рецензент истолковывает эти слова в духе исторической необходимости декабристского самопожертвования: «Речь идет о том, что революция должна проиграть,

потерпеть поражение, чтобы победить по-настоящему. Что-то вроде евангельской притчи о зерне, которое только тогда и принесет урожай сторицей, если умрет» [Елисеев, 2004]. Не производится ли в данном случае «вчитывание» собственных мифологических представлений?

3. ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

3.1. Активизация мятежной составляющей декабристского мифа

Авторы ЖЗ неоднократно отмечают роль декабристского мифа в крушении советского режима: «С начала шестидесятых <..> декабристы были символом сопротивления <..> деспотической власти как таковой». «Большевистские идеологи и цензоры» понимали, что «декабризм – это метафора» противостояния современному политическому режиму [Гордин, 2001]. Литераторы, вооруженные щитом чудотворных ленинских цитат о героических предках большевиков, толпились на истоптанном «декабристском “поле”» [Амусин, 2004]. В отношении советской власти к декабризму «наличествовали симптомы легкой шизофрении». Партийное руководство относилось к «официально поддерживавшемуся культу декабристов с некоторым подозрением» [Витенберг, 2006]. Броня «трех поколений» позволяла отражать попытки искоренить «недопустимую крамолу» [Гордин, 2001]. Прозрачным «эзоповым языком» фронтеры «излагали свои претензии Советской власти, почти не опасаясь, что им “за это чего-нибудь будет”» [Амусин, 2004], при этом сохраняя

уверенность, что у них будет все, положенное членам Союза писателей.

Книги о декабристах, выходявшие в сериях «Жизнь замечательных людей» и «Пламенные революционеры», играли «огромную роль в формировании общественных настроений» интеллигенции. Две «культовые» книги тогдашней интеллигенции — «Чаадаев» А.А. Лебедева (1965) и «Лунин» Н.Я. Эйдельмана (1970) воспринимались современниками, как «призыв к игнорированию системы, интеллектуальному бунту» [Гордин, 2001]. При таком подходе вопрос соответствия мятежных реконструкций исторической действительности отступал на второй план: «Исторических писателей 60–80-х годов интересовали <..> аллюзии, отсюда, например, тенденциозная трактовка декабризма» [Библиографическая служба «Континента», 1998].

Согласно воспоминаниям одного из видных шестидесятников и «прорабов перестройки» философа Григория Водолазова, «аллюзии» возникали благодаря методу «исторических аналогий»: «Читаешь министра Уварова, и тебя не покидает ощущение, что ты читаешь <..> министра <..> Демичева, только вместо “Телескопа” надо поставить “Новый мир”, а вместо “Философических писем” — что-нибудь солженицынское. А остальное — и по стилю, и по мысли — один к одному!»; «Читаем мы в книге Лебедева⁵ о высшей воле отправить в психушку инакомыслящего, и начинают сливаться <..>

в единый образ император Николай Романов и два генсека — Леонид Брежнев и Юрий Андропов». Благодаря писателям-«аллюзионистам» формировался «внимательный читатель, привыкший к особенностям (и маленьким хитростям) нашего письма». Глубоко законспирированные диссиденты ловили на лету «и наши аналогии, и наши советы, и наши “рекомендации”» [Водолазов, 2010].

Режиссер Владимир Мотыль свидетельствует, что одного из главных промоутеров декабристского мифа Булата Окуджаву мало волновало «как оно было на самом деле». Он отказался писать сценарий к «Звезде пленительного счастья»: «Здесь все строится на подлинных событиях, документах, мемуарах. А я так не могу». Режиссер возразил: «Но ты же пишешь “Глоток свободы”, роман о Пестеле — та же эпоха». Последовал ответ: «Мой герой — этот маленький человечек придуманный. А Пестель — ширма: тема “пламенных революционеров” спущена издательству». Мотыль указывает метод сочинения «исторического романа», посредством которого Окуджава «вчитывал» современность в прошлое:

Было вымысла в избытке,
И из собственной судьбы
Я выдергивал по нитке...
[Мотыль, 2001].

«Тенденциозная трактовка» исторических писателей-шестидесятников мифологически отождествляла выступление декабристов с «подтекстовым» оппонированием интеллигенции режиму кремлевских

⁵ А.А. Лебедев — литературовед, автор популярных в советское время «аллюзионных» биографий Грибоседова, Чаадаева, Якушкина.

старцев: «Фрондирующие исследователи хрущевско-брежневских времен, вроде Н. Эйдельмана, и “оппозиционные” “мастера культуры” (Б. Окуджава, В. Мотыль с его фильмом “Звезда пленительного счастья”) старательно лепили из них “шести-десятников”» [Сергеев, 2010].

Поэт Юрий Кублановский вспоминает, что отождествление с «тремя поколениями» служило противопоставлению интеллигенции советскому «аппарату насилия». Он иронизирует по поводу издательской аннотации к постперестроечному (1995) переизданию романа Юрия Давыдова «Синие тюльпаны». Во время очередного «глотка свободы» авторы аннотации пытаются реанимировать метод «неконтролируемого подтекста»: «Исторические параллели между III Отделением и МГБ <...> позволяют извлечь немало уроков, столь необходимых в наши времена». Кублановский вспоминает позднесоветский «меседж» интеллигентской версии русской истории: «Были “пламенные революционеры”, борцы “за нашу и вашу свободу”, и — “охранка”, гонительница и утеснительница свобододолюбцев. Интеллигент читал и ловил диссидентский кайф, отождествляя себя с первыми, а КГБ — со второй» [Кублановский, 2001].

Не только экспрессивные писатели, но и деятели строгой гуманитарной науки вносили вклад в злободневные ассоциации шестидесятников.

Ученые «заведомо искали вольнолюбивые идеи» в текстах «писателей-декабристов». Такой подход стимулировался советским вари-

антом декабристского мифа: «понятие “декабристская литература” стало жертвой идеологических недоразумений». Азарт исследователей доходил до того, что даже произведения, возникшие задолго до возникновения тайных обществ, рассматривались, как выражение революционных идей их авторов [Одесский, 2009]. Александр Чудаков ставит под сомнение правомерность терминов «писатели-декабристы» и «поэты-декабристы». Еще в советское время он критиковал Л.Я. Гинзбург, злоупотреблявшую этими и подобными «советскими» терминами: «Научной категории “поэт-декабрист” не существует и “вольнолюбие” при характеристике места в литературном процессе Ф. Глинки или Катенина ни при чем» [Чудаков, 2001]. Не стоит объяснять повальную «декабристизацию» творчества членов тайных обществ и их современников только идеологическим давлением. Интеллигентные авторы были искренне увлечены «основным мифом» интеллигенции.

Миф-отождествление, в отличие от «необратимой» истории-различия имеет «обратную силу». Историк «диссидентского» направления Владимир Пугачев уже в постсоветскую эпоху проецирует советские реалии в пушкинско-декабристские времена. Мастер советского эзопова языка воспроизводит раннюю риторику шестидесятников, их упование на «прогрессивную» постсталинскую власть: «Разговор с Николаем I оказался для Пушкина своеобразным аналогом воздействия XX съезда КПСС на российское общественное мнение. Появилась

не только надежда, но и вера в изменения “по манию царя”, если их поддержит передовая общественность» [Пугачев, 1992].

Герценовский миф глубоко укоренен в сознании шестидесятников. Зачастую достаточно «стимула» — упоминания даты 14 декабря, чтобы возникли декабристские ассоциации. Ветеран русской филологии Борис Егоров приводит отрывок из письма, датированного 14 декабря 1980. Упоминание священной даты русской интеллигенции влечет комментарии: «Мистика: после восстания декабристов в этот день столько совершалось событий и столько датировано писем! У одного меня наберется до десятка случаев» [Егоров, 2006]. Борис Федорович за десятилетия своей научной карьеры написал не одну тысячу писем. Нет ничего удивительного, что у него набрался «десяток», датированных днем «восстания декабристов». Автор, живущий русской культурой, усматривает в этом факте не статистику, а «мистику».

Наталья Пушкирева обозревает последние десятилетия советской истории с модной ныне точки зрения «гендера». Она отмечает, что «это было время увлечения книгами» таких авторов-вольнодумцев, как Н.Я. Эйдельман, Б.Ш. Окуджава, Ю.М. Лотман. Под их влиянием «либерально-критический дискурс» того времени в качестве первого среди нормативных образцов «мужчины на все времена» предлагал пример «“русского дворянина” (еще лучше — декабриста, человека чести)» [Пушкирева, 2012]. В подтексте романтического «гусара-де-

кабриста» находится официальный советский штамп: «декабристы — лучшие представители русского дворянства». Автор гендерного исследования не упоминает о модели «жена декабриста». Предложенная Пушкиревой «маскулинизация» декабристского мифа не отменяет его всеобъемлющего влияния. Он поверх половых различий определял самоощущение шестидесятника — «декабриста в повседневной жизни».

В романтиках 14 декабря «дети XX съезда» усматривали непреходящую «метафору мятежа»: «Романтический подъем декабристов <...> воспринимался российской интеллигенцией 1960-х как мятежный порыв и неподчинение тоталитарному режиму» [Черный, 2014].

Романтическое мировосприятие требовало и соответственного поведения. Необходимость перехода слова в дело осмысливалось в «образцовом» декабристском контексте. Литературовед Татьяна Хмельницкая в письме от 2 февраля 1966 приводит высказывание Якова Гордина, сравнившего возвышенных романтических поэтов-декабристов с прагматичными «реальными декабристами»: «Трубецкой — не поэт <и> на площадь не вышел, а поэты все пошли на гибель — этого требовал тип поведения» [Жизнь за столом, 2014].

Александр Гладков, автор пьесы «Давным-давно» (1940), по мотивам которой был поставлен блокбастер «Гусарская баллада» (1962). Фильм воплотил архетип «гусара-декабриста» — героя патриотиче-

ской войны, врага самодержавия. В дневнике Гладкова представлен пример единства декабристского слова и дела. Он записывает слухи о скандале в Доме искусства во время встречи нового 1964 года: «Евтуш[енко] попросили читать новые стихи. Он будто бы стал читать поэму “Декабристы” (глава из поэмы «Братская ГЭС» — С.Э.). Ему пьяный Иван Дзержинский стал что-то кричать и назвал его предателем. Дзерж[инского] поддержал какой-то физик. <...> Молодежь выставила обоих из зала» [Гладков, 2014]. Фрондирующий поэт читает стихи о священных предках интеллигенции. Пьяный сталинский лауреат выпускает в отважного повстанца залп словесной картечи. На подмогу поэтическому бунтарю устремляется каре «детей XX съезда». Они одерживают верх над сталинской реакцией. Стимульное слово «декабристы» запускает декабристский тип поведения.

Декабристский миф проникал на страницы так называемой «научной фантастики». Герой притчи уральского писателя Александра Чуманова «Сергеев тут и там» (1990) борется со злом, которое кое-где порой встречалось в Стране Советов. Он устанавливает в своем районе «полную порядочность». После этого отправляется в 1825 год устанавливать справедливость в темном прошлом. Воплощается в своего предка полковника Сергеева. Герой, зная, что «ожидает всех декабристов», отправляется в Петербург на Сенатскую площадь [Расторгуев, 2008]. Благородный потомок декабриста перемещается в машине времени, чтобы совершить ритуал искупительной

жертвы самоотверженных дворян. Это одна из наиболее выразительных манифестаций герценовского мифа.

3.2. Цензура и внутренний цензор

Заведующий редакцией серии «Пламенные революционеры» Владимир Новохатко рассказывает, каким образом злободневные аллюзии («второй план», «подтекст») преодолевали многоступенчатую цензуру центрального партийного издательства «Политиздат». «Охранители» — и работники идеологических отделов ЦК, и поставленные «смотрящими» над литературой маститые писатели — прекрасно считывали «крамолу» авторов, «склонных к политическому фрондерству». Разложение режима в брежневские времена достигло такой степени, что «цензоры» в душе были согласны со многими «подрывными» проекциями «событий прошлого на современность». На запреты их подвигал исключительно страх потерять «номенклатурную» должность. Увольнение с работы — это, конечно, не «пряник». Но, вместе с тем, и не сталинский «кнут» лишения свободы или даже жизни. Во многих случаях страх утраты номенклатурного кресла пересиливался стыдом потери лица в литературном окружении: «Трудно сказать, что двигало нас к инакодействию. Быть может, крепнущее год от года чувство человеческого достоинства, не мирящееся с попранием человеческой личности».

Были разработаны технологии «пробивания» текстов с «неконтролируемым подтекстом». Они пред-

усматривали снятие единоличной ответственности с идеологического контролера. Заведующий редакцией «Пламенных революционеров» вспоминает, как он правдами и неправдами убеждал начальство, что подозрительного автора «печатать не мы одни». Заручался рецензиями «авторитетов». Соглашался удалить кое-какие пассажи в качестве доказательства, что «работа была проведена» и т.д. Идеологические «верхи» принимали правила игры в аллюзионные жмурки. При уверенности, что ответственность удалось разделить, таможня давала добро. В свет выходили даже произведения «подписантов», с официальной точки зрения, едва ли не диссидентов. Согласования требовали значительного времени и сил. Новохатко и сегодня не может скрыть возмущения поведением некоторых фрондирующих совписов. Мастера культуры становились в позу: «Я — художник. Я так вижу», — и капризничали по поводу косметической правки.

В серии «Пламенные революционеры» декабристская тема относилась к наиболее нагруженным «неконтролируемым подтекстом». «Первое поколение» закономерно задавало тон всему проекту. Автор начинает мемуарный очерк с упоминания «нравственной доминанты», отличавшей всю серию, приводя пример повести Натана Эйдельмана об И.И. Пущине «Большой Жанно». Заканчивает — словами читателя. Потребитель неконтролируемого подтекста обыгрывает афоризм, вроде бы рожденный К.Ф. Рылеевым на Сенатской площади: «Серия была глотком свободы». В центре

повествования оказывается многоходовая стратагема, предпринятая ради публикации «неформатного» «Глотка свободы» Булата Окуджавы — повести о П.И. Пестеле. Среди «хитов» серии Новохатко упоминает еще одну «культовую» повесть Эйдельмана «Апостол Сергей», а также повесть Владимира Гусева о «кованном из стали» М.С. Луние «Синие гусары».

Автор, не без удовольствия, приводит «декабристский» пример того, как далеко их редакция заходила в своих подтекстовых играх с режимом. Вместо скучных «политзанятий» (так именовалось обязательное «изучение истории КПСС и так называемого научного коммунизма») оппозиционные бойцы идеологического фронта «изобрели такой маневр». Они принялись «изучать революционное движение декабристов» под руководством Натана Эйдельмана. На лекции, переполненные аллюзиями, «ломилась» вся интеллигентная Москва. «Вот что вышло из райкомовской настойчивости» [Новохатко, 2013]. В райкоме догадывались, что фрондер из Союза писателей показывает на «политзанятиях» свои фирменные фиги в кармане. Но считали, что будет спокойней, если он под присмотром станет сообщать проверенной публике жареные факты истории. Не дай Бог, пойдет делать то же самое по конспиративным явкам и адресам.

Цензуру удавалось пройти не всегда. Пьеса Бориса Голлера «Сто братьев Бестужевых» стала первым представлением (18 января 1980) ленинградского Молодежного театра.

Спектакль, наполненный историческими аллюзиями, стал «не только самой громкой постановкой, но и своеобразным паролем, на который отзывались “свой” — те, кто понимал, о чем написал пьесу Борис Голлер и о чем поставлен спектакль. Чужие, впрочем, тоже не дремали»: «В декабристах — рыцарях прошлого века — они мгновенно почувствовали угрозу. <...> Художественный бунт Молодежного театра <...> был <...> подавлен — аналогично восстанию 1825 года. Труппу разогнали, режиссеру выдали “волчий билет”» [Алексеева, 2014].

Запрет можно объяснить тем, что в «столичном городе с областной судьбой» идеологический контроль был намного жестче, чем в Москве. После демонстрации молодых писателей у Медного всадника 14 декабря 1975 память о декабристах в Ленинграде находилась под подозрением [Эрлих, 2014].

Метафорическое отождествление «художественного бунта» и вооруженного выступления «благородных мятежников» отражает верность «основному мифу» интеллигенции. Резюмируя впечатления от современной постановки пьесы Голлера, рецензент воскрешает риторику шестидесятников. Вечные истины мифа в его воображении пересиливают конъюнктуру безнравственного «духа времени»: «Страдания декабристов были не напрасны. Этические идеалы рыцарей чести и свободы (даже если историческая память в обществе слабеет, даже если говорить о совести становится неприлично) — каким-то фантастическим образом передаются из по-

коления в поколение» [Алексеева, 2014].

Кама Гинкас (автор пьесы и спектакля) и Генриета Яновская (режиссер) попытались выйти за пределы герценовской схемы «рыцари чести и свободы» против дракона самодержавия. Их постановка «Казнь декабристов» (1995) встретила цензуру другого рода. В первоначальном замысле постаревшие декабристы и их палачи возвращаются мыслями к трагической ночи 13 июля 1826. В бесплодном выяснении ответа на сакраментальный вопрос: «Кто виноват?» — выясняется, что у смертельных некогда врагов гораздо больше общего друг с другом, чем с представителями «племени молодого». Они — люди одного «хронотопа». Гинкас иллюстрирует замысел типичным шестидесятилетним сравнением своего «подлого» времени с героической эпохой декабристов: «Сталинское время закончилось, наступила “оттепель”, потом — застой, потом — перестройка, и вдруг мне стало понятно, <...> что и диссиденты, и ретрограды, и те, кто сидел, и те, кто их сажал, все — дети одного времени». Роли предложили знаменитым артистам, в том числе таким «символам советского времени», как Крючков, Юматов, Гердт, Рыжов. Пожилые звезды «тогда в прессе очень часто жаловались на отсутствие работы». К удивлению авторов спектакля — «почти все <...> отказались под разными предлогами». В постановке пришлось занимать молодых актеров. Гинкас и Яновская предлагают различные объяснения отказа советских знаменитостей [Гинкас, Яновская, 2014]. Им не приходит

в голову, что люди, черпавшие нравственную опору в самоотверженной борьбе святых декабристов с драконом «аппарата насилия», были не в состоянии усмотреть общие «поколенческие» черты в непримиримых противниках «основного мифа» интеллигенции.

3.3. Между мифом и историей

В подковерных столкновениях с официальной версией священных предков героических большевиков формировались выдающиеся мастера злободневных аллюзий. Н.Я. Эйдельман был одним из тех, кто «блестяще реализовывал <...> возможности» протаскивать в печать крамольные смыслы под прикрытием официоза «трех поколений» [Витенберг, 2006]. Авторы ЖЗ отмечают его выдающуюся роль в деле «аллюзионной» («Мы – декабристы, они – жандармы») пропаганды вольнолюбивых идей Герцена.

Литературный критик Андрей Немзер рецензирует сборник работ Эйдельмана. «Оппозиционная» пропаганда в условиях главлитовской цензуры характеризуется тезисом из мемуарной статьи Мариэтты Чудаковой о рано ушедшем коллеге: «Формировался новый для советской печати эзопов язык. Под царской властью подразумевалась – и автором, и читателем – советская» [Чудакова, 1990]. Немзер не отрицает «издержек аллюзионного мышления». Он отмечает «автобиографический импульс» сочувствия Эйдельмана к «подследственным декабристам». На его построения влияли пропагандистские контр-

мифы (рецензент именует их «анти-мифами») революционных предшественников: «Антипатия к Николаю I, <...> заданная мощной традицией (Герцен, Толстой), мешала увидеть в этом императоре фигуру масштабную и поистине трагическую». Историк во многом преодолел «эзопово» отождествление эпох «вниманием к конкретике судеб, идей, событий» [Немзер, 1995].

В работах Эйдельмана присутствовали не только странные сближения: «аллюзионно-публицистические акценты», «мягкая» ориентация «на житийную традицию» [Немзер, 1999]. В них содержался большой объем фактического, в том числе и архивного, материала. Его исследования отличает небанальный анализ собранной информации. Благодаря сочетанию «трех источников» – аллюзии, факты, интерпретации – Эйдельман приобрел свою фантастическую популярность у советских читателей. Он и в наши дни остается одним из самых читаемых исторических писателей.

Натан Яковлевич не был прямой мифотворцем. Он был одним из первых, от кого исходили демифологизирующие интерпретации герценовского наследия. Одним из проявлений такого двойственного «научно-мифологического» подхода может считаться «Диалог В.Э. Вацура и Н.Я. Эйдельмана на вечере, посвященном 125-летию выхода в свет “Полярной звезды” Герцена и 155-летию “Полярной звезды” А. Бестужева и К. Рылеева. Дом-музей А.И. Герцена, 3 декабря 1980 года». Несмотря на благоприятный повод, герценовская

мифология представлена незначительными фрагментами. Эйдельман упоминает «декабристов-героев». Вацуро именуется «Полярную звезду» Бестужева и Рылеева «декабристской». Перечисляемый в ходе «Диалога» состав авторов одного из первых успешных коммерческих проектов русской словесности свидетельствует, что ничего революционного в произведениях большинства из них просто быть не могло. Приведенные клише — не столько принадлежность оппозиционного декабристского мифа интеллигенции, сколько составная часть «идейно выдержанной» просоветской мифологемы «трех поколений». Из публикации выясняется сколь густо — «руководитель правого крыла Союза благоденствия», «примирительно-мистические настроения», «люди, которые продались самодержавию» — устная речь «оппозиционера» Эйдельмана была пересыпана советскими штампами.

В «Диалоге» заметен отход от принятой в серии «Пламенные революционеры» риторики «фиги в кармане», когда за историей декабристов и Герцена искушенному читателю открывалось второе дно актуальных намеков. Эйдельман осторожно формулирует тезис о специфике взглядов Герцена на декабристов. Для него «это уже люди, овеванные легендой». Публикациями лондонской «Полярной звезды» было положено начало другой легендарной теме русской культуры — «Пушкин и декабристы» [Вацуро, Эйдельман, 2000]. Чем объяснить демонстративную академичность и завуалированный «антимифологизм» популярной лекции двух легальных антимаркси-

стов? Возможно, они опасались, что среди слушателей присутствуют искусствоведы в штатском.

Публикация дневников Эйдельмана свидетельствует, что наедине с собой один из ведущих пропагандистов интеллигентского мифа не испытывал особых мифологических иллюзий. Историка, умудренного печальным знанием следственных дел декабристов, поражала безусловная вера современников в рыцарей, кованных из чистой стали. По итогам одного из таких разговоров была сделана запись о том, что декабристы, за исключением нежно любимого Лунина, так легко «раскалывались» на следствии. Причиной было отсутствие «веры, твердого устоя, уверенности» (20 октября 1966). После просмотра в театре декабристского Иркутска декабристской пьесы В.Н. Коростылева «Через сто лет в березовой роще» Эйдельман с удивлением фиксирует авторский замысел: «Идея — что документы врут (вставка с документами), — ибо иначе не объяснишь их (декабристов) слабость». Откровенность со следователями и покаянные письма верховному следователю Николаю Павловичу не совмещались с декабристской верой советского интеллигента (10–14 сентября 1968). Не без иронии записывает, как один из собеседников «горячился по поводу того, что все общество скорбело о декабристах и не могло верить Николаю» (15 февраля 1972). Натан Яковлевич не был циником. Об этом свидетельствуют впечатления о поездке по маршруту восставшего Черниговского полка: «Дух декабристов — Мотовиловка [неразборч.], где-то Устиновка, Белая Церковь,

куда все увезены» (2 мая 1975) [Эйдельман, 1999]. «Дух декабристов» побеждал минутный авторский скепсис в отношении герценовских героев-мучеников!

Яков Гордин объясняет двойственное отношение к декабристам своего товарища. Эйдельман не мог безоговорочно верить в герценовский миф, поскольку «был решительным и принципиальным противником революционного насилия в любых его формах»: «Но опыт декабристов <...> был важен для него как опыт психологической несовместимости порядочного человека с деспотизмом, как опыт самопожертвования ради братьев меньших, как опыт неистребимого нравственного протеста» [Гордин, 2001].

Легендарный хранитель Эрмитажа В.М. Глинка был «конгениален своим положительным героям <...> таким, как декабристы, Пушкин, герои 1812 года». Огромная эрудиция не позволяла ему быть всецело погруженным в герценовскую мифологию. Эйдельман вспоминал об ироничном отношении Глинки к стремлению экзальтированных искусствоведов всюду усматривать святых предков интеллигенции. В каждом портрете молодого офицера они узнавали «декабриста-гвардейца»: «Да, как приятно, декабрист-гвардеец; правда, шитья на воротнике нет, значит, не гвардеец, но ничего.<...> Уланский корнет, одна звездочка на эполете — звездочка, правда, была введена только в 1827 году, то есть через два года после восстания декабристов, <...> Так что не получается декабрист никак — а вообще славный мальчик».

«Многая мудрость» не всегда причудает к цинизму. Когда Глинке было предложено «сходу назвать троих “целиком чистых людей”», он «тут же припомнил своего любимого декабриста Горбачевского, доктора Гааза и Н.П. Анциферова». Первенство, отдаваемое декабристу, даже в сравнении со «святым доктором» Гаазом показательно. «Жгучая, ненасытная потребность» в возвышающем обмане герценовской мифологии брала в сознании советского интеллигента верх над низкими истинами рационального знания. Образцовая функция декабристского мифа позволяла эрудитам, отчужденным от лживой власти трудящихся, обрести точку нравственной опоры. Среди героев 14 декабря удавалось «отыскать в истории родную и притом непременно высокую и чистую душу, как маяк в океане» [Щеглова, 2008].

Яркий образчик двойственного отношения к герценовскому мифу представила активист правозащитного движения Р.Д. Орлова. В работе, написанной в Москве в 70-е годы, она поверяет этику декабристского мифа критериями эстетики. По принципу красоты противопоставляется герценовское восприятие отцов-декабристов его же взгляду на приبلудного сына — Нечаева: «Красоту Герцен увидел в переворотах несовершеннолетних или — за исключением похода Гарибальди — потерпевших поражение». Нечаев был другим исключением. Его несовершенный переворот заранее страшил неизбежным безобразием. Декабристы с их самоотверженными планами и героическим поражением предстают, в полном

соответствии с архетипическим представлением о жертве, в «ореле красоты». Герцен принял жизненное крещение «казню декабристов» и провел под их жертвенно-красивым знаменем всю жизнь: «Он вообразил их прекрасными юношами. Он увидел их и прекрасными старцами, не сломленными годами каторги, Сибири». Благодаря его «трансляциям» из Лондона на родину пришли «первые слова о героях четырнадцатого декабря».

Автор всей душой предан мифу интеллигенции: «Герцену дороги были и сами формы поведения декабристов — от каре на Сенатской площади до подвига жен, поехавших вслед за осужденными мужьями. (Современный читатель не должен забывать, что Герцен еще почти ничего не знал о показаниях декабристов на следствии)» [Орлова, 2004]. Уточнение в скобках свидетельствует, что знание «современного читателя», под которым понимается посетитель научных библиотек, рождает многие печали. Безраздельной веры в миф о героях-мучениках в узком кругу посвященных в материалы следствия быть не может. Орлова не «разоблачает» красивую сказку Герцена. Она щадит благородную веру профанов в декабристскую красоту, которая спасет русский мир.

3.4. Декабристы на площади и декабристы без декабря

Вторжение в Чехословакию стало рубежом в истории страны и в истории декабристского мифа. Свободное слово Герцена стало по-

буждением восьми граждан к делу свободы. 25 августа 1968 они вышли с лозунгом польских бунтарей «За вашу и нашу свободу!», пришедшим в Россию благодаря трезвону герценовского Kolokol [Герцен, 1960: 52]. Миф самопожертвования воплотился в жертвенном ритуале.

Решимость к подвигу «выхода на площадь» в стране, где несанкционированное публичное действие являлось государственным преступлением, в немалой степени подпитывалась памятью о герценовских героях-мучениках. Существует распространённое заблуждение: «Галич написал о них [диссидентах] свой “Петербургский романс”, в котором они сравниваются с декабристами 1825 года» [Гланц, 2011]. В действительности песня Галича не «исторически» отражала действительность диссидентского протеста на Красной площади, а формировала его мифологическими средствами. История «Петербургского романса» свидетельствует, что миф — это политика, обращенная в будущее. Участник демонстрации Павел Литвинов вспоминает о воздействии на него экзистенциального вопроса: «Смеешь выйти на площадь?»: «*Виктор Шендерович*: Песня Галича “Можешь выйти на площадь” появилась, как я узнал с удивлением, до вашего выхода. <...> *Павел Литвинов*: Лев Зиновьевич Копелев <...> приехал из Дубны, где Галич в первый раз спел эту песню, <...> это было за несколько дней до демонстрации. И он <...> спел мне эту песню. И согласно воспоминаниям его жены Раисы Давыдовны Орловой, я сказал: очень своевременная песня» [Шендерович, 2009].

Нравственная победа «декабристов» Красной площади осталась уделом героических одиночек: «Поступок, обреченный на поражение, то есть безупречно экзистенциальный (в сущности, декабризм пост-модерной эпохи, революция одиночек, революция — в отдельно взятой личности)» [Можегов, 2008].

После закручивания гаек интеллигенция утратила иллюзии близкого падения коммунистического самодержавия в результате бархатной революции социализма с человеческим лицом. В атмосфере «застоя» произошла «диверсификация» исторических аллюзий. «Диссиденты, робко сходящиеся на Сенатскую площадь, дабы, помянув декабристов, уподобиться им» [Добрович, 2009], остаются в меньшинстве. Герценовский идеологический таран, ориентированный на «диссидентскую» установку «прямого политического противостояния», не мог моделировать поведение робкого интеллигентского большинства.

В эпоху горьких разочарований (1971) появляется сценарий мультфильма по «декабристской» пьесе «Горе от ума», принадлежащий Лазарю Лагину: В финале «четко печатая шаг, проходит перед Чацким строем по четыре взвод декабристов. Равнясь на Чацкого, декабристы поют: “Я декабрист, и дух мой молод, // Ковал я счастья ключи. // Тра-ля-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля-ля, // Траляляляляляля!” На штыке у замыкающего взвод декабриста развевается вымпел с надписью КОНЕЦ». Цензура, усилившая бдительность, распознала фигу в кармане создателя «Старика Хот-

табыча». Сценарий был признан «идейно порочным и клеветущим на советский строй» [Загидуллина, 2004].

Лишь самые отчаянные из недиссидентов продолжали ориентироваться на декабристскую модель. Акцент переносился с героического стояния у Медного всадника на стоическое поведение после поражения восстания. Сергей Юрский отождествлял себя с людьми 14 декабря через любимые роли и книги. В 1962 он сыграл на сцене товстоноговского БДТ потенциального декабриста Чацкого, который «попал в чужое время». В 1963 вжился в образ поэтического заговорщика Кюхельбекера «в ленинградском телевизионном спектакле». Роман Юрия Тынянова «Кюхля» был книгой, из которой актер «черпал вдохновение». Ключевым для него понятием тыняновского романа явился «перелом времени», переданный «через перемену основного психологического жеста: после расстрела на Сенатской площади исчезли люди “с прыгающей походкой”». Юрский «встретил август 1968 года в Праге». Впечатление «от русских танков» ассоциировалось с «расстрелом на Сенатской площади»: «После того августа людей с прыгающей походкой целенаправленно стали изводить» [Смелянский, 2005].

Трагическое мироощущение декабриста после 14 декабря, с гордым терпением ожидающего, когда оковы тяжкие падут, было под силу артисту, привычному к смене личин. Но было невыносимо в повседневной жизни советской интеллигенции.

Требовались приемлемые образцы достойного существования во времени, подлеи которого, как казалось тогда, не было. Битая советская интеллигенция переносит свои исторические чаяния с тех, кто на площадь вышел, к тем, кто после этого рокового выхода всей душой сочувствовал узникам сибирских руд.

Московский филолог Мария Майофис приводит пример такой стратегии. В ситуации, когда власть жестоко подавила микромятеж на Красной площади книга В.Э. Вацуро и М.И. Гиллельсона «Сквозь “умственные плотины”. Очерки о книгах и прессе пушкинской поры» (М., 1972) оказалась, используя выражение вождя пролетариата, «очень своевременной». Она предназначалась для «не ставших декабристами/ диссидентами». В ней на примерах «декабристов без декабря» пропагандировалась «идеология профессионализма» — «внутреннее несогласие с происходящим в сфере политики и официальной культуры и сочетавшееся с ним стремление честно и профессионально действовать на избранном поприще».

Исторический опыт «внутреннего несогласия» формулировался либеральными властителями дум в виде стратегий «этически последовательного ответственного поведения». Первый пункт «программы поведения “честного человека” в условиях длительного политического и идеологического “похолодания”» предписывал считать помощь безумно храбрым диссидентам святой обязанностью осторожных интеллигентов: «Как делали это Пушкин, Вяземский, Дельвиг и многие дру-

гие по отношению к друзьям-декабристам и их литературному наследию» [Майофис, 2003].

В соответствии с духом «программы поведения», пропагандируемой Вацуро и Гиллельсоном, литературный критик Игорь Дедков записывает 31 декабря 1977: «Нельзя осуждать тех, кто рисковал (Радищев, декабристы, народолюбцы и т.д.), если ты сам не рисковал. <...> О действующих уместнее (нравственнее) рассуждать действующим, а не умствующим. <...> Оценивать можно, <...> только отдавая должное, с уважением, иначе будет ложь: всегда можно подумать, что ты оправдываешь свою слабость, свой страх». За эзоповым «и т.д.» в интимном дневнике советского человека скрывается не третье «ленинское» поколение делателей истории, а «рисковые» современники-диссиденты. Последовательный шестидесятник считает своим нравственным долгом воздать им «должное с уважением». Символично, что побуждением к этой зашифрованной записи стало чтение другой книги Гиллельсона на пушкинско-декабристскую тему «От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей» (Л., 1977) [Дедков, 1998].

Вторым пунктом «кодекса разрушителя коммунизма», не решившегося пойти по пути там-и-сам-издата, были курсы истории «высокого искусства» эзопова языка в России: «Откровенно выражая свое мнение, не дать властям ни малейшего повода усомниться в лояльности пишущего». Честный профессионал обязан стремиться к откровенности. Исключительно «междустрочный»

мессидж не засчитывался в качестве оппозиционного акта «честного человека»: «Нигде и никогда не существовало читателя, который читал бы *только* между строк. <...> Нигде и никогда уважающий себя писатель не изменял в угоду цензуре *смысла* того, что он пишет».

Мера откровенности была связана с мерой цензурных уступок. Устанавливалась неочевидная «последняя черта», переход которой означал соглашательство. Неуступчивый «нравственный закон» воспитывал в интеллигентах мученическую жертвенность: «Нужно всегда быть готовым смириться с запрещением и заменой самых, казалось бы, невинных слов, строк и строф, приносить в жертву целые произведения, замыслы сборников и периодических изданий».

Жертвенное непоступление принципами позволяло избежать разрушения самоидентичности. Оно было и действенным наступательным оружием, поскольку вносило «когнитивный диссонанс» в сознание многочисленных внешних и внутренних цензоров советского публикационного процесса. Их раздвоение между охранительной властью и внутренне свободным общественным мнением разрушало «умственные плотины». Страх общественного мнения постепенно приводил к «ощутимым подспудным переменам в общественном сознании и интеллектуальной атмосфере», оказывал «самое непосредственное влияние на государство и его аппарат».

Упор делался не на технологии, а на этическое оправдание рабьего

языка. Вспоминались излюбленные «пушкинско-вяземские» афоризмы острого галльского смысла о неприличии для честного человека либо быть повешенным за народное дело, «как Рылеев», либо сесть в Бастилию за неумение сказать все в стране, где нельзя ничего говорить. Они предоставляли «честному человеку» моральное оправдание стратегии «внутреннего несогласия». Тайные диссиденты сохраняли «внешнюю лояльность». Устами тайно свободных классиков фрондирующие советские ученые отвечали на сокровенные вопросы «носителей оппозиционных настроений»: «Кому и чему на самом деле мы служим, честно и ответственно выполняя свою работу? в чем заключается здесь наша миссия?» Ответ был прост: «Оставаясь честными профессионалами, мы служим великой русской культуре, просвещению малограмотных народа и власти». Отказываясь формально быть «заодно с правопорядком», честный профессионал, напротив, проявлял «граждански и этически безответственную позицию».

«Гражданскую и этическую» позицию честных профессионалов можно охарактеризовать как лукавство. В условиях нынешнего несмелого поведения большинства представителей научной корпорации у нас нет морального права осуждать шестидесятников, воспитанных в сталинскую невегетарианскую эпоху.

Появление мифологических «образцов-лайт» внутреннего сопротивления не умаляло потребности в героическом мифе декабристов, которые, «несмотря на поражение, <...>

одержали нравственную победу над царизмом». Образец «нравственной победы» был не только руководством к действию для горстки диссидентов. Герценовский миф оставался генератором, который придавал энергию «теории малых дел» по сохранению великой культуры. Без недостижимой для большинства интеллигентов моральной планки воинов-сподвижников «внутреннее сопротивление» честных профессионалов выродилось бы в элементарный коллаборационизм. Благодаря заоблачной морали мифа соучастие в «преступлениях режима» большинства брежневских интеллигентов ограничивалось пусть очень индивидуальной и, даже, резиновой «последней чертой». Заступая за нее на практике, интеллигент внутренне сопротивлялся своей уступчивости. Часто это «внутреннее сопротивление» совпадало с определением Евгения Шварца: «Порядочный человек — это тот, кто делает подлость без особенного удовольствия». Молчаливый упрек комиссаров в пыльных богатырских шлемах, за которыми маячили чудо-богатыри герценовского мифа, уменьшал число шестидесятников, получающих удовольствие от подлости. Майофис считает создание книги вредных советов о подцензурных способах подрыва «умственных плотин» «настоящим актом гражданской смелости» [Майофис, 2003]. Тема «неполного служебного соответствия» высокого декабристского идеала гражданским запросам робкого интеллигентского большинства чрезвычайно важна для моральной истории интеллигенции.

Андрей Зорин также считает, что потребность в дополнительных мифологических «опциях» была вы-

звана ужесточением режима. Оно произошло после вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию и знаменитой демонстрации диссидентов 25 августа 1968. Декабристский миф был «идеальным образцом, но не мог быть практическим руководством для большинства интеллигентов». «После пражских событий» им требовались «иные мифологические прообразы, точно также маркированные отчетливой оппозиционностью, но оппозиционностью не политического, а скорее этического свойства».

Исследователь расширяет список чистейших образцов этической оппозиции власти, на которые ориентировалась советская интеллигенция эпохи застоя. К упомянутому Майофис Пушкину, Вяземскому и Дельвигу добавляется образ Карамзина, мифологизированный трудами В.Э. Вацура, Ю.М. Лотмана и Н.Я. Эйдельмана. Востребованными оказались следующие черты, придворного историографа:

1) Подчеркнутый партикуляризм. «Надежда на <...> продуктивное сотрудничество с властью, была окончательно подорвана, партикуляристский идеал человека, выполняющего свой общественный долг в тиши кабинета, оказался чрезвычайно привлекателен»;

2) Занятия историей. «В текущий исторический момент <...> общественная практика не подлежит изменению, но мы должны сохранить подлинные сведения о прошлом»;

3) «Физический контакт с властью». Карамзин — маркиз Поза, который

напрямую обращается к власти «со словами обличения, наставления». Этот образ был созвучен «сокровенным чаяниям интеллигента, <...> живущего с подсознательной мечтой о том, что власть имущие когда-нибудь спросят его, как им быть».

В таком контексте «Записка о древней и новой России» не была интерпретирована советскими исследователями как часть «не очень чистой политической интриги, направленной на устранение Сперанского». Придворный историкограф оказался, «скорее всего, невольным» ее участником. Коллизия Карамзин – Сперанский была представлена Лотманом как конфликт «независимого интеллектуала и либерального реформатора». За этой «мифологической дуэлью» проглядывало презрение оппозиционной интеллигенции к бывшим собратьям, пошедшим на службу к режиму [Зорин, 2001].

3.5. Ревизия мифа

Исследователь политической риторики профессор Хазагеро́в считает, что не только интеллигентные конформисты, но и отчаянные диссиденты были чужды герценовскому мифу. Люди, выступавшие в брежневское время за нашу и вашу свободу, в отличие от лотмановских декабристов с их «римским» поведением», были движимы не нарциссическим «нормативным текстом». Они следовали «культуре поступка», пронизанного духом христианского самоуничтожения. Источником «узнавания» этой культуры была «русская литература». Она

«всегда связывала подвиг с такими христианскими добродетелями, как скромность и, главное, простота» [Хазагеро́в, 1998]. Такое утверждение не учитывает двойственность герценовского мифа. Он сочетает «римский» героизм языческого змеборчества с христианским смирением мучеников, «вышедших сознательно на явную гибель, чтоб разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабства» [Герцен, 1959а: 171].

Не принимаются во внимание мнения самих участников правозащитного движения.

Наталья Горбаневская в интервью, данном по поводу сорок пятой годовщины демонстрации диссидентов на Красной площади 25 августа 1968, заявила о верности призыву «декабристского» «Петербургского романа»: «Твержу галичевскую строку: “Смеешь выйти на площадь”. <...> У меня в ЖЖ она постоянно встречается. <...> Для меня очень важно это “смеешь” – не “должен”, не “обязан”. <...> Многие друзья не пошли на площадь, и никаких претензий у нас к ним не было» [Дьякова, 2013].

В одном из последних стихотворений Горбаневской пришла на память «молодежь-голодежь» на «острове Декабристов» (Голодае), где пятеро повешенных были тайно захоронены 13 июля 1826. Стихотворение насыщено реалиями начала XIX в.: «нянюшки-мамушки», «барщина и оброк». Новое поколение призывается к жертвенному поведению по образцу

декабристов и диссидентов, бросающих вызов «року во всех смыслах слова»:

Жаждай и голодай,
только не отдай
своего, живого
[Горбаневская, 2013].

Русско-американский поэт Катя Капович вспоминает петрозаводский эпизод своих скитаний по окологородским явкам начала восьмидесятых. Один из «играющих в диссидентов провинциальных мальчиков» Андрей Шилков собирался издавать контркультурный журнал «Север-Юг». По образованию он был историком: «Его слабостью были декабристы». Противостояние системе путем выпадения из нее опиралось на мятежные герценовские смыслы. Ориентация на священный образец интеллигенции выразилась в шутовском отождествлении первого заседания редколлегии будущего журнала с заседанием секретнейшего союза: «Объявляю заседание тайного общества открытым».

Мемуарист указывает, что Андрей Шилков «походил не на декабриста, а на финского безработного». Дело не в бесцветной, с точки зрения цыганки-молдаванки Капович, «северной» внешности, а в отсутствии способности к самопожертвованию, отличавшей мифологических декабристов. «Тайное общество» редколлегии, в том числе Катя Капович и ее друг, впоследствии известный поэт Евгений Хорват, вышло на центральную улицу Ленина столярного града Петрозаводска. Декабрист, похожий на финского

безработного неожиданно — «шумим, брат, шумим» — выкрикнул: «Долой Советскую власть! Да здравствует свободная Карелия!» Через квартал отступление обреченного отряда было остановлено милиционером. На уличном допросе: «Кто выкрикивал антисоветские лозунги?» — финнообразный декабрист «с повадками лидера» повел себя не героически. Он не стал возражать, когда Хорват взял ответственность на себя. Даже советский «жандарм» почувствовал презрение к мятежнику, не готовому делом жертвы подтвердить серьезность своих слов. Он вернул паспорт Хорвату со словами: «Смотри, он тебя не защитил, понял?» [Капович, 2006].

Неизвестно, насколько объективно мемуарист воспроизводит поведение поклонника декабристов. Андрей Шилков (1952–2008) не просто «играл в диссидентов», но был арестован в 1982 по делу «Молодых социалистов». Получил по приговору суда 3 года лагерей и 3 года ссылки [Шилков, 1992]. В его случае декабристская метафора мятежа была подтверждена личным самопожертвованием.

Политический заключенный — Александр Подрабинек свидетельствует, что декабристское самоощущение диссидентов не оставалось «вещью в себе». Уголовники, воспитанные советской школой, также усматривали в своих политических сокамерниках мятежную герценовскую сущность. Он вспоминает: «У меня в лагере кликуха была — Декабрист» [Подрабинек, 2013]. В повести того же автора заместитель директора научного института

выговаривает коллеге, советскому диссиденту: «А разве вы не в пантеон праведников направлялись? Или на собрание тайного общества декабристов?» [Подрабинек, 2014]. В подтексте «пантеона праведников» – роман о декабристах «Свет праведных». Он принадлежит Анри Труайя – русскому эмигранту в страну, знаменитую свои Пантеоном.

Историк Дмитрий Шушарин не сомневается, что «советские вольнодумцы»-шестидесятники «искали в истории и культуре» героические образцы «для самоидентификации»: «Особенно интересовались <...> деятелями российской асоциальной оппозиции XIX столетия – декабристами, народовольцами». Автор выговаривает советским интеллигентам за то, что они восхищались теми, кто стремился «насильственным, то есть неестественным путем низвергнуть пусть и далекий от совершенства, но эволюционировавший и в целом органичный, веками формировавшийся государственный уклад».

Шушарин не уточняет, заключалась ли «асоциальная оппозиция» декабристов в стремлении неестественным путем разрушить такое органичное социальное явление, как крепостное право? Автор, видимо, сознает, что титул «асоциальной оппозиции» может быть ассоциирован с членами тайных обществ только «насильственным, то есть неестественным путем». Он назначает шестидесятникам более «асоциальных», чем герценовские герои-мученики, священных предков: «Декабристы, конечно, декабристами, но все же главными своими

предшественниками наши шестидесятники в массе своей назначили революционеров-демократов – шестидесятников XIX века». «Разночинцев» и «прослойку» объединяет:

- 1) «Ощущение “классовой близости” – межсословного, “прослоечного” положения в социуме»;
- 2) «Перманентно оппозиционные взаимоотношения с властью»;
- 3) «Конгениальная безбожная “духовность”, склонность к внецерковному, светскому жизнеучительству».

Сближения эти справедливы. Однако они не являются уникальными характеристиками «революционеров-демократов – шестидесятников XIX века». Их можно с успехом распространить на все последующее революционное движение – народников, большевиков и других современных им революционеров.

Может быть, сами позднесоветские интеллигенты воспринимали «нигилистов» в качестве «первого поколения» своих священных предков? Автор утверждает, что «советские интеллигенты “оттепельной” и “постоттепельной” эпох охотно обыгрывали совпадение временных рамок термина “шестидесятничество” применительно к нынешнему и прошлому столетиям». «Обыгрывание» присутствовало. Иначе термин девятнадцатого века не был бы перенесен в двадцатое столетие. Заимствование старых «мехов» не означает причастия к духовной «сивухе», которой, благодаря назойливой советской пропаганде, несло от «поповичей в миру»

(Л. Манчестер). В данном отождествлении присутствовала самоирония подобная ироническому именованию декабристами «граждан алкоголиков, хулиганов и тунеядцев», получавшим «пятнадцать суток» согласно указу Президиума ВС РСФСР «Об ответственности за мелкое хулиганство» от 19 декабря 1956.

В интеллигентском фольклоре, так называемой бардовской песне, широко известны не только издательская по отношению ко всем «трем поколениям» коржавинская «Баллада об историческом недосыпе». Популярностью пользовались и пафосные «декабристские» куплеты Галича, Окуджавы, Городницкого. В связи с именами Добролюбова, Писарева, Чернышевского ничего восторженно рифмованного на три аккорда не приходит на ум. По поводу «разночинцев-шестидесятников» их советские терминологические «двойники» выражались исключительно иронически, «деконструируя» назойливую советскую пропаганду: «А тот со сна, имея нервы слабые, // Стал к топору Россию призывать». Для доказательства «самоидентификации» поколения «оттепели» с «нигилистами» Шушарин может сослаться только на циничную набоковскую «монографию» Годунова-Чердынцева [Шушарин, 1994].

Эти соображения не позволяют согласиться с тезисом, что «революционеры-демократы – шестидесятники XIX в.» были «главными <...> предшественниками наших шестидесятников». Данное «назначение» святых предков не подтверждается источниками.

3.6. Педагогика мифа

ЖЗ рассматривается не только подцензурное творчество производителей крамолы герценовского мифа. Представлены и впечатления потребителей мифологической продукции хрущевской и брежневской эпох.

Биографическая проза члена Союза писателей Москвы Дмитрия Шеварова реконструирует представления ребенка 60-х годов прошлого века о пушкинско-декабристском мифе: «Декабристы решили не ждать Пушкина и без него справиться с царем. <...> Они рубят одну царскую голову, вместо нее вырастает вторая. И уже эта, новая, голова одних казнит, других милует, то есть отправляет пожить в Сибирь. Пушкин возвращается слишком поздно, он жалеет декабристов и пишет им в Сибирь: мол, держитесь, оковы тяжкие падут, я тут чего-нибудь придумаю. Жизнь у Пушкина интересная, но грустная. Он любил свободу, а царь ему свободы не давал и все следил за ним. Царь только и думал о том, как погубить Пушкина, он подослал к нему Дантеса» [Шеваров, 2003]. В представлениях развитого советского дошкольника богатыри, кованные из чистой стали, в полном соответствии с мифом интеллигенции сражаются со Змеем Горынычем самодержавия. Обнажение змеборческого «приема» Герцена позволяет считать, что в интеллигентных семьях декабристы входили в сознание детей вместе с чтением богатырских былин, народных и пушкинских сказок. Пушкин представляется главным богатырем. Без него декабристам не под силу победить чудище. Автор вспо-

минает, что портрет национального поэта висел у них дома с незапамятных времен. В «пушкиноцентричных» представлениях ребенка декабристы выступали дружиной дядьки Черномора, составной частью мифа солнца русской поэзии.

Филолог Юлия Валиева упоминает о «культе Пушкина и декабристов», который царил в кузнице нескольких поколений питерских поэтов — литературном клубе «Держание» ленинградского Дворца пионеров. Она приводит «мифологические» строки из стихотворения пятнадцатилетнего Николая Голя (1967):

Я мертв. Но я с земли встаю.
Сто раз умру — и все же встану,
у этих виселиц туманных
вновь присягая декабрю
[Валиева, 2014].

Юный поэт, зная о трагической пасхе 13 июля, все равно присягает рождеству 14 декабря. В полном соответствии с декабристской мифологией («сии дела не умирают») он уверен, что героев самопожертвования после снятия с «виселиц туманных» ждет воскрешение в памяти благодарных потомков.

Петербургский лингвист Николай Вахтин осмысливает парадокс: «Понимая неправоту левых, социалистов разных мастей и оттенков, всю их беспомощности наивность, и понимая тем же самым умом правоту правых, в смысле консерваторов, все равно эмоционально сочувствуешь левым». Память уносит к детским впечатлениям от романов Окуджавы: «Его декабристы жутко наивны, беспомощны и даже

глупы — но милы мне; а его государственники, консерваторы, защитники режима — исторически, конечно, правы, но почему-то все как один противные. Что за странность?» [Вахтин, 2013]. Симпатия к «социалистам» иллюстрируется примером сторонников осторожно-буржуазного «прусского» пути развития. «Социалистом» среди декабристов, и то с большой долей условности, можно именовать лишь Пестеля. Эмоциональное воздействие декабристского мифа, впитанного в годы советского детства, до сих пор пересиливает холодную рациональность.

Альтернативный вариант пушкинско-декабристского мифа писателю и психологу Анне Кирьяновой в раннем детстве транслировала бабушка-учительница: «Он пропивал всю зарплату, которую получал от царя. То, что не успел пропить, проигрывал в карты. <...> Декабристы ничего не рассказали Пушкину о своем плане восстания, потому что знали, что он все разболтает». Деловые декабристы противопоставляются поэтическому пьянице-картежнику-болтуну. Возможно, «бабушке Розе» аморальный Пушкин претил потому, что во время войны она «служила в СМЕРШе» и не раз имела дело с подобными говорунами [Кирьянова, 2014]. В советское время такая интерпретация образа «друга декабристов» не была общепринятой.

3.7. Протестный ритуал мифа

Воспоминания поэта Елены Игнатовой свидетельствуют, что даты 14 декабря и 13 июля входили в состав

«великих праздников» «контркультурной» части позднесоветской интеллигенции. Миф воплощался в ритуале, чреватом мятежом. Мемуарист — участник питерской «второй культуры» 70-х — 80-х принадлежал к околодиссидентской среде. Группа представителей творческого «андеграунда» посмела выйти на Сенатскую площадь 14 декабря 1975 [Эрлих, 2014]. Ритуальному «перформансу» молодых поэтов и художников, вспоминает Игнатова, предшествовал ее «одиночный» ритуал декабристской инициации. Он свершился в декорациях казни, сохранившихся на месте съемок «культурного» фильма «Звезда пленительного счастья», рядом с Петропавловской крепостью: «13 июля, в годовщину казни декабристов, я после работы пришла к этому месту. <...> Я долго стояла там, предаваясь печальным мыслям». Эмоциональное слияние представителя поколения дворников и сторожей с «первым поколением» свидетельствует, как глубоко оппозиционный миф проникал в сознание интеллигенции.

Миф привязан не столько к историческому месту, сколько к циклам времени. Приобщаясь к дворянско-мятежникам, автор прекрасно осознал, что «декабристов казнили не здесь», не прямо под стенами Петропавловки. Историческое несоответствие легко преодолевается логикой мифа. Истинно верующему в Христа достаточно лицезреть сквозь мерцание свечей символ Распятия, чтобы в Страстную пятницу эмоционально взойти со Спасителем на Голгофу. Вид «обрывков веревок на перекладине и доски помоста в яме» в годовщину казни

героев Сенатской площади «невольно действовал на воображение» советского интеллигента. Нарастание религиозного чувства приводило к отождествлению с символами декабристского распятия. Игнатова вспоминает, что старалась «не глядеть на бурю краску на саванах», оставленных на месте после съемок фильма. Она отдавала отчет, что это бутафория, но воображение мифа претворяло краску в кровь коллективного Христа русской интеллигенции.

В случае Игнатовой декабристская «пасха» 13 июля «стала своего рода прологом» мятежного «рождества» 14 декабря. Тогда «против одиннадцати “демонстрантов” были выдвинуты полторы тысячи милиционеров, курсантов и сотрудников КГБ». Для человека православной культуры значение крестных мук Спасителя более значимо, чем его же пришествие в мир под знаком вифлеемской звезды. Описание «демонстрации протеста в Ленинграде» лишено ярких мифологических черт. Возможно, что причиной «хроникального» стиля был испуг «плохого солдата» диссидентского сопротивления злу насилием.

Выясняется важная историческая параллель. Поэт Виктор Кривулин не предупредил рядовых участников, что готовится вовсе не безобидная встреча приятелей «в 12 часов <...> у Медного всадника». Они не подозревали, что задумана формальная «демонстрация» с извещением не только западных дипломатов и журналистов, но и официальным уведомлением властей. Декабристы, также выводили

солдат на площадь, не сообщая истинную цель возмущения. Сравнение — не в пользу диссидентских потомков «первого поколения». У декабристов была отговорка для применения лживых средств. Солдатам невозможно было объяснить, чем для них конституционное правление будет лучше самодержавного. У организаторов «демонстрации протеста в Ленинграде» этой отговорки не было. Ради «массовости» они пошли на «недоговоренности» в отношении статистов «массовки» [Игнатова, 2008].

Художники и поэты, посмеявшие выйти на Сенатскую площадь, не знали, что на подмогу им собирался выйти Московский полк студентов МФТИ, под командованием Игоря Юганова. В Москве нашлись свои майбороды, шервуды и бошняки. Юганова выгнали из института «за подготовку к демонстрации к 150-летию декабристского восстания» [Уланов, 2004].

Реакция властей на демонстрацию 14 декабря 1975 была «в духе высокого жанра петербургских фантазмагорий». Много лет подряд в один и тот же знаменательный день 14 декабря в здании Центрального государственного исторического архива СССР, из окон которого открывался «роскошный вид на площадь Декабристов», «появлялись легко распознаваемые по повадке «искусствоведы в штатском». <...> На <...> случай, если вдруг, паче чаяния, на площадь выйдут новые мятежники» [Витенберг, 2005].

В рассказе Алексея Михеева действие разворачивается перестроеч-

ной порой. Он приводит свидетельство символической связи декабристов, диссидентов и энтузиастов антикоммунистической революции под руководством члена ЦК КПСС. Связь поколений воплощается в ритуальном выходе к Медному всаднику в священный день 14 декабря: «В 1825-м на Сенатской площади выстроилось офицерское каре, через полторы сотни лет охотившиеся на новых декабристов-диссидентов милицейские патрули прятались в разросшихся кустах, а теперь, еще через полтора десятка лет, постамент памятника был покрыт воском оплывших свечей» [Михеев, 2011]. 14 декабря 1990 постамент памятника основателю города трех революций был уставлен поминальными свечами. Тайное поклонение советской интеллигенции святым мятежникам на закате горбачевской перестройки воплотилось в массовом протестном ритуале.

На протяжении последних советских десятилетий декабристская метафора аккумулировала в сознании интеллигенции взрывчатый запас ненависти к режиму Змея Горыныча. Количество перешло в качество в результате государственного мятежа 19 августа 1991, парадоксально направленного на сохранение коммунистического «самодержавия». «Красные» сторонники путчистов назовут их «декабристами XX века» в ленинском смысле генеалогии советского режима [Соколов, 2001]. Их «демократические» оппоненты будут руководствоваться мятежными герценовскими ассоциациями. Мятеж консервативных декабристов Янаева против «легитимных» революционно-перестроечных

декабристов Ельцина получил символическое воплощение в городе трех революций.

Писатель Валерий Попов свидетельствует, что в те судьбоносные дни вдохновлялся декабристскими ассоциациями в сочетании с вольнолюбивой лирикой лучшего друга декабристов: «Когда мы, почти как декабристы, в дни ГКЧП вышли к Мариинскому дворцу и было страшно, я бормотал: “Есть упоение в бою!” А чуть позже, когда напряжение спало и пришла усталость, вдохновлял себя: “И на обломках самовластия напишут наши имена!”» [Попов, 2013].

По воспоминаниям писателя Нины Катерли в ночь с 19-го на 20-е она узнала, что «многие мои товарищи сейчас на Сенатской площади – строят баррикады» [Катерли, 2005]. Трудно установить, имело ли практический смысл строительство баррикад на широкой площади. Проще перекрывать артерии улиц. Но смысл «подпитки» защитников демократии энергией мифа, несомненно, в этом мероприятии и объявлениях о нем в СМИ присутствовал. В пользу этого свидетельствует используемое мемуаристом именование площади мятежа 14 декабря ее «историческим» именем, запечатленным десятилетиями советской пропаганды мифа о «первом поколении».

4. ПОСЛЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Утверждение: «Декабристы, революция, репрессии – вехи истории интеллигенции – воспринимаются

как “свое” прошлое либеральным крылом интеллигенции» [Вежлян, 2013] – соответствует реалиям советского периода. Для образованной «прослойки» тогдашнего общества декабристский миф («“свое” прошлое», воспринимаемое в качестве образца поведения) был тождествен истории тайных обществ декабристов.

Наши современники обнаруживают расширяющийся зазор между мифическим и историческим способами отношения к жизни. Писателю Александру Ласкину в «архиве на глаза попалась газета» с правительственным отчетом о бунте 14 декабря. На ней «различался крутлый след от стакана»: «Это же не что иное, как след в истории! <...> Даже столь важные события не изменили привычку читать газету за завтраком. <...> Как чаевничали, так и продолжали чаевничать» [Ласкин, 2013]. В подтексте высказывания – манифест неразумного эгоизма «подпольного человека»: «Свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить».

Маленькие радости частной жизни «здесь и сейчас» берут верх над проектным мышлением общих целей, которое зиждется на самоотверженных примерах «“своего” прошлого». Современное состояние декабристского мифа характеризуется, как угасание – не только в лояльном советскому официозу «идеологическом», но и фрондирующем «идеалистическом» изводах: «Увоенные из советской школы однозначные, идеологические и идеалистические трактовки событий 1825 года значительно колеблены» [Зиновьева, 2009].

Литературовед Абрам Рейтблат считает, что «идеальный тип» декабристского поведения, прокламированный Ю.М. Лотманом утратил свою актуальность: «В современном обществе <...> нет таких влиятельных образцов, которые бы полностью или в значительной степени задавали программу социального поведения». Отказ от универсальных декабристских образцов в пользу частных «моделей для разных ситуаций, разных контекстов» свидетельствует о неприемлемости декабристского мифа для наших образованных современников [Культурные коды, 2006].

Литературовед Евгений Ермолин объясняет причины, по которым произошло колебание мифологических основ: «Героическая мистерия декабристского бунта» — основной миф «в сознании русской интеллигенции с <...> поиском исторических прецедентов революционным проектам преобразования России». Сегодня «революционное насилие <...> вышло из моды, стало фантомом маргинальной политики» Радикальный ментальный поворот поставил декабристский миф «под вопрос». Происходит «переоценка ценностей и полного либо частичного развенчания былых героев». Умирающий миф поддерживается инерцией памяти старшего поколения. Людям, чья социализация пришлась на советское время, «трудно <...> расставаться с предметом детской любви». Им невозможно представить, что люди 14 декабря «все подряд озабочены слишком человеческим и никто не жертвует собой» [Ермолин, 2004].

Невозможно согласиться с автором, что «насилие» может вызвать

всеобщее отторжение в стране, где главными национальным героями считаются Иван Грозный, Петр Великий и Сталин. С советскими людьми, воспитанными на мифе декабристского самопожертвования, согласиться, как раз следует. Участие в заговоре и мятеже немислимо для тех, кто «озабочен слишком человеческим» и не готов «жертвовать собой». Слова о вольности святой декабристы удостоуверили собственной жертвой на виселице и в сибирской каторге.

Проблема конца истории декабристского мифа заключается не в свойствах его исторического объекта, а в постсоветской ментальной революции советских носителей мифологемы героев-мучеников. После 1991 бывшая советская интеллигенция слишком озаботилась «слишком человеческим». Наш слой превратился в мелкую буржуазию умственного труда. Стремительное сближение с картиной мира презируемого интеллигенцией «мещанства» заставляет презирать тех, кто готов жертвовать ради общих интересов. Причина угасания мифа интеллигенции — это смерть сословия его носителей [Эрлих, 2015].

Екатеринбургский поэт Андрей Расторгуев считает, что в последние годы возникло очередное препятствие для «многомерного восприятия дворянских революционеров XIX века»: «Переосмысление деяний декабристов в значительной степени сливается с нынешней антилиберальной волной» [Расторгуев, 2014]. Исследователь, который желает представить исторические

события без мифологической «цензуры», оказывается в положении невольного соучастника пропагандистской кампании по «дегероизации» героев интеллигенции. В процессе деконструкции герценовского мифа требуются дополнительные усилия, чтобы отмежеваться от компании циничных технологов Кремля и романтиков православной монархии.

Критикой различных аспектов декабристского мифа пронизаны многие рецензии декабристоведческих штудий. Рецензенты отмечают, что сторонники демифологизации не во всем избавились от влияния Герцена.

Литературный критик Лев Аннинский сообщает мысли, возникшие при чтении книги философа Семена Экштута «На службе российскому Левиафану» [Экштут, 1998]. Рецензируемый труд рассматривается, как продолжение советской традиции декабристских аллюзий, иронично именуемой «щегольские “дома с башенками”»: «Сочтем домостроителем такого историка, наделенного литературным даром, как Натан Эйдельман, а конструктором башенок — такого поэта со склонностью к истории, как Булат Окуджава». Экштут, следующий в фарватере советских эпигонов Герцена, до сих пор не вышел из герценовской мифологической шинели: «Историк, берясь за дело, требующее полного обновления оценок и даже понятий, сам-то находится под обаянием старого мифа, с герценовских времен сделавшегося чем-то вроде символа веры русской интеллигенции».

Историософия Экштута в «несколько обостренном» пересказе рецензента: от Петра I до 1812 года просвещенное дворянство идет вместе с властью и создает непобедимую империю, после 1812 года начинается размежевание бывших союзников, а при Николае I между ними возникает раскол «интеллигенции» и «власти», — представляет концепт «Развития революционных идей в России». Философ Экштут выступает герценовским эпигоном второй (через Эйдельмана) руки. Миф Герцена у него проступает через мишуру эйдельмановского «контрфактического моделирования». Философ «назначает “главным героем исторического повествования” не строгую логику, обратного хода не имеющую, а “мгновенный и непредсказуемый случай”» [Анинский, 2000]. Свойственное шестидесятиникам упование на случайную победу их безнадежного дела сегодня выглядит как свидетельство «усталости» тираноборческой «метафоры мятежа».

Вера Бокова рецензирует новаторскую работу Оксаны Киянской о Пестеле [Киянская, 2002]. Монография характеризуется, как «одна из первых попыток выйти за рамки шаблона» декабристского мифа. В арсенале герценовского «вождя декабристов» оказываются «все те приемы, которые традиционно ассоциируются с С.Г. Нечаевым, олицетворяющим отечественную революционную бесовщину, но в общественном сознании никогда не связывались с декабристами». Рецензент предупреждает, что «читатель, воспитанный на традиционно-романтическом мифе о “друзьях 14-го” и помнящий

аттестации А.И. Герцена, <...> будет, вероятно, шокирован открывшейся картиной. Подобный шок, однако, — неизбежное следствие столкновения исторического мифа с историческим фактом».

Бокова считает, что автор, бросивший вызов мифу, сам от мифа не свободен. Подтверждение видится в «априорном мнении» Киянской, что Пестель прибежал к «финансовым махинациям» по единственной причине: «Как заведомый заговорщик он непременно хотел делать революцию». Рецензент допускает, что Пестель руководствовался и прозаическими соображениями: «Все его поступки можно идеально уложить в иную модель — классический случай “прислуживания”. <...> Очень возможно, что Пестель, которого вели по жизни не родство и порода, а усердие и связи, так и поступал» [Бокова, 2004].

Демифологизируя демифологизатора Киянскую, Бокова сама не избежала упреков в мифологизации дворянских революционеров. Ее критиком выступил священник непризнанной руководством РПЦ МП Украинской автокефальной православной церкви (обновленной), выпускник истфака МГУ Яков Кротов. Он ревниво относится к освещению светскими историками религиозных аспектов русского прошлого. Отец Яков выносит приговор статье «Апология декабризма», в значительной мере посвященной мифологическим основаниям советского декабристского мифа [Бокова, 1994]: «Характерным примером мифологизации истории может быть статья Веры Боковой, которая доказывала, что

религиозность декабристов обусловила у них — в сравнении с позднейшими революционерами — не только “более высоко развитое нравственное чувство”, но и более мощный дух аскезы, миссионерства, самопожертвования» [Кротов, 1999].

В рецензии другой монографии Киянской «Южное общество декабристов» [Киянская, 2005б] Вадим Парсамов отмечает, что ее работа далека от «традиционного представления о декабристах как о рыцарях без страха и упрека». Рецензент не хочет, чтобы у читателя сложилось впечатление, что Киянская «поставила себе целью во что бы то ни стало <...> “нарыть компромат” на очередную жертву “журналистского” расследования». В изображении автора монографии лидер южных декабристов Пестель — фигура трагическая. Искреннее желание «общего блага» сочетается у него с убеждением, что «осуществление высоких идей тайных обществ невозможно без использования заведомо “грязных” средств». Парсамов отмечает развенчание в «Южном обществе декабристов» частной мифологии. Согласно ей, один из сонма декабристских иуд — А.И. Майборода не выдержал мук совести и покончил с собой по примеру своего евангельского прототипа. Аргументированное предположение Киянской о том, что «рана, явившаяся причиной смерти, не могла быть нанесена собственной рукой» Майборода выводит и этот сюжет из смыслового поля герценовского мифа [Парсамов, 2005].

В статье Ольги Эдельман отсутствуют какие-либо намеки на рыцарей-

мучеников 14 декабря [Эдельман, 2011]. На материале биографии П.И. Пестеля она развенчивает другой аспект герценовского мифа — о поколении порочных отцов, чьи грехи на Сенатской площади искупали дети 1812 года. Вопреки Герцену И.Б. Пестель не был сибирским тираном и казнокрадом. С этим тезисом следует согласиться. Необходимо только оспорить манеру, в которой сделано это «открытие». Автор забывает упомянуть, что до нее об этом писала Оксана Киянская: «Документы свидетельствуют: взяток генерал-губернатор не брал, патологическим злодеем не был» [Киянская, 2005а. С. 18].

Не все опыты демифологизации одинаково полезны.

К неубедительным следует отнести попытку деконструкции герценовских «мифов и штампов», предпринятую политтехнологом Игорем Черным. Автор задается вопросом: «Почему “главными” считаются именно пять повешенных»? Рылеев, Пестель, Каховский и Бестужев-Рюмин на эту роль не тянут. Единственный «действительно интересный человек» из них — С.И. Муравьев-Апостол. Черный уверен, что повешенные несправедливо затмевают в общественном сознании «действительно заслуженных людей». В список несправедливо оставленных «на обочине» включены: М. Лунин, С. Волконский, И. Сухинов, Д. Завалишин, М. Орлов, братья Бестужевы [Черный, 2006].

Идея заменить неправильных «главарей» на правильных свидетельствует о неудовлетворительном уровне методологической подготовки.

Из постановки задачи следует, что автор понимает под мифом не священный образец, воспринимаемый верующими в него гражданами, как руководство к действию. Он исходит из «обыденного» значения, согласно которому миф — либо сознательная ложь, либо неосознаваемое расхождение с действительностью.

Даже приняв понятийную «бытовуху» Черного в качестве «инструмента познания», невозможно согласиться с предлагаемым делением на чистых и нечистых. Автор не приводит аргументов в пользу своего неординарного тезиса, что в отличие от повешенных «заслуженные» находились «на обочине» общественного внимания. Относительно Лунина, Волконского, Орлова, братьев Бестужевых можно утверждать обратное. Их сочинения не раз издавались, в том числе в таких престижных сериях, как «Литературное наследство» и «Полярная звезда», неоднократно включались в различные популярные хрестоматии. Им посвящены научные монографии, популярные книги, художественные произведения в стихах и прозе, множество журнальных и газетных публикаций. Ряд из них принадлежит перу лучших деятелей науки и культуры.

Малоизвестность поручика Александровского гусарского полка, члена Общества соединенных славян Сухинова объясняется его скромной ролью в истории тайных обществ. Черный упомянул его из-за незаурядных обстоятельств «постдекабристской» судьбы рядового «военной революции». Среди них — попытка организовать заговор ка-

торжников Зерентуйского рудника и самоубийство накануне смертной казни. Эти обстоятельства привлекли внимание писателя Анатолия Афанасьева, чья «Повесть об Иване Сухинове» была издана в «культурной» советской серии «Пламенные революционеры» [Афанасьев, 1985]. Утверждать, что Сухинов получил внимания меньше, чем заслуживает в качестве «дворянского революционера», несправедливо.

С автором можно согласиться в одном. По причине советских «мифов и штампов» эксцентричный Завалишин был отодвинут в тень своих товарищей. Воспоминания злоязычного и самовлюбленного командора мифического «Ордена восстановления» разрушали мифологическое единство мемуарной традиции остальных декабристов. Из-за этого они подвергались в советское время издательским «репрессиям».

Отмеченные Черным «заслуженные люди» из тайных обществ в большинстве своем являлись заслуженными декабристами СССР.

По каким причинам он считает незаслуженным включение в число «главных» декабристов члена Директории и фактического главы Северного общества Рылеева, председателя Южного общества Пестеля, одного из руководителей Васильковской управы Южного общества Бестужева-Рюмина? «Заурядный поэт К. Рылеев на Сенатской не был, да и на роль вдохновителя явно не подходит, к тому же с самого начала следствия начал активнейше выдавать соратников. П. Пестель не принимал участия в восстании

и был арестован задолго до мятежа, а поручика М. Бестужева-Рюмина наказали практически за “сопротивление властям”» [Черный, 2006]. Автор прибегает к взаимоисключающим критериям «неглавности». Для Рылеева, который, справедливости ради, «на площади с мятежниками <...> был весьма недолго» [Восстание декабристов, 1925. С. 218], и Пестеля это — «неучастие». Для Бестужева-Рюмина, напротив, — участие в вооруженном выступлении. Удивляет отказ, вопреки данным источникам, считать Рылеева «вдохновителем» петербургского мятежа. Аргумент «активнейшей выдачи» в применении к участникам тайных обществ, говоря научным языком, нерелевантен. За исключением едва ли не единственного «молчуна» Лунина, декабристы неприлично активно сотрудничали со следствием, «выдавая соратников». Безапелляционное заявление о поэтической заурядности Рылеева (в сравнении с кем, с Пушкиным?) уводит за пределы логического «множества» главных и неглавных декабристов.

Понять ход исторической мысли политтехнолога, оставаясь в рамках, формальной логики невозможно. «Неглавность» большинства из повешенных пиарщик Черный аргументирует методом черного пиара. Акция пчелы против меда в исполнении конструктора политических мифов свидетельствует, что он основательно подзабыл лекции о декабристах, прослушанные в знаменитом Московском историко-архивном институте.

Автор убежден в абсурдности герценовского мифа, согласно которому

декабристы ассоциируются, прежде всего, с повешенными. Даже для атеиста, живущего внутри христианской по духу свободы выбора европейской культуры, очевидно, что миф — это священное слово, подтвержденное жертвенным делом. «Заурядный» поэт Рылеев это чувствовал: «Но где, скажи, когда была без жертв искуплена свобода»? А Николай Павлович — нет. Повесив мятежников, царь создал объективные предпосылки для творения мифа, посредством которого духовные внуки декабристов сокрушили царство его правнука.

Обзор публикаций ЖЗ, посвященных истории декабристского мифа интеллигенции, позволяет сформулировать ряд историографических проблем, которые могут быть решены путем привлечения более широкой источниковой базы:

1) В какой мере мемуары декабристов зависели от мифа, созданного Герценом, каков был их персональный вклад в мифологию собственного самопожертвования, какие из герценовских «топосов» были воспроизведены ими независимо от редактора «Полярной звезды»?

2) Как официальный николаевский контр-миф 14 декабря воздействовал на публицистику Герцена и мемуары декабристов?

3) Каким образом в различные исторические эпохи декабристский миф влиял на построения историков, в какие периоды активизировались попытки научной деконструкции декабристского мифа и на каких принципах они строились?

4) Как проходила «индоктринация» масс ленинской модификацией герценовского мифа декабристов через каналы образования, СМИ, литературы и искусства, как мифологема «трех поколений» приспособилась к требованиям «текущего момента»?

5) Как под прикрытием ленинских цитат формировалась «аллюзионная» модель 14 декабря советской интеллигенции: мы — декабристы; «номенклатура» — николаевские са-трапы?

6) Когда возникло разочарование интеллигенции в своем «основном мифе» декабристского самопожертвования ради народа, как зарождалась и трансформировалась «мещанская» концепция приватной жизни, присущая большей части образованных людей современной России.

Полная история декабристского мифа еще не написана. Публикации ЖЗ являются важным источником для написания этой истории.

Abstract: The History of Decemberists` myth in `Journals` Hall` web-site. There are 50 000 publications came from 36 so called `thick journals` are been placed in `Journals` Hall` site during last two decades. That immense collection is an indispensable source for studying the public opinion of modern Russia`s educated strata. It is about 1000 publications related to Decemberists` topic. More than 100 of those dedicated to the history of Decemberists` myth. They help to understand how the myth influenced the public

consciousness during 19th 20th centuries. The first part of those publications represents observations of modern scholars, writers and journalists. The second part consists of memoirs, diaries, letters and others sources of the past. The evidence of those sources shows the influence on memory about Decembrists on discourse and activities of intelligentsia of that time. That massive volume of texts is still not sufficient enough for `the thick description` of the Decembrists` myth history. However, analysis of those texts can be useful for future monograph on that important subject of the consciousness of Russian intelligentsia.

Key words: Decembrists` myth, Basic myth of intelligentsia, Journals` Hall, Thick journals

REFERENCES

Afanas'ev A.V. ...I pomni obo mne: Povest' ob Ivane Suhinove. M.: Politizdat, 1985. 315 s.

Alekseeva E. Kavalergardov vek nedolog // Znamya. 2014. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/6/23a.html>.

Amusin M. Na avanscene i za kulisami istorii. O tvorchestve Borisa Gollera // Zvezda. 2004. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/3/amus18.html>.

Anisimov E.V. Russkaya pytka: politicheskii syisk v Rossii XVIII veka. SPb.: Norint, 2004.

Anninskii L. Ne ukrali li u nas chasy istorii? // Druzhba narodov. 2000. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/druzhba/2000/1/anninsk.html>.

Ardov M. Vokrug Ordynki. Portrety. Novye glavy // Novyi mir. 2000. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/5/ardov-pr.html.

Balyazin V.N. Tainaya zhizn' Aleksandra I. M.: Olma Media Grupp, 2007.

Benkendorf A. Vosstanie 14 dekabrya 1825 goda. Publikaciya, vspupitel'naya zametka i primechaniya Alekseya Litvina. Perevod s francuzskogo Oganesa Marinina // Zvezda. 2007. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/zvezda/2007/4/be10.html>.

Bibliograficheskaya sluzhba «Kontinenta» // Kontinent. 1998. № 98. URL: [http://](http://magazines.russ.ru/continent/1998/98/bsk-pr.html)

magazines.russ.ru/continent/1998/98/bsk-pr.html.

Bokova V. Apologiya dekabrizma // Kontinent. 1994. № 4. S. 160–178.

Bokova V. Rec.: Kiyanskaya O.I. Pavel Pestel': Oficer, razvedchik, zagovorshik. – M.: Paralleli, 2002. – 512 s. – 1000 ekz. // Novoe literaturnoe obozrenie. 2004. № 67. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67/nov24.html>.

Chernyi B. Formirovanie i pereosmyslenie russko-evreiskoi identichnosti. Sluchai Simona Markisha // Neprikosnovenniy zapas. 2016. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2014/1/15ch.html#_ftn-ref34.

Chernyi I. «Ah, obmanut' menya netrudno, ya sam obmanvat'sya rad» // Znamya. 2006. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/3/ch13.html>.

Chudakov A. Razgovarivayu s Ginzburg. // Novoe literaturnoe obozrenie. 2001. № 49. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2001/49/chud.html>.

Chudakova M. Natan Eidel'man, istorik Rossii // Znanie – sila. 1990. № 12. URL: http://www.znanie-sila.ru/people/issue_72.html.

Chukovskaya L.K. Dekabristy – issledovateli Sibiri». M.: Geografiz, 1951. 136 s.

Chukovskaya L.K., Oksman Yu. G. «Tak kak vol'nost' ot nas ne zavisit, to ostaetsya pokoi...» Iz perepiski (1948–1970). Predisloviye i kommentarii M.A. Frolova; podgo-

tovka teksta M.A. Frolova i Zh.O. Havkinoi // Znamya. 2009. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/6/ch12-pr.html>.

Dedkov I. Obessolennoe vremya. Iz dnevnikovyh zapisei 1976–1980 godov. Publikaciya i primechaniya T.F. Dedkovoii // Novyi mir. 1998. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/5/dedkov.html.

Dobrovich A. Rec.: Ignatova E. Obernushshis'. — Sankt-Peterburg: Gelikon plus, 2009 // Ierusalimskii zhurnal. 2009. № 32. URL: <http://magazines.russ.ru/ier/2009/32/mi20.html>.

D'yakova E. Natal'ya Gorbanevskaya: Dlya menya ochen' vazhno eto «smesh'» // Novaya gazeta. 2013. 21 avgusta. URL: <http://www.novayagazeta.ru/arts/59607.html>.

Edel'man O. Neznakomyi Pestel' // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. № 111. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/ei15-pr.html>

Egorov B.F. M.L. Gasparov v bytu // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. № 77. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2006/77/e8.html>.

Eidel'man N. Iz dnevnikov. Vstupitel'naya zametka, publikaciya i kommentarii Yulii Eidel'man // Znamya. 1999. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/1/eidel-pr.html>

Ekshut S.A. Na sluzhbe rossiiskomu Levianu. M.: Progress-Tradiciya, 1998. 392 s.

Eliseev N. Umershee zerno. Rec.: Nadezhda Ulanovskaya, Maiya Ulanovskaya. Istoriya odnoi sem'i. Memuary. SPb.: Inapress, 2003. 464 s., s il. // Novyi mir. 2004. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2004/1/elis14-pr.html.

Erl'ih S.E. Svidetel'stvo o smerti. Sovremennye pisateli o dekabristskom mife // Znamya 2015. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2015/6/14e.html>.

Erl'ih S.E. Vid na Senatskuyu iz Kremlya // Politru. 2014. 2 fevralya. URL: <http://polit.ru/article/2014/02/02/dec/>.

Erl'ih S.E. Voina mifov. Pamyat' o dekabristah na rubezhe tysyacheletii. — SPb.; M.: Nestor-Istoriya, 2016. 552 s.

Ermolin E. Rec.: V.A. Bryuhanov. Zagovor grafa Miloradovicha. M.: AST; Astrel'; ZAO NPP «Ermak», 2004. 415 s. // Novyi mir. 2004. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2004/10/ee21-pr.html.

Etkind E. Pozdnie uroki. Rec.: Mark Mark Azadovskii. Yulian Oksman. Perepiska. 1944–1954. M., 1998. 410 s. // Voprosy literatury. 1999. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1999/4/etkind.html>.

Faibysenko V. Mezhdunarodnaya konferenciya «Nash XIX vek. Fenomen kul'tury i istoricheskoe ponyatie» (Moskva, GIIM, 19–20 maya 2011 g.) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. № 112. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2011/112/fa43.html>.

Gadalova N. Mezhdunarodnaya konferenciya «Posle grozy. 1812 god v kollektivnoi pamyati Rossii i Evropy» (GIIM, Moskva, 28–30 maya 2012 g.) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 118. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/g50.html>.

Gercen A.I. Prolegomena // Gercen A.I. Sobranii sochinenii v tridcati tomah. T. 20. Kn. 1. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. (Vpervye opublikovano: Kolokol. 1868. № 1. Sm.: T. 20. Kn. 2. S. 740).

Gercen A.I. Byloe i dumy. Chast' chetvertaya. Moskva, Peterburg i Novgorod (1840–1847) //

Gercen A.I. Koncy i nachala // Gercen A.I. Sobranii sochinenii v tridcati tomah. T. 16. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959.

Gercen A.I. Novaya faza v russkoi literature // Gercen A.I. Sobranii sochinenii v tridcati tomah. T. 18. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959.

Gercen A.I. Sobranii sochinenii v tridcati tomah. T. 9. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956.

Ginkas K., Yanovskaya G. Chto eto bylo? // Znamya. 2014. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/5/12g.html>.

Gladkov A. Dnevnik. Publikaciya, podgotovka teksta, vstupitel'naya stat'ya i kommentarii M. Miheeva // Novyi mir. 2016. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/1/10g.html#_ftn34.

Glanc T. Pozor. O vospriyatii vvoda voisk v Chechoslovakiyu v literaturnyh i gumanitarnyh krugah (avtoriz. per. s cheshskogo E. Glanc) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. № 111. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/gl9.html>.

Gorbanevskaya N. Poshady ne proshu. Iz stihov 2013 goda // Druzhba narodov. 2013. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2013/12/1g-pr.html>.

Gordin Ya. Zanyatiya istoriei kak oppozitsionnyi akt // Znamya. 2001. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/4/itogi.html>.

Granin D. Zagovor // Zvezda. 2012. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2012/1/gr3.html>.

Gubailovskii V. Poema bez fabuly // Arion. 2003. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2003/3/gubai.html>.

Han-Pira E. Rec.: Yu.G. Oksman – K.I. Chukovskii. Perepiska. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. – 174 s. // Znamya. 2002. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/8/hpir.html>.

Hazagerov G. Semidesyatye. Dvoinichestvo? Dvoemirie? Binarnost'? // Znamya. 1998. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1998/12/hazger-pr.html>.

Ignatova E. Troickoe pole // Sibirskie ogni. 2008. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/8080/sib/2008/1/ig9-pr.html>.

Il'in I. Belaya odiseya. Iz dnevnikov // Oktyabr'. 2016. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2014/4/4i.html>.

Ionkis G. Inmemoriam, ili Vstrechi s Bal'zakom // Slovo/Word. 2009. № 63. URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2009/63/io3-pr.html>.

Kaplun V. «Zhit' Goraciem ili umeret' Katonom»: rossiiskaya tradiciya grazhdanskogo respublikanizma (konec XVIII – pervaya tret' XIX veka) // Neprikosnovenniy zapas. 2007. № 55. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/ka16.html>.

Kapovich K. Tri zimy pod kopirku // Zvezda. 2006. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/4/ka2.html>.

Karzhavin V. Skifskii plan Barklaya // Ural. 2012. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2012/12/k13.html>.

Katerli N. Vtoraya zhizn' // Zvezda. 2005. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2005/9/ka4.html>.

Kir'yanova A. Dyadya Vanya Cherep i drugie // Ural. 2016. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2014/1/10k.html>.

Kiyanskaya O.I. Pestel'. M.: Molodaya gvardiya, 2005. S. 18.

Kiyanskaya O.I. Pavel Pestel': oficer, razvedchik, zagovorshik. M.: Paralleli, 2002. 510.I. Yuzhnoe obshestvo dekabristov. Lyudi i sobytiya: Ocherki istorii tainyh obshestv 1820-h godov. M.: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2005. 443 s.

Kochergin E. Iz opushennoi zhizni. Rasskazy // Znamya. 2002. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/8080/znamia/2002/12/koch.html>.

Krotov Ya. O mifah i real'nostyah: dva etyuda. 1. Ot slov k slovu. 2. Arhipastyr' arhistada // Kontinent. 1999. № 100. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/1999/100/kr15-pr.html>.

Kublanovskii Yu. Obnaruzhenniy zagovor. Rec.: Igor' Volgin. Propavshii zagovor. Dostoevskii i politicheskii process 1849 goda. M.: Libereya, 2000. 704 str. // Novyi mir. 2001. № 9. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/9/kublan-pr.html.

Kul'turnye kody, social'nye strategii i literaturnye scenarii («kruglyi stol» «Novogo literaturnogo obozreniya», 4 aprelya 2006 goda) // Novoe literaturnoe obozrenie.

2006. № 82. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2006/82/ku5-pr.html>.

Lapin V. Velikii yubilei «Velikoi godiny» // *Zvezda* 2012. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2012/7/la10.html>.

Lapin V.V. O shtabah, furazhe, moroze i voinской доблести. Rec.: Liven D. Rossiya protiv Napoleona: bor'ba za Evropu, 1807–1816. M., 2012. // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2013. № 124. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/124/331.html>.

Laskin A. Parallel'noe kino. Povest' vospominanie // *Neva*. 2013. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2013/2/13.html>.

Maiofis M. «Otkrytaya filologiya» V.E. Vacuro // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2003. № 59. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2003/59/maiof.html>.

Markasova E. «A vot praktiku my znaem po geroyam Krasnodona» // *Neprikosnovennyi zapas*. 2008. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/ma18.html>.

Mihailik E. Ne otrazhaetsya i ne otrasyvaet teni: «zakrytoe» obshestvo i lagernaya literatura // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009. № 100. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/mi27-pr.html>.

Miheev A. «Rossiya» i Amerika. Rasskaz // *Oktyabr'*. 2011. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/october/2011/12/mi3-pr.html>.

Mil'china V. Mezhdunarodnaya konferenciya «Postroenie sobstvennogo obraza: russkie i francuzskie varianty» (Kanskii universitet, 13 noyabrya 2010 g.) // URL: *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2011. № 110. <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/110/m52-pr.html>.

Motyl' V. «Poka zemlya eshe vertitsya» // *Staroe literaturnoe obozrenie*. 2001. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/mot.html>.

Mozhegov V. Shest'desyat vos'moi i drugie gody. Ispoved' postoronnego // *Kontinent*. 2008. № 137. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2008/137/mo13.html>.

Nemzer A. Istoriya prodolzhaetsya... Desyat' let nazad umer Natan Eidel'man, dva mesyaca nazad – Andrei Tartakovskii // *Literaturnye hroniki (Teksty dlya gazety «Vremya MN» i drugie)*. 1999. 29 noyabrya. URL: http://magazines.russ.ru:81/novyi_mi/redkol/nemzer/nov.html.

Nemzer A. Vospitanie istoricheskogo chuvstva. Rec.: N. Eidel'man. Iz potaennoi istorii Rossii XVIII – XIX vekov. M. «Vysshaya shkola». 1993. 493 str. // *Novyi mir*. 1995. № 1. URL: http://magazines.russ.ru:8080/novyi_mi/1995/1/nemz-br.html.

Novohatko V. Belye vorony Politizdata // *Znamya*. 2013. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/5/n8.html>.

Odesskii M. Fedor Glinka, «Literaturnoe delo dekabristov» i Piter K. Hoft // *Voprosy literatury*. 2009. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/5/od18.html>.

Orlov V. Dekabristy. Poeziya, proza, dramaturgiya, publicistika, literaturnaya kritika. M.: Goslitizdat, 1951. 688 s.

Orlova R. Poslednii god zhizni Gercena // *Vestnik Evropy*. 2004. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/11/orl31.html>.

Parsamov V. Intendanty revolyucii. Rec.: O.I. Kiyanskaya. Yuzhnoe obshestvo dekabristov. Lyudi i sobytiya: Ocherki istorii tainykh obshestv 1820-h godov // *Otechestvennye zapiski*. 2005. 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/3/2005_3_26.html

Podrabinek A. Dissidenty // *Znamya*. 2013. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/11/7p.html>.

Podrabinek A. Kletochnikov. Povest' // *Zvezda*. 2014. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/2/6p.html>.

Polyanskaya M. Cena otshepnenstva. Po stranicam romana Fridriha Gorenshsteina «Mesto». Kak izdavalas' kniga «Na krest-

- cah. Hroniki vremen Ivana Groznogo» // Slovo/Word. 2012. № 73. URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2012/73/po27-pr.html>.
- Ponomarev E.* Chemu uchit uchebnik // Neva. 2010. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/1/po22.html>.
- Ponomarev E.* Chemu uchit uchebnik // Neva. 2010. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/5/po21.html>.
- Ponomarev E.* Chemu uchit uchebnik // Neva. 2010. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/7/po10-pr.html>.
- Popov V.* Ty zabyla svoe krylo // Oktyabr'. 2013. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2013/6/1p.html>.
- Pugachev V. V.* Pushkin, Radishev i Karamzin. — Saratov: Izd-vo SGU, 1992.
- Pushkareva N. L.* Gendernaya sistema Sovetskoi Rossii i sud'by rossiiyanok // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 117. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p5.html>.
- Rastorguev A.* Na beregah russkogo okeana. Rec.: Aleksandr Kerdan. Zemlya rossiiskogo vladeniya: Romany o Russkoi Amerike. — Ekaterinburg: Izd-vo «AsPUR», 2013 // Ural. 2014. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2014/1/15r.html>.
- Rastorguev A.* Zhit' po-chelovecheski // Ural. 2008. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2008/10/ra11.html>.
- Roskina N.* Nasha redakciya. Publikaciya i kommentarii M. Frolova // Voprosy literatury. 2010. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/3/ro17.html>.
- Seleznev V. M.* «Ya drugoi takoi strany ne znayu...» (Fragmenty knigi vospominanii) Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 119. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/119/s28.html>.
- Seleznev V.* Rec.: V.S. Parsamov, O.V. Garkavenko. K 70-letiyu Vladimira Vladimirovicha Pugacheva // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 16. — Saratov: Izd-vo SGU, 1997.
- Seleznev V.* Rec.: Mark Azadovskii. Yulian Oksman. Perepiska. 1944–1954. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998 // Volga. 1999. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/volga/1999/2/azadov.html>.
- Seleznev V.* Rec.: V.S. Parsamov, O.V. Garkavenko. K 70-letiyu Vladimira Vladimirovicha Pugacheva // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 16. — Saratov: Izd-vo SGU, 1997; V.A. Dines, V.S. Parsamov, O.V. Garkavenko. K 75-letiyu professora Vladimira Vladimirovicha Pugacheva. — Saratov: Izdatel'skii centr Saratovskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii, 1998. // Volga. 1999. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/volga/1999/1/selezn-pr.html>.
- Senderov V.* Obshestvo i vlast' v Rossii. Istoriya i sovremennost' // Novyi mir. 2005. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2005/12/sen9-pr.html.
- Sergeev S.* Vosstanovlenie svobody. Demokraticheskii nacionalizm dekabristov // «Voprosy nacionalizma». 2010.
- Shegl'ova E.* Hranitel' sovesti. Rec.: Vl. Glinka. Hranitel'. Stat'i. Pis'ma. Proza. SPb.: Ars, 2003. Vl. Glinka. Vospominaniya. Arhiv. Pis'ma. SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2006. // Kontinent. 2008. № 135. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/continent/2008/135/sh15.html>.
- Shenderovich V.* Byvshii sovetskii dissident Pavel Litvinov // Svoboda. 2009. 25 avgusta. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/482077.html>.
- Shevarov D.* Pushkinskii bul'var. Syuzhety // Novyi mir. 2003. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/12/shevarov.html.
- Shilkov A.* «Hotite – stroite Ya zhe ponyal, chto eto bespolezno» // Nabat Severo-Zapada (Petrozavodsk). 1992. 12 dekabrya. № 76 (164). URL: <http://www.kolumbus.fi/edvard.hamalainen/docs/chilkov.htm>.

Shklovskii V. Pamyati Yuriya Tynyanova // Antologiya. 1931–2000. (Pervaya publikatsiya: Znamya. 1944. № 12). URL: http://magazines.russ.ru/znamia/ant/41-45_shklov.html.

Shusharin D. Vozvrashenie v kontekst // Novyi mir. 1994. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/7/shush.html.

Smelyanskii A. V tret'ei pozitsii // Kontinent. 2005. № 123. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/continent/2005/123/smel29-pr.html>.

Sokolov B. Dekabristy na bukvu «m» // Grani. 2001. 17 avgusta. URL: <http://grani.ru/Society/m.6477.html>.

Ulanov A. Gologramma. Rec.: I.Yu. [Yuganov I.] Boga pochti net / Sost. L. Raskin. — M.; SPb.: Letnii sad, 2003. — 759 s. // Novoe literaturnoe obozrenie. 2004. № 67. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2004/67/kn17-pr.html>.

Vacuro V.E., Eidel'man N. Ya. «Polyarnaya zvezda» dekabristov — «Polyarnaya zvezda» Gercena // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 42. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/42/dialog-pr.html>.

Vahin N. Iz neotpravlenogo // Zvezda. 2013. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2013/1/v13.html>.

Valieva Yu. «Dnei svyazuyushaya nit'». Antologii, al'manahi, zhurnaly, knigi 2011–2013 gg. // Zvezda. 2016. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/2/12v.html>.

Vasilevskii A., Kryuchkov P. Periodika // Novyi mir. 2011. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/6/va19.html.

Vezhlyan E. Prisoenie istorii // Novyi mir. 2013. № 11. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/11/11v.html.

Vitenberg B.M. Dusha Arhiva (Liricheskie zametki) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2005. № 74. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2005/74/vi19-pr.html>.

Vitenberg B.M. Priklyucheniya radikal'nogo liberalizma v strane silovikov (Obzor

knig ob istoricheskikh kornyah rossiiskogo liberalizma). Rec.: Imperiya i liberaly. (Materialy mezhdunarodnoi konferencii): Sbornik esse. — SPb.: Zhurnal «Zvezda», 2001. — 328 s.; Rossiiskii liberalizm: idei i lyudi. — M.: Novoe izd-vo, 2004. — 616 s.; Gusman L.Yu. V teni «Kolokola»: Russkaya liberal'no-konstitucionalistskaya emigratsiya i obshchestvennoe dvizhenie v Rossii (1840–1860 g.). — SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2004. — 376 s.; Erlih S.E. Istoriya mifa: («Dekabristskaya legenda» Gercena). — SPb.: Aleteiya, 2006. — 268 s.; Erlih S.E. Rossiya koldunov. — SPb.: Aleteiya, 2006. — 292 s. — // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. № 79. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/79/vi46-pr.html>.

Vodolazov G. Smiryat'sya pod udarami sud'by, il' nado okazat' soprotivlen'e? Rec.: Aleksandr Lebedev «Tri lika npravstvennoi istiny. Chaadaev, Griboedov, Yakushkin» SPb.: Letnii sad, 2009. — 720 s. // Voprosy literatury. 2010. № 145. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/continent/2010/145/vo22-pr.html>.

Volgin I. Propavshii zagovor // Oktyabr'. 2000. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru:81/october/2000/3/volgi.html>.

Voprosnye punkty, predlozhennye v prisutstvii vysochaishe uchrezhdennoi Sledstvennoi komissii titulyarnomu sovetniku Aleksandru Gercenu. Avgusta 23 dnya 1834 // Gercen A.I. Sobranii sochinenii v tridcati tomah. T. 21. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961.

Vosstanie dekabristov. T. I. M.; L: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925.

Yunge M. Obshestvo byvshih politkatorzhan i ssyl'no-poselencev. Soobshenie o konferencii // Mezhdunarodnyi memorial. B.d. URL: <http://www.memo.ru/history/socialist/Chapter4.htm>.

Zagidullina M. Remeiki, ili Ekspansiya klassiki // Novoe literaturnoe obozrenie. 2004. № 69. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13.html>.

Zhitomirskaya S. Neskol'ko slov o dekabriste Nikolae Turgeneye i ego knige «Rossiya i russkie» // *Novaya Yunost'*. 2000. 6. URL: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2000/6/jitom.html.

«Zhizn' za stolom skladyvaetsya tak». Perepiska T. Yu. Hmel'nickoi i G.S. Semenova (1966–1970). Publikaciya i primechaniya Lidii Semenovoi. Vstupitel'nye zametki Yakova Gordina i Lidii Semenovoi // *Zvezda*. 2016. №1. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/1/10h.html>.

Zinov'eva E. Rec.: Erlih S.E. Metafora myatezha: dekabristy v ritorike putinskoj Rossii. — SPb.: Nestor-Istoriya, 2009. — 274 s. // *Neva*. 2009. №3. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/3/zi20.html>.

Zorin A.L. «Zapiska o drevnei i novoi Rossii» N.M.Karamzina v obshhestvennom soznanii 1960–1990-x godov» // *Imperiya i liberaly: materialy mezhdunarodnoi konferencii : sbornik esse / Sost., red. Ya. A. Gordin, A.D. Margolis.* — SPb.: Zhurnal «Zvezda», 2001. — S. 122–128.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеева Е. Кавалергардов век недолог... // *Знамя*. 2014. №6. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/6/23a.html>.

Амусин М. На авансцене и за кулисами истории. О творчестве Бориса Голлера // *Звезда*. 2004. №3. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/3/amus18.html>.

Анисимов Е.В. Русская попытка: политический сыск в России XVIII века. СПб.: Норинт, 2004.

Аннинский Л. Не украли ли у нас часы истории? // *Дружба народов*. 2000. №1. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/druzhba/2000/1/anninsk.html>.

Ардов М. Вокруг Ордынки. Портреты. Новые главы // *Новый мир*. 2000. №5. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/5/ardov-pr.html.

Афанасьев А.В. ... И помни обо мне: Повесть об Иване Сухинове. М.: Политиздат, 1985. 315 с.

Балязин В.Н. Тайная жизнь Александра I. М.: Олма Медиа Групп, 2007.

Бенкендорф А. Восстание 14 декабря 1825 года. Публикация, вступительная заметка и примечания Алексея Литвина. Перевод с французского Огюста Маринина // *Звезда*. 2007. №4. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/zvezda/2007/4/be10.html>.

Библиографическая служба «Континента» // *Континент*. 1998. №98. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/1998/98/bsk-pr.html>.

Бокова В. Апология декабризма // *Континент*. 1994. №4. С. 160–178.

Бокова В. Рец.: Киянская О.И. Павел Пестель: Офицер, разведчик, заговорщик. М.: Параллели, 2002. 512 с. // *Новое литературное обозрение*. 2004. №67. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67/nov24.html>.

Валиева Ю. «Дней связующая нить». Антологии, альманахи, журналы, книги 2011–2013 гг. // *Звезда*. 2016. №2. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/2/12v.html>.

Вахтин Н. Из неотправленного // *Звезда*. 2013. №1. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2013/1/v13.html>.

Вацуро В.Э., Эйдельман Н. Я. «Полярная звезда» декабристов — «Полярная звезда» Герцена // *Новое литературное обозрение*. 2000. №42. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/42/dialog-pr.html>.

Вежлян Е. Присвоение истории // *Новый мир*. 2013. №11. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/11/11v.html.

Витенберг Б.М. Душа Архива (Лирические заметки) // *Новое литературное обозрение*. 2005. №74. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2005/74/vi19-pr.html>.

Витенберг Б.М. Приключения радикального либерализма в стране силовиков (Обзор книг об исторических корнях российского либерализма). Рец.: Империя и либералы. (Материалы международной конференции): Сборник эссе. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. 328 с.; Российский либерализм: идеи и люди. М.: Новое изд-во, 2004. 616 с.; Гусман Л.Ю. В тени «Колокола»: Русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение в России (1840–1860 гг.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 376 с.; Эрлих С.Е. История мифа: («Декабристская легенда» Герцена). СПб.: Алетейя, 2006. 268 с.; Эрлих С.Е. Россия колдунов. — СПб.: Алетейя, 2006. 292 с. // Новое литературное обозрение. 2006. № 79. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/79/vi46-pr.html>.

Водолазов Г. Смиряться под ударами судьбы, или надо оказать сопротивление? Рец.: Александр Лебедев «Три лика нравственной истины. Чаадаев, Грибоедов, Якушкин» СПб.: Летний сад, 2009. 720 с. // Вопросы литературы. 2010. № 145. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/continent/2010/145/vo22-pr.html>.

Волгин И. Пропавший заговор // Октябрь. 2000. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru:81/october/2000/3/volgi.html>.

Вопросные пункты, предложенные в присутствии высочайше учрежденной Следственной комиссии титулярному советнику Александру Герцену. Августа 23 дня 1834 // Герцен А.И. Собраний сочинений в тридцати томах. Т. 21. М.: Издательство АН СССР, 1961.

Восстание декабристов. Т. I. М.; Л.: Государственное издательство, 1925.

Гадалова Н. Международная конференция «После грозы. 1812 год в коллективной памяти России и Европы» (ГИИМ, Москва, 28–30 мая 2012 г.) // Новое литературное обозрение. 2012.

№ 118. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/g50.html>.

Герцен А.И. Prolegomena // Герцен А.И. Собраний сочинений в тридцати томах. Т. 20. Кн. 1. М.: Издательство АН СССР, 1960. (Впервые опубликовано Kolokol. 1868. № 1. См.: Т. 20. Кн. 2. С. 740).

Герцен А.И. Былое и думы. Часть четвертая. Москва, Петербург и Новгород (1840–1847) // Герцен А.И. Собраний сочинений в тридцати томах. Т. 9. М.: Издательство АН СССР, 1956. .

Герцен А.И. Концы и начала // Герцен А.И. Собраний сочинений в тридцати томах. Т. 16. М.: Издательство АН СССР, 1959.

Герцен А.И. Новая фаза в русской литературе // Герцен А.И. Собраний сочинений в тридцати томах. Т. 18. М.: Издательство АН СССР, 1959.

Гинкас К., Яновская Г. Что это было? // Знамя. 2014. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/5/12g.html>.

Гладков А. Дневник. Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии М. Михеева // Новый мир. 2016. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/1/10g.html#_ftn34.

Гланц Т. Позор. О восприятии ввода войск в Чехословакию в литературных и гуманитарных кругах (авториз. пер. с чешского Е. Гланц) // Новое литературное обозрение. 2011. № 111. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/g19.html>.

Горбаневская Н. Пошады не прошу. Из стихов 2013 года // Дружба народов. 2013. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2013/12/1g-pr.html>.

Гордин Я. Занятия историей как оппозиционный акт // Знамя. 2001. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/4/itogi.html>.

Гранин Д. Заговор // Звезда. 2012. №1. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2012/1/gr3.html>.

Губайловский В. Поэма без фабулы // Арион. 2003. №3. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2003/3/gubai.html>.

Дедков И. Обесолненное время. Из дневниковых записей 1976–1980 годов. Публикация и примечания Т.Ф. Дедковой // Новый мир. 1998. №5. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/5/dedkov.html.

Добрович А. Рец.: Игнатова Е. Обернувшись. Санкт-Петербург: Геликон плюс, 2009 // Иерусалимский журнал. 2009. №32. URL: <http://magazines.russ.ru/ier/2009/32/mi20.html>.

Дьякова Е. Наталья Горбаневская: Для меня очень важно это «смеешь» // Новая газета. 2013. 21 августа. URL: <http://www.novayagazeta.ru/arts/59607.html>.

Егоров Б.Ф. М.Л. Гаспаров в быту // Новое литературное обозрение. 2006. №77. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2006/77/e8.html>.

Елисеев Н. Умершее зерно. Рец.: Надежда Улановская, Майя Улановская. История одной семьи. Мемуары. СПб.: Инапресс, 2003. 464 с., с ил. // Новый мир. 2004. №1. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2004/1/elis14-pr.html.

Ермолин Е. Рец.: В.А. Брюханов. Заговор графа Милорадовича. М.: АСТ; Астрель; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 415 с. // Новый мир. 2004. №10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2004/10/ee21-pr.html.

«Жизнь за столом складывается так...». Переписка Т.Ю. Хмельницкой и Г.С. Семенова (1966–1970). Публикация и примечания Лидии Семенович. Вступительные заметки Якова Гордина и Лидии Семенович // Звезда. 2016. №1. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/1/10h.html>.

Житомирская С. Несколько слов о декабристе Николае Тургеневе и его книге «Россия и русские» // Новая Юность.

2000. №6. URL: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2000/6/jitom.html.

Загидуллина М. Ремейки, или Экспансия классики // Новое литературное обозрение. 2004. №69. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13.html>.

Зиновьева Е. Рец.: Эрлих С.Е. Метафора мятежа: декабристы в риторике путинской России. СПб.: Нестор-История, 2009. 274 с. // Нева. 2009. №3. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/3/zi20.html>.

Зорин А.Л. «Записка о древней и новой России» Н.М. Карамзина в общественном сознании 1960–1990-х годов // Империя и либералы: материалы международной конференции : сборник эссе / Сост., ред. Я.А. Гордин, А.Д. Марголис. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. С. 122–128.

Игнатова Е. Троицкое поле // Сибирские огни. 2008. №1. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/sib/2008/1/ig9-pr.html>.

Ильин И. Белая одиссея. Из дневников // Октябрь. 2016. №4. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2014/4/4i.html>.

Ионкис Г. In memoriam, или Встречи с Бальзаком // Слово/Word. 2009. №63. URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2009/63/io3-pr.html>.

Каплун В. «Жить Горацием или умереть Катонном»: российская традиция гражданского республиканизма (конец XVIII – первая треть XIX века) // Неприкосновенный запас. 2007. №55. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/ka16.html>.

Капович К. Три зимы под копиру // Звезда. 2006. №4. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/4/ka2.html>.

Каржавин В. Скифский план Барклай // Урал. 2012. №12. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2012/12/k13.html>.

Катерли Н. Вторая жизнь // Звезда. 2005. №9. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2005/9/ka4.html>.

Кирьянова А. Дядя Ваня Череп и другие // Урал. 2016. №1. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2014/1/10k.html>.

Киянская О.И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М.: Параллели, 2002. 512 с.

Киянская О.И. Пестель. М.: Молодая гвардия, 2005.

Киянская О.И. Южное общество декабристов. Люди и события: Очерки истории тайных обществ 1820-х годов. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. 443 с.

Кочергин Э. Из опущенной жизни. Рассказы // Знамя. 2002. №12. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/znamia/2002/12/koch.html>.

Кротов Я. О мифах и реальностях: два этюда. 1. От слов к слову. 2. Архипастырь архистада // Континент. 1999. №100. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/1999/100/kr15-pr.html>.

Кублановский Ю. Обнаруженный заговор. Рец.: Игорь Волгин. Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 года. М.: Либерия, 2000. 704 стр. // Новый мир. 2001. №9. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/9/kublan-pr.html.

Культурные коды, социальные стратегии и литературные сценарии («круглый стол» «Нового литературного обозрения», 4 апреля 2006 года) // Новое литературное обозрение. 2006. №82. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2006/82/ku5-pr.html>.

Латин В. Великий юбилей «Великой годины» // Звезда 2012. №7. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2012/7/la10.html>.

Латин В.В. О штабах, фураже, морозе и воинской доблести. Рец.: Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба

за Европу, 1807–1816. М., 2012. // Новое литературное обозрение. 2013. №124. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/124/331.html>.

Ласкин А. Параллельное кино. Повесть-воспоминание // Нева. 2013. №2. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2013/2/13.html>.

Майофис М. «Открытая филология» В.Э. Вацуро // Новое литературное обозрение. 2003. №59. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2003/59/maiof.html>.

Маркасова Е. «А вот практику мы знаем по героям Краснодона...» // Неприкосновенный запас. 2008. №2. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/ma18.html>.

Мильчина В. Международная конференция «Построение собственного образа: русские и французские варианты» (Канский университет, 13 ноября 2010 г.) // URL: Новое литературное обозрение. 2011. №110. <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/110/m52-pr.html>.

Михайлик Е. Не отражается и не отбрасывает тени: «закрытое» общество и лагерная литература // Новое литературное обозрение. 2009. №100. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/mi27-pr.html>.

Мухеев А. «Россия» и Америка. Рассказ // Октябрь. 2011. №12. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/october/2011/12/mi3-pr.html>.

Можегов В. Шестьдесят восьмой и другие годы. Исповедь постороннего // Континент. 2008. №137. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2008/137/mo13.html>.

Мотыль В. «Пока земля еще вертится» // Старое литературное обозрение. 2001. №1. URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/mot.html>.

Немзер А. Воспитание исторического чувства. Рец.: Н. Эйдельман. Из потаенной истории России XVIII – XIX веков. М. «Высшая школа». 1993. 493

стр. // Новый мир. 1995. № 1. URL: http://magazines.russ.ru:8080/novyi_mi/1995/1/nemz_br.html.

Немзер А. История продолжается... Десять лет назад умер Натан Эйдельман, два месяца назад — Андрей Тартаковский // Литературные хроники. (Тексты для газеты «Время МН» и другие). 1999. 29 ноября. URL: http://magazines.russ.ru:81/novyi_mi/redkol/nemzer/nov.html.

Новохатко В. Белые вороны Политиздата // Знамя. 2013. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/5/pn8.html>.

Одесский М. Федор Глинка, «Литературное дело декабристов» и Питер К. Хофт // Вопросы литературы. 2009. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/5/od18.html>.

Орлов В. Декабристы. Поэзия, проза, драматургия, публицистика, литературная критика. М.: Гослитиздат, 1951. 688 с.

Орлова Р. Последний год жизни Герцена // Вестник Европы. 2004. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/11/orl31.html>.

Парсамов В. Интенданты революции. Рец.: О.И. Киянская. Южное общество декабристов. Люди и события: Очерки истории тайных обществ 1820-х годов // Отечественные записки. 2005. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/3/2005_3_26.html

Подрабинек А. Диссиденты // Знамя. 2013. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/11/7p.html>.

Подрабинек А. Клеточников. Повесть // Звезда. 2014. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/2/6p.html>.

Полянская М. Цена отщепенства. По страницам романа Фридриха Горенштейна «Место». Как издавалась книга «На крестцах. Хроники времен Ивана Грозного» // Слово/Word. 2012. № 73. URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2012/73/po27-pr.html>.

Пономарев Е. Чему учит учебник // Нева. 2010. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/1/po22.html>.

Пономарев Е. Чему учит учебник // Нева. 2010. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/5/po21.html>.

Пономарев Е. Чему учит учебник // Нева. 2010. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/7/po10-pr.html>.

Попов В. Ты забыла свое крыло // Октябрь. 2013. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2013/6/1p.html>.

Пугачев В.В. Пушкин, Радищев и Карамзин. Саратов: Изд-во СГУ, 1992.

Селезнев В. Рец.: В.С. Парсамов, О.В. Гаркавенко. К 70-летию Владимира Владимировича Пугачева // Освободительное движение в России. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 16. Саратов: Изд-во СГУ, 1997.

Пушкарева Н.Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p5.html>.

Расторгуев А. Жить по-человечески // Урал. 2008. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2008/10/ra11.html>.

Расторгуев А. На берегах русского океана. Рец.: Александр Кердан. Земля российского владения: Романы о Русской Америке. — Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2013. // Урал. 2014. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2014/1/15r.html>.

Роскина Н. Наша редакция. Публикация и комментарии М. Фролова // Вопросы литературы. 2010. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/3/ro17.html>.

Селезнев В. М. «Я другой такой страны не знаю...» (Фрагменты книги воспоминаний) Новое литературное обозрение. 2013. № 119. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/119/s28.html>.

Селезнев В. Рец.: В.С. Парсамов, О.В. Гаркавенко. К 70-летию Владимира Владимировича Пугачева // Освободительное движение в России. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 16. – Саратов: Изд-во СГУ, 1997; В.А. Динес, В.С. Парсамов, О.В. Гаркавенко. К 75-летию профессора Владимира Владимировича Пугачева. Саратов: Издательский центр Саратовской государственной экономической академии, 1998. // Волга. 1999. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/volga/1999/1/selezn-pr.html>.

Селезнев В. Рец.: Марк Азадовский. Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954. М.: Новое литературное обозрение, 1998. // Волга. 1999. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/volga/1999/2/azadov.html>.

Сендеров В. Общество и власть в России. История и современность // Новый мир. 2005. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2005/12/sen9-pr.html.

Сергеев С. Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов // «Вопросы национализма». 2010. № 2. Цит. по: Василевский А., Крючков П. Периодика // Новый мир. 2011. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/6/va19.html.

Смелянский А. В третьей позиции // Континент. 2005. № 123. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2005/123/smel29-pr.html>.

Соколов Б. Декабристы на букву «м» // Грани. 2001. 17 августа. URL: <http://grani.ru/Society/m.6477.html>.

Уланов А. Голограмма. Рец.: И.Ю. [Юганов И.] Бога почти нет / Сост. Л. Раскин. М.; СПб.: Летний сад, 2003. 759 с. // Новое литературное обозрение. 2004. № 67. URL: <http://magazines.russ.ru/8080/nlo/2004/67/kn17-pr.html>.

Файбышенко В. Международная конференция «Наш XIX век. Феномен культуры и историческое понятие» (Москва, ГИИМ, 19–20 мая 2011 г.) // Новое

литературное обозрение. 2011. № 112. URL: <http://magazines.russ.ru/8080/nlo/2011/112/fa43.html>.

Хаззагеров Г. Семидесятые. Двойничество? Двоемирие? Бинарность? // Знамя. 1998. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1998/12/hazger-pr.html>.

Хан-Пифа Э. Рец.: Ю.Г. Оксман – К.И. Чуковский. Переписка. М.: Языки славянской культуры, 2001. 174 с. // Знамя. 2002. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/8/hpir.html>.

Черный Б. Формирование и переосмысление русско-еврейской идентичности. Случай Симона Маркиша // Неприкосновенный запас. 2016. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2014/1/15ch.html#_ftnref34.

Черный И. «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад» // Знамя. 2006. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/3/ch13.html>.

Чудаков А. Разговариваю с Гинзбург // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. URL: <http://magazines.russ.ru/8080/nlo/2001/49/chud.html>.

Чудакова М. Натан Эйдельман, историк России // Знание – сила. 1990. № 12. URL: http://www.znanie-sila.ru/people/issue_72.html.

Чуковская Л.К. Декабристы – исследователи Сибири». М.: Географгиз, 1951. 136 с.

Чуковская Л.К., Оксман Ю. Г. «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...» Из переписки (1948–1970). Предисловие и комментарии М.А. Фролова; подготовка текста М.А. Фролова и Ж.О. Хавкиной // Знамя. 2009. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/6/ch12-pr.html>.

Шеваров Д. Пушкинский бульвар. Сюжеты // Новый мир. 2003. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/12/shevarov.html.

Шендерович В. Бывший советский диссидент Павел Литвинов // Свобода. 2009.

25 августа. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/482077.html>.

Шилков А. «Хотите – стройте... Я же понял, что это бесполезно» // Набат Северо-Запада (Петрозаводск). 1992. 12 декабря. № 76 (164). URL: <http://www.kolumbus.fi/edvard.hamalainen/docs/chilkov.htm>.

Шкловский В. Памяти Юрия Тынянова // Антология. 1931–2000. (Первая публикация: Знамя. 1944. № 1–2). URL: http://magazines.russ.ru/znamia/ant/41-45_shklov.html.

Шушарин Д. Возвращение в контекст // Новый мир. 1994. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/7/shush.html.

Щеглова Е. Хранитель совести. Рец.: Вл. Глинка. Хранитель. Статьи. Письма. Проза. СПб.: Арс, 2003. Вл. Глинка. Воспоминания. Архивы. Письма. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006. // Континент. 2008. № 135. URL: <http://magazines.russ.ru/8080/continent/2008/135/sh15.html>.

Эдельман О. Незнакомый Пестель // Новое литературное обозрение. 2011. № 111. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/ei15-pr.html>

Эйдельман Н. Из дневников. Вступительная заметка, публикация и коммента-

рии Юлии Эйдельман // Знамя. 1999. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/1/eidel-pr.html>

Экштут С.А. На службе российскому Левиафану. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 392 с.

Эрлих С.Е. Вид на Сенатскую из Кремля // Политру. 2014. 2 февраля. URL: <http://polit.ru/article/2014/02/02/dec/>.

Эрлих С.Е. Свидетельство о смерти. Современные писатели о декабристском мифе // Знамя 2015. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2015/6/14e.html>.

Эрлих С.Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.; М.: Нестор-История, 2016. 552 с.

Эткинд Е. Поздние уроки. Рец.: Марк Марк Азадовский. Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954. М., 1998. 410 с. // Вопросы литературы. 1999. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1999/4/etkind.html>.

Юнге М. Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Сообщение о конференции // Международный мемориал. Б. д. URL: <http://www.memo.ru/history/socialist/Chapter4.htm>.

ЭЛЕКТРОННАЯ АРХЕОГРАФИЯ ОТ РВИО

Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича — изобразительная ли сила его таланта или полное незнание с вопросом, о котором он собирался писать

М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Российское военно-историческое общество, руководимое доктором исторических наук, министром культуры РФ В.Р. Мединским, представило свой проект «100 главных документов российской истории».

Стремясь сделать данный ресурс привлекательным для максимально широкой читательской аудитории, предваряют его цитатой из А. Дюма: «История — это гвоздь, на которые вешаются романы».

Создатели проекта не только использовали это высказывание французского беллетриста в качестве эпиграфа к своему ресурсу, но и начали с неё вводную статью. Здесь они развили эту мысль: «В современном российском обществе на гвоздь истории можно повесить всё — он выдержит и мифологизированные мнения, и подтасовку фактов и политизацию, и историзированную политику... А между тем, история — наука точная, потому что её основа — исторический факт, который установлен, единичен во времени и пространстве и зафиксирован в документе» [Бобкова, 2015].

Последняя фраза означает, что достаточно открыть любой документ и там сразу сами собой обнаружатся исторические факты, при этом они уже будут установленные и сразу же единичными во времени и пространстве. По-видимому, автор вступительной статьи М.С. Бобкова не знает, что исторический факт — следствие достаточно сложного взаимодействия историка и исторического источника. Также, наверное, автору неизвестно про то, что исторический факт далеко не всегда можно установить, обратившись только к одному источнику.

Очень часто, прежде чем историческая наука пополнится новым фактом, историкам приходится вести кропотливый синтез информации из разных источников, и часто это бывают не только документальные источники, но и вещественные, и только венцом процесса исторического синтеза является реконструкция неизвестного до этого исторического факта.

То, что М.С. Бобкова, как, впрочем, и её непосредственный начальник по этому проекту В.Р. Мединский,

имеют очень приблизительное представление о самом процессе исторических исследований, подтверждается следующим тезисом из данной статьи: «Команда федерального портала “История.рф”, объединяющая профессиональных экспертов — ученых и учителей истории, начинает знакомить своих пользователей с научной историей, основанной на документах и анализе контекстов их появления» [Бобкова, 2015]. Как представляется, это означает, что, по мнению «команды» федерального портала “История.рф”, «научная история» — это изучение прошлого, в основу которого положены только документы и анализ контекстов появления документов. При таком подходе вся информация, содержащаяся в документах, объявляется по умолчанию достоверной, и то, что обычно в источниковедении относят к внутренней критике документов, становится ненужной тратой времени.

На следующий возникающий у пользователя вопрос, а почему именно 100 документов, создатели проекта дают довольно здравый, на мой взгляд, ответ: «Число 100 свидетельствует о том, что на данный момент речь идет об ограниченной количеством подборке “ключевых документов”». На этом здравомыслие создателей проекта покидает.

Начнём с уже использованного термина «ключевые документы». Что понимают под ними, понять решительно невозможно. Пытаясь как-то объяснить принципы отбора документов для представления на сайте, авторы вступительной статьи предлагают систематизацию ис-

точников по «рядам». Вот что они пишут: “Главные” 100 документов мы рассматриваем как источники первого ряда. По своему происхождению они, как правило, относятся к центральной власти; по сфере влияния — касаются всего российского общества». Прочитав первое предложение, я задумался — как может источник «по своему происхождению» относиться к центральной власти? Как правило, источники не относятся к центральной власти, а ею создаются. Да и слово «отношение» как-то не очень вяжется с провозглашённым на этой же странице лозунгом: «история — наука точная, потому что ее основа — исторический факт, который абсолютно точно установлен, единичен во времени и пространстве и зафиксирован в документе». Как при таких требованиях можно установить столь возжеланный создателями сайта единичный исторический факт, если источник — всего лишь — «относится к центральной власти»?

Обратимся теперь к второй части этой фразы: «По сфере влияния — касаются всего российского общества». Какой смысл авторы вкладывают в словосочетание «сфера влияния документа, касающаяся всего российского общества» понять решительно невозможно. Отметим только, что довольно странно говорить о влиянии на «всё российское общество» таких документов, как «Русско-византийский договор 911 года» или «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским».

Создатели проекта решили не ограничиться только источниками «первого ряда», а нашлось у них доброе

слово и для иных источников. Их окрестили источниками «второго ряда» и даже привели их описание. «Они связаны своим происхождением с источниками первого ряда. Они могут носить важный уточняющий характер или содержать информацию о путях и способах реализации “ключевого” документа».

Данный вид источников пока ещё, судя по всему, не представлен на сайте. Когда у создателей дойдёт до него очередь, то нас ждёт масса удивительных открытий, учитывая, что: «Они могут носить важный уточняющий характер или содержать информацию о путях и способах реализации “ключевого” документа. Это могут быть и источники уровня исполнительной власти, и источники личного происхождения (эпистолярные или мемуаристика), и научно-популярная публицистика, и аудио-видео-документы и т.п.». Это что же нам готовят на сайте великое, что будет «источниками уровня исполнительной власти»?

Перейдём от первой страницы к общей структуре ресурса. Он начинается разделом «Топ-10». Далее следуют остальные документы, распределённые по пяти хронологическим периодам: X–XVI века отражают 12 документов, XVII век представлен 7 документами, XVIII век характеризуют 17 документов, XIX век представлен 26 документами, XX век отражён 38 документами.

Принцип формирования раздела «Топ-10» на стартовой странице сайта описан следующим образом: «Он формируется за счет количества об-

ращений пользователей к тому или иному документу, т.е. степени его актуальности для нас, для нашего общества». Очень многообещающая фраза, которая, наверное, должна быть подкреплена специальным счётчиком около каждого документа, показывающим количество обращений к нему. Но такой опции на этой и на других страницах, где представлены другие документы, нет [Топ-10 документов, 2015]. Посмотрим теперь, к каким же документам, по мнению создателей ресурса, пользователи обращаются чаще всего. Что они включили в свой «ТОП-10». Мы увидим там следующее: «Русско-Византийский договор 911 года», «Поучение Владимира Мономаха», «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским», «Акт о капитуляции Германии», «Судебник 1497 года», «Постановление Совета Народный Комиссаров о красном терроре», «Душевная грамота Ивана Калиты (вторая)», «Табель о рангах», «Обращение государственного комитета по чрезвычайному положению “ГКЧП” к советскому народу», «Манифест о кончине императора Павла I, и о вступлении на престол императора Александра I»¹. Вот в таком несколько хаотичном порядке представлены документы на странице «Топ-10». Вероятно, по мысли авторов, отсутствие хронологической последовательности в документах должно про-

¹ В процессе работы над статьей раздел «Топ-10» претерпел определённые изменения. Вместо «Манифеста о кончине императора Павла I, и о вступлении на престол императора Александра» (1801) там появился Доклад «О сокращении гимназического образования», более известный как «Циркуляр о кухаркиных детях» (1887). С чем связана такая замена, неизвестно.

демонстрировать объективность их ТОП-10.

Однако, если мы нажмём на две красивых заставки из перечня «Топ-10»: «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским» и «Табель о рангах», то увидим красивую заставку проекта «100 главных документов российской истории» и абсолютно непонятную надпись: «Документ находится в Архивной обработке». Что означает «Архивная обработка» в представлении создателей сайта, можно только догадываться². Но при этом, несмотря на отсутствие электронной образа оригинала документа на сайте, приводится текст «Табели о рангах», который взят из неизвестного источника.

Каждый документ из представленных на данном ресурсе снабжён дополнительными «закладками», как они называются создателями: «Статья», «Документ», «Литература», «Вопросы», «Медиа» и «Дополнительно». В закладке «Статья» содержится научный комментарий и не простой, а «подготовленный в соответствии с принципами историзма, объективности и научности. Комментарий основывается на точно установленных фактах, общепринятых в науке трактовках и подходах, но в то же время соответствует

требованию популяризации исторического научного знания, а также включает характеристику эпохи, к которой относится документ» [Инструкция для пользователей, 2015]. Хотелось бы, конечно, большей ясности, что понимается под «обще-признанными трактовками и подходами», но посмотрим дальше.

Закладка «Документ» представляет собой: «Текстовое содержание каждого документа представлено на современном русском языке. Это обеспечивает возможность легкого прочтения текста изучаемого документа» [Инструкция для пользователей, 2015].

Про закладку «Литература» в руководстве пользователя написано следующее: «каждый научный комментарий подкреплён и дополнен списком рекомендуемой литературы, включающим статьи, монографии и учебно-методические материалы, связанные содержательно с историческим документом» [Инструкция для пользователей]. По неизвестной причине в списках литературы учебно-методических материалов мне найти не удалось.

Закладка «Литература» и следующая за ней закладка «Вопросы», где содержатся вопросы для подготовки к ЕГЭ, показывают, что, наверное, главной целью проекта было сделать документы доступными для использования их в процессе школьного изучения истории и для сдачи школьниками ЕГЭ.

Две последние закладки «Медиа» и «Дополнительно» самые интересные. Смысл и назначение закладки

² В традиционной архивной практике под архивной обработкой документов подразумевается компоновка документов в дела, нумерация страниц в этих делах, подшивка документов в папки, написание заголовков на папках, создание внутренних описей дел. Что имеют в виду соратники Мединского под архивной обработкой документов, понять не представляется возможным. Очень сомнительно, что РВИО станет описывать по новой переписку Грозного с Курбским.

«Медиа» остаётся тайной за семью печатями. В разделе «Как пользоваться сайтом» упоминание и описание данной закладки отсутствует. Закладка «Дополнительно», имеющаяся у каждого документа, отсутствует в разделе «Как пользоваться сайтом», зато там существует некая закладка «Комментарии», которая отсутствует в публикациях документов, представленных на сайте.

Отметим ещё одну особенность — в разделе литература отсутствуют упоминания о предыдущих публикациях, размещённых на сайте документов. Нет ни одного упоминания про публикации не только в книжных изданиях, но и про публикации, размещённые в сети Интернет. Они отсутствуют не только в «Топ-10», но и у документов, не удостоившихся такой чести. Что сложного в указании предыдущих публикаций документов? Но сделано этого не было.

Хочется отметить и другие особенности данной «новой виртуальной исследовательской практики», как гордо называют свое детище его создатели. Некоторые документы, представленные на сайте, опубликованы не по их хранящемуся в Архиве оригиналам, а по публикациям в «Полном Собрании Законов Российской Империи» [Высочайше утвержденный..., 1826; Кючук-Кайнарджийский..., 1774]. Также создатели ресурса не потрудились упомянуть названия архивов, номера фондов и единиц хранения, где находятся оригиналы документов. Почему и это не было сделано, неизвестно. Очень странно видеть отсутствие такой информации

на сайте, создатели которого позиционируют свои публикации как подготовленные исключительно на строгой научной базе. Но ведь этого требуют «Правила издания исторических документов в СССР», вышедшие 25 лет назад, которые до сих пор являются действующим нормативно-методическим документом. В них сказано: «в изданиях научного типа при невозможности указать все предыдущие публикации документа указывается первая или наиболее точная» [Правила издания..., 1990].

В чём причина такого нежелания следовать общепринятой публикаторской практике? Представляется, что ответов тут может быть два: некомпетентность сотрудников РВИО в вопросе подготовке публикации исторических документов или же сознательное игнорирование трудов предшественников, направленное на то, чтобы преувеличить в глазах потенциальной аудитории значение собственного проекта.

REFERENCES

Bobkova M.S. Proekt «100 glavnyh dokumentov rossijskoj istorii» [jelektronnyj resurs] // [http://doc.histrf.ru/about/\(data obrashhenija 11.2015\)](http://doc.histrf.ru/about/(data obrashhenija 11.2015))

Vysochajshe utverzhdennyj Ustav o cenzure. 1826 [jelektronnyj resurs] // [http://doc.histrf.ru/19/vysochajshe-utverzhdennyy-ustav-o-tsenzure/\(data obrashhenija 11.2015\)](http://doc.histrf.ru/19/vysochajshe-utverzhdennyy-ustav-o-tsenzure/(data obrashhenija 11.2015))

Instrukcija dlja pol'zovatelej [jelektronnyj resurs] // [http://doc.histrf.ru/help/\(data obrashhenija 11.2015\)](http://doc.histrf.ru/help/(data obrashhenija 11.2015))

Kjuchuk-Kajnardzhijskij mirnyj dogovor mezhdu Rossiej i Turcijej. 1774 [jelektronnyj resurs] // <http://doc.histrf.ru/18/>

kyuchuk-kaynardzhiyskiy-mirnyy-dogovor-mezhdu-rossiey-i-turtsiey/ (data obrashhenija 11.2015)

Pravila izdanija istoricheskikh dokumentov v SSSR. 2-e izd. M., 1990 [Glavnoe arhivnoe upravlenie pri SM SSSR] [jelektronnyj resurs] // <http://www.opentextnn.ru/history/arkheography/metod/pravila/?id=369> (data obrashhenija 11.2015)

Топ-10 документов [Jelektronnyj resurs] // <http://doc.histrf.ru/> (data obrashhenija 11.2015)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бобкова М.С. Проект «100 главных документов российской истории» [электронный ресурс] // <http://doc.histrf.ru/about/> (дата обращения 11.2015)

Высочайше утвержденный Устав о цензуре. 1826 [электронный ресурс] // <http://doc.histrf.ru/19/vysochayshe->

[utverzhdennyj-ustav-o-tsenzure/](#) (дата обращения 11.2015)

Инструкция для пользователей [электронный ресурс] // <http://doc.histrf.ru/help/> (дата обращения 11.2015)

Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией. 1774 [электронный ресурс] // <http://doc.histrf.ru/18/kyuchuk-kaynardzhiyskiy-mirnyy-dogovor-mezhdu-rossiey-i-turtsiey/> (дата обращения 11.2015)

Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд. М., 1990 [Главное архивное управление при СМ СССР] [электронный ресурс] // <http://www.opentextnn.ru/history/arkheography/metod/pravila/?id=369> (дата обращения 11.2015)

Топ-10 документов [Электронный ресурс] // <http://doc.histrf.ru/> (дата обращения 11.2015)

А.А. Ждановская

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ЧЕШСКО-НЕМЕЦКОМ СОСЕДСТВЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.¹

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Богемия, чешско-немецкий конфликт, национализм

Чешско-немецкое сосуществование, на разных этапах принимавшее формы от добрососедства до конфликта, — один из ключевых сюжетов в богатой истории межнациональных отношений в монархии Габсбургов. Постепенно накалявшееся к рубежу XIX–XX вв., в межвоенное время их соперничество стало козырем в «большой игре» европейской политики, в 1938 г. достигнув апогея в аннексии Судет.

Межвоенная история чехов и немцев² изучена досконально и со всем пристрастием. Тем актуальнее как

в историографическом, так и в общенаучном плане становится вопрос о том, как развивался этот конфликт в предвоенное время, когда начали явно очерчиваться его формы и основные аспекты. В этом отношении интересны последние десятилетия существования Австро-Венгерской монархии, когда и общественно-политическая, и повседневная жизнь подверглась явной и необратимой национализации, а соответствующая риторика и аргументация стали неизменно сопутствовать большинству дискуссий. В этот момент как на имперской, так и на богемской политической арене сформировались два национальных лагеря, и национальность стала играть роль не меньшую, чем идеологические установки. Одновременно конец века стал эпохой проникновения национализма в массы, свидетельством чему служат многочисленные

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-31-01003a1.

² Стоит сделать оговорку, что речь идет о богемских немцах и, соответственно, чешско-немецком конфликте в рамках Дунайской монархии. Соседство чехов с Германской империей — отдельная большая тема, которая не будет затрагиваться в рамках этой статьи.

добровольные союзы, объединявшиеся по национальному признаку, хотя и во имя «нейтральных» целей (например, попечения образования в том или ином регионе).

Эта статья посвящена историографии чешско-немецкого сосуществования в указанный период. Хронологически довольно узкий, он пока что не стал предметом для самостоятельной публикации, однако был неоднократно охарактеризован как в рамках общих трудов с более широкими временными рамками, так и в исследованиях по частным проблемам. За двумя исключениями речь пойдет о литературе, увидевшей свет в последнем десятилетии XX – начале XXI века. Решение сфокусироваться на современных исследованиях связано с тем, что именно в последние десятилетия оформились новые направления, связанные с историей повседневности, ментальности, этнопсихологией, микроисторией. Таким образом, весь массив литературы можно условно разделить на три больших группы: общие труды по чешско-немецкой проблематике (традиционно делающие акцент на политической истории); регионаловедческие исследования; работы в русле истории культуры и повседневности.

Общие работы, в которых чешско-немецкие отношения оказались предметом исследования, а не просто одним из аспектов истории региона, в массе своей стали появляться в конце прошлого века в среде чешских, австрийских или немецких исследователей. Тем примечатель-

нее на этом фоне выглядит первая ласточка этого ныне обширного направления – монография британской исследовательницы Элизабет Вискерманн «Чехи и немцы: история борьбы в исторических провинциях Богемии и Моравии» [Wiskermann, 1967], увидевшая свет в 1967 г. В этой работе прослеживаются основные тенденции традиционного подхода к освещению чешско-немецкого конфликта конца XIX века, значительная часть которых продолжает появляться и на страницах современных исследований. Он рассматривается в русле политической борьбы. Ее основными вехами становятся успехи или неудачи чехов в попытках добиться уравнивания в правах с немецким населением империи.

Двумя центральными сюжетами последней четверти XIX века историк называет проблему избирательного права и языковой вопрос, выделяя два аспекта последнего: административный и образовательный. Основной движущей силой в развитии языкового конфликта Вискерманн считает представителей среднего класса и мелкой буржуазии, которые стремились увидеть своих детей на государственной службе и оттого особенно остро воспринимали как проблему образования на национальных языках, так и вопрос их последующего применения. Наконец, катализатором развития этого конфликта, по мнению автора, была политика центра, благодаря которой чехи впервые оказались в положении, позволяющем им вести борьбу на равных.

Чешская историография этого вопроса, безусловно, представлена

в первую очередь сочинениями пражского историка Яна Кржена. В своей монографии *«Конфликтующие сообщества. Чехи и немцы. 1780-1918»* [Křen, 1990], вышедшей в 1990 г., он останавливается не только и не столько на отношениях чехов и немцев, сколько на положении каждой национальности на определенном историческом этапе и их отношениях с режимом. Так, применительно к концу века Кржен рассматривает отдельно деятельность старочехов, младочехов, реалистов, немецких политиков. Что касается развития межнациональных противоречий, то этот период, по мнению исследователя, связан с процессами национализации немецкого лагеря, а также «национальной войной», когда чешское и немецкое сообщества практически полностью обособились друг от друга. Автор утверждает также, что чехи всегда чувствовали свое приниженное положение по отношению к немцам, причиной которого было элементарное численное превосходство последних во властных структурах. Отдельным важным этапом, по мнению автора, стали 1890-е гг., когда чехи поднялись на одну ступень с немцами. При этом чешско-немецкие отношения имели шанс как выйти на уровень компромисса равноправных национальностей, так и вступить в фазу обострения конфликта, что и произошло.

Одно из значительных исследований 1990-х годов, рассматривающее чешско-немецкую проблематику, — монография Йиржи Коржалки *«Чехи в империи Габсбургов и в Европе. 1815–1918»* [Koržalka, 1996], увидевшая свет на чешском языке в 1996 г. Коржалка также рассматривает чеш-

ско-немецкие отношения в свете общественно-политического развития Дунайской монархии. Раздел, посвященный национальному вопросу, состоит из двух смысловых частей. В первой Коржалка (заметим — один из немногих авторов) останавливается на анализе понятий этнического меньшинства и большинства. На основании значительного объема статистических данных автор делает вывод о трех «пространствах» существования меньшинств: весь регион Центральной Европы, где, безусловно, большинством были немцы, а меньшинством — чехи; земли Чешской короны, где соотношение было обратным; и немецкие анклавы Богемии, где большинством были вновь немцы. В свете этих соотношений Коржалка анализирует проблему представительства той и другой национальности в местных учреждениях.

Говоря о немецком населении земель Чешской короны, автор утверждает, что в славянском окружении они могли рассчитывать лишь на положение такого меньшинства, с которым мирились постольку, поскольку оно готово было вести себя как «говорящие по-немецки чехи и мораване». Точно так же, как и чехов в рамках всей Цислейтании, немцев в Чешских землях это не устраивало. Именно поэтому малейший повод в виде потенциальных изменений в государственно-правовом положении провинции переводил этот конфликт в активную фазу. Подобная ситуация и связанная с ней деятельность немецких политиков в вопросе разделения земель Чешской короны на чешскую и немецкую части видится автору исключительной: ни в одной другой двуязычной провин-

ции Цислейтании (например, в Каринтии, Крайне, Силезии) немцы не чувствовали угрозы своему статусу политического лидера.

К новейшим исследованиям, созданным в традиционном ключе освещения чешско-немецких отношений в контексте общественно-политической жизни страны, относится коллективная монография «*Лицом к лицу с историей. Эволюция чешско-немецких отношений в Чешских землях, 1848–1948*» [Facing History, 2002]. Было бы лукавством утверждать, что эта книга представляет большой интерес для исследователя, занимающегося историей XIX века. Однако это пример исследования с многообещающим названием, которое на деле оказывается книгой о межвоенной Чехословакии и Судетском вопросе с коротким предисловием о предшествующих событиях. Перу Зденека Бенеша принадлежит первая глава этой книги, в хронологические рамки которой (весьма широкие – от раннего Средневековья до Первой мировой войны) и попадает интересующий нас период. Он представлен в контексте двух классических сюжетов – зарождения национализма и превращения его в главную идею, формировавшую настроение эпохи (при этом немецкий национализм оценивается как более агрессивный по сравнению с чешским, который зарождался как его отражение), и экономического национализма, исповедовавшего принцип «свой к своему».

Такого рода исследования, для которых проблематика конца XIX века становится лишь преамбулой к событиям межвоенного времени, – не редкость для современных

авторов. Вышеупомянутый труд – иллюстрация общей тенденции концентрировать внимание на более современных и актуальных с политической точки зрения проблемах.

В монографии австралийского исследователя Юргена Тампке «*Чешско-немецкие отношения и политическое развитие Центральной Европы: от Богемии к ЕС*» [Tampke, 2003] предлагается дискуссионная точка зрения относительно степени ожесточенности межнациональных противоречий в предвоенной империи. По мнению автора, устоявшееся представление о том, что лейтмотив общественной жизни Австро-Венгрии в последние десятилетия ее существования составляли межнациональные противоречия, следует оспорить. Аргументы Тампке таковы: во-первых, современный исследователь, будучи осведомленным о волне создания национальных государств после распада Двуетидной монархии, невольно смотрит на ее историю через призму этого знания, пытаясь найти в ней предпосылки к событиям 1918–19 гг. Тем самым конфликту национальностей придается большее значение, нежели он имел в действительности. В пользу этого говорит, например, отсутствие ярко выраженной этнической разобщенности в среде крестьян и рабочего класса. Отрицает Тампке и фатальный характер проблем империи, сложившихся к 1914 г., утверждая, что большинство современных ей государств страдали теми же пороками. Впрочем, выдвигая подобные дискуссионные тезисы, автор не дает им достаточного обоснования, поэтому веским словом в историографии чешско-немецких отношений его работу назвать сложно.

Чешский историк Вацлав Макрлик в своей монографии *«Чехи и немцы. Исследование возможностей совместной истории и будущего»* [Makrlík, 2009] называет период с 1848 г. до распада Двуетной монархии эпохой «великой национальной схизмы». Исследователь делает акцент на трансформации единой политической «богемской» нации, в состав которой входили немецкая и славянская ветви, в две — чешскую и немецкую. В соответствии с этим история второй половины XIX века рассматривается с точки зрения степени влияния различных событий на развитие национализма. По мнению автора, несмотря на попытки чешских политиков и общественных деятелей отстаивать национальные интересы и национальную идентичность, Чешские земли были неотъемлемой частью Австро-Венгрии как с точки зрения общего на протяжении нескольких веков прошлого, так и ввиду того, что чешский менталитет ближе менталитету австрийских немцев, нежели любого другого славянского народа.

Наконец, стоит упомянуть коллективную монографию *«Богемия и Моравия»* [Deutsche Geschichte im Osten Europas..., 2002] из серии «История немцев в Восточной Европе». Эта работа несколько отстоит от перечисленных выше, рассматривая историю немецкоязычного населения Чешских земель. Впрочем, учитывая тесное переплетение немецкобогемской истории с чешской, подобная проблематика оказывается отнюдь не так узка, как может показаться с первого взгляда.

Монография обобщает историю немцев в Богемии от первой вол-

ны немецкой колонизации до выселения за пределы Чехословакии в 1946 г. Фридрих Принц — автор раздела о богемских немцах в Новое время — придерживается довольно традиционной точки зрения, что последние десятилетия XIX века стали периодом «оборонительной политики» чешских немцев. Причем речь шла о защите не только от чешского окружения, но и от политики консервативного правительства. Историк описывает политические течения, возникшие в немецком обществе, появление большого числа добровольных союзов у обеих сторон. Он квалифицирует этот процесс как «институционализацию» борьбы между чехами и немцами, масштабы которой к концу века сделали заведомо невозможными попытки сгладить конфликт между двумя этими группами.

Говоря об этой книге, стоит также упомянуть о том, что, помимо восстановления событийного фона, ее авторы предприняли попытку рассмотреть также и культуру немецкого населения Богемии и Моравии. Речь идет не только о литературе, искусстве, музыке, но и о народной культуре, этнографических особенностях, а также о таких институтах, как школа и церковь. Эти очерки носят скорее описательный характер, однако заслуживают отдельного упоминания ввиду того, что такая проблематика редко попадает в поле зрения историков в рамках обобщающих сочинений.

Другое направление историографии представляют собой **регионоведче-**

ские труды, посвященные определенным городам или округам Богемии, где сталкивались и сосуществовали чешские и немецкие общины. Любопытно, что монографии на эту тему принадлежат перу не только чешских (исследовавших, например, историю родного города или края), но и зарубежных исследователей.

В первую очередь, среди них стоит назвать труд американского историка Гэри Коэна «*Политика этнического выживания: немцы в Праге*» [Cohen, 1981; 2006], впервые увидевший свет в 1981 г., дополненный и переизданный в 2006 г. Книга посвящена социальной истории пражских немцев в период упадка их влияния с 1861 г. до начала Первой мировой войны. Коэн исследует реакцию этой группы на постепенное уменьшение численности немецкоязычного населения в Праге и логически следующую за этим потерю главенствующей роли среди населения города. Признавая, что чешско-немецкие взаимоотношения в Богемии, Моравии и Австрии в целом становятся решающим фактором в истории пражских немцев, автор фокусируется на рассмотрении процессов адаптации немецкого общества в богемской столице к новым реалиям в повседневной жизни.

В целях формирования наиболее полного представления Коэн исследует не только трансформацию коллективных ценностей и задач пражских немцев как социальной группы, но и эволюцию их идентичности. Так, он намечает границы между чешским и немецким обществами и выделяет критерии, в соответствии с которыми опреде-

лялась принадлежность к той или иной группе. Его оценка взаимоотношений двух национальностей такова: контакты между чехами и немцами были минимизированы добровольно, и два этих сообщества были достаточно замкнутыми, что стало основанием охарактеризовать их сосуществование как «добровольную сегрегацию». Тем не менее, Коэн утверждает, что немцы и славяне в австрийских городах со смешанным населением обнаруживают больше общего, нежели отличного друг от друга, в образе жизни, приоритетах и повседневности.

Ценность этой монографии, помимо богатой фактологической составляющей, заключается в кропотливо собранных в пражских архивах и проанализированных статистических данных. На их основе Коэн делает выводы не только сугубо исторического, но и социологического характера. Состав населения Праги исследован им в ракурсе этнической и профессиональной принадлежности, с точки зрения уровня образования и доходов, политических пристрастий и общественной активности. Стоит заметить, что при этом в поле зрения исследователя попали не только пражские немцы в целом, но и отдельные округа города, те или иные общественные организации или союзы. Их состав был также проанализирован, исходя из вышеперечисленных критериев.

Другой пример исследования, основанного на региональном подходе, — книга представителя той же — прinstonской — школы Джереми Кинга «*От “будвайзерцев” к чехам и немцам: локальная история богемской полити-*

ки. 1848–1948 гг.» [King, 2002]. Монография посвящена истории чехов и немцев в уже классическом ракурсе изучения их взаимоотношений, когда каждая сторона постепенно формировала собственный национализм во всех возможных сферах: политике, образовании, экономике и, наконец, в обществе в целом. Кинг рассматривает историю Будеёвиц/Будвайса, базируясь на ключевых событиях политической истории Цислейтании: кабинетных и парламентских перестановках, принятии языковых и других законов, связанных с чешско-немецким конфликтом, попытках правительства найти компромисс в Чешских землях и т. п. Отталкиваясь от подобных вех, историк описывает, как они повлияли на развитие чешско-немецких взаимоотношений в рамках одного города. Иными словами, в описываемых Кингом событиях ключевая роль принадлежала трем игрокам: чехам, немцам – и Габсбургам.

Работа Кинга охватывает без малого век и, как это часто бывает, главный акцент в ней приходится на историю города в XX в. Что касается интересующей нас эпохи, она разделена автором на два периода, водоразделом между которыми служит попытка разработки чешско-немецкого компромисса на рубеже 1880–90-х гг. 1880-е гг. Кинг характеризует как ключевой этап в формировании чешского и немецкого национализмов. В это десятилетие общественная жизнь стала вовлекать в себя разные слои населения в прежде невиданных масштабах, а все ее сферы превращались в потенциальную арену для чешско-немецкого соперничества. В 90-е гг. XIX века эта «национализация»

еще более укоренилась. Укрепилось и обособление чешского и немецкого движений. Кинг отмечает, что этот бинациональный подход становится характерен даже для таких изначально нейтральных сил, как, например, социал-демократия или Габсбургский дом (даже несмотря на то, что и те, и другие искали пути к сглаживанию чешско-немецкого противостояния).

В качестве характерного примера чешского исследования, посвященного строго региональным сюжетам, может быть названа книга Франка Больдта «Хеб. Город европейской истории. Эссе о чешско-немецком сосуществовании» [Boldt, 2010]. История Хеба (центра одной из крупных немецких областей Богемии на западе региона) в XIX веке рассматривается историком как единая «эпоха национализма». Повествование носит характер скорее авторских рассуждений с эпизодическими фактологическими вкраплениями, посвященными тем или иным вехам в истории (как правило, экономической) города или биографиям его уроженцев. Несмотря на то, что подзаголовок книги содержит формулировку о «чешско-немецком сосуществовании», автор неоднократно подчеркивает, что подавляющее большинство населения Хеба было немецкоязычным. Именно поэтому город долгое время не был затронут перипетиями национализации, как другие части Богемии. Тем не менее, по мнению Больдта, над хебскими немцами постоянно довлел «призрак чехизации». Он заставлял их вести борьбу против мнимого врага, даже несмотря на то, что немногочисленные чехи Хеба говорили по-немецки, отдавали детей в немецкие школы и не предприни-

мали никаких шагов для перемены такого положения дел. Автор критикует образ враждебного чеха как искажение изначального смысла национализма «эгоистичным мышлением отдельных фигур и целых групп», не вдаваясь, впрочем, в подробности того, что это были за группы и какие цели преследовали. В целом работа Болдта ввиду своей узкой региональности и особенностей авторского подхода проигрывает многим вышеупомянутым трудам, однако служит примером скептического подхода к проблеме сосуществования чешского и немецкого национализмов.

На стыке двух курсов чешско-немецкой проблематики находится работа чешского историка Карела Ржегачека «*Чехи и немцы на юго-западе Богемии. 1880–1937 гг.*» [Řeháček, 2002]. Автор сформулированы следующие задачи исследования: рассмотрение деятельности немецких и чешских национальных союзов, анализ их значения для общественной жизни и политической системы, и, во-вторых, изучение конкретных сюжетов чешско-немецкого противостояния на юго-западе провинции. Действительно, историк делает попытку максимально полно описать спектр как чешских, так и немецких объединений и при этом даже выходит за границы выбранного им региона. При этом основное внимание он уделяет истории «Национального шумавского объединения» — чешского патриотического союза, возникшего в противовес деятельности плзеньских немцев, добивавшихся признания Плзеньского края двуязычным.

Что касается более общей тематики «орудий и средств чешско-немецко-

го противоборства», историк рисует довольно однозначную картину вольной (подкрепляемой немецкоязычной публицистикой и агитацией) или невольной (основанной на превосходстве немцев в экономике и особенностях географического положения края, находившегося на стыке немецких областей Богемии и территории Германской империи) германизации и без того немногочисленных плзеньских чехов. Этот процесс по мере приближения к краху империи все больше обретал форму открытого насилия, вылившегося в трагическую кульминацию в межвоенный период.

Тематика национального пограничья рассмотрена в последней работе историка Питера Джадсона «*Хранители нации: активисты языкового пограничья имперской Австрии*» [Judson, 2006]. Этого автора, конечно, нельзя назвать краеведом — его работа основана на широком круге источников из сразу нескольких регионов империи, где соседствовали разные национальности: Богемии, Южной Штирии и Южного Тироля. Принципиальным в авторском подходе становится опора преимущественно на местные источники: Джадсон утверждает, что восприятие национальной и, в частности, языковой проблем современниками, а впоследствии и историками, зачастую оторвано от действительности из-за использования материалов крупных центральных печатных изданий, во многом сгущавших краски. Подвергается сомнению и тезис о всеобщей «национализации» — по мнению историка, для большинства населения языковых пограничий использование того или иного языка далеко

не означало прямой самоидентификации с той или иной национальностью. Аргументация национальных активистов, увязанная на распространении языка, была, таким образом, спекуляцией, хотя и очень успешной — недаром концепт «языковой границы» как имперской реальности закрепился как в общественном мнении, так и на страницах специальных исследований.

Историография последних десятилетий не остается в стороне и от таких течений, как **история повседневности, ментальности, культуры**. Разработка этих направлений началась в конце прошлого века в формате тематических конференций и сборников статей по отдельным сюжетам.

В числе последних стоит назвать издания «*Немцы, чехи, словаки. Сходные и различные тенденции их общественного развития*» [Němci, Češi, Slováci..., 1992] и «*Образ немцев, Австрии и Германии в чешском обществе XIX и XX вв.*» [Obraz Němců, Rakouska a Německa..., 1998]. В подготовке и редактировании этих сборников статей принимали участие уже упомянутые Йиржи Коржалка и Ян Кржен соответственно.

Первый упомянутый сборник, вышедший под редакцией Коржалки, особенно ценен статьями, принадлежащими перу его главного редактора, — «Неравноправные соседи» и «Создание наций». Они написаны в одном ключе и скорее обобщают наблюдения других авторов, касающиеся по большей части частных проблем общественно-политическо-

го развития Австро-Венгрии. Коржалка, в отличие от многих своих коллег, считает, что хотя столкновения двух национальностей и имели место, в большинстве случаев их сосуществование — история взаимного влияния и обогащения. Единственное исключение из этих правил — зоны языковых границ, где любой катализатор мог обратить национальный конфликт в сторону большинства. Интересна также точка зрения Коржалки относительно самоощущения немцев: исследователь утверждает, что ключевым фактором их самоидентификации было постоянное ощущение угрозы со стороны славян.

Во втором труде содержится ряд статей, весьма полезных для изучения чешско-немецких сюжетов. Во-первых, это вводный раздел, написанный главным редактором Крженом и содержащий ряд теоретических положений относительно изучения истории ментальности. Автор признает, что исследователь, как правило, исходит не из объективной реальности, а из представлений о ней. Среди них особое значение имеет восприятие «других, чужих», которое со временем оформляется в стереотипы. У них есть важная социальная функция: они выполняют роль фильтра, через который проходит либо изгоняется вся поступающая информация. Подобного рода образы, стереотипы и предрассудки заслуживают внимания и изучения, поскольку все они переходят границы поколений и социальных слоев, во многом сохраняясь до сих пор. Что касается непосредственно чешско-немецкой проблематики, Кршен склонен рассматривать отношение чехов к немцам через призму воспри-

ятия немцев богемских, считая его доминантой, вокруг которой формируется отношение к «чужим» немцам, то есть австрийским и германским.

Перу того же исследователя принадлежит обобщающая статья «Образы немцев и Германии в чешском обществе», в которой анализируется трансформация этих образов с момента их зарождения вплоть до сегодняшнего дня. Отчуждение немцев и чехов, по мнению Крже-на, началось с XIX века. До начала «национальной эры» все население Чешских земель представляло собой единое целое. Второй значительный рубеж, приведший к изменениям чешского менталитета, — образование Германской империи в 1871 г., когда вместо множества соседей (Пруссии, Баварии, Саксонии и т. д.) чехи вдруг оказались рядом с одним, куда более мощным государством. С этого момента они стали явственно ощущать себя малым народом.

К числу публикаций в набирающей популярность области истории ментальности принадлежит сборник статей под редакцией Нэнси Вингфилд *«Изобретая “Иного”: этнические конфликты и национализм в габсбургской Центральной Европе»* [Creating the Other, 2004]. Увы, в этом сборнике нет материалов, непосредственно касающихся чешско-немецкого конфликта в конце века, однако ряд статей представляют интерес, поскольку затрагивают проблемы межэтнических отношений и предлагают новые методологические подходы.

Во-первых, введение, принадлежащее перу редактора сборника, опре-

деляет понятийный аппарат публикации, и прежде всего раскрывает содержание термина «иной». Таким образом характеризуются общности, отличные с точки зрения культуры и языка. Так, для немцев империи Габсбургов типичными «иными» были славяне, в первую очередь, балканские. Образ «иного» — неотъемлемая часть процесса формирования национальной идентичности. Его оформление начинается с момента появления собственно нации и ее мифов, где «иной» исполняет роль своеобразного зеркала. Разумеется, на исходе XIX века этнические стереотипы уже ушли далеко от стадии формирования, но деление окружающих на «нас» и «них» (зачастую находящихся на более низком уровне развития культуры) не исчезло.

В статье Хью Эгни «Чехи, немцы, богемцы? Образы “себя” и “иного” в Богемии до 1848 г.» рассматривается роль чешского и немецкого элементов в формировании национальной идентичности населения Богемии как особой общности. Автор полагает, что решающим эпизодом трансформации богемской идентичности в чешскую и немецкую стала революция 1848 г. В качестве материала исследования Эгни избрал труды ведущих представителей общественной мысли земель Чешской короны. Осознание себя как богемца, по утверждению Эгни, в первую очередь присуще знати, тогда как зачатки национализма и чешский патриотизм возникают в узком кругу образованных, но не знатных людей. Именно они выходят на первый план в середине столетия.

В 2007 г. из-под пера Нэнси Вингфилд вышла монография *«Войны за флаг и каменные святые: как богемские земли стали чешскими»* [Wingfield, 2007]. В ней показано, как столкновение сформировавшихся чешской и немецкой идентичностей воплощалось в событиях и акциях, призванных символизировать превосходство той или иной нации: в праздниках, сооружении мемориалов и памятников представителям того или иного народа. Подобного рода события автор анализирует в рамках процесса политизации общественной и культурной жизни. Период, к которому обращается автор, – 1880–1946 гг.

Значимость такого исследования Вингфилд видит в том, что оно доказывает тесную взаимосвязь, в которой формировались чешская и немецкая общности: чешский и немецкий национализм «отталкивались друг от друга, отвечали друг другу и заимствовали друг у друга». Кроме того, это одно из немногих исследований, фокусирующихся не на борьбе двух национальностей в общественно-политической сфере, а на такой яркой форме проявления национализма, как культурная жизнь. Событиям конца XIX века посвящен очерк «Воображая императора». В нем рассматривается практика сооружения монументов Иосифу II как попытка доказать значимость и величие немецкого народа в Австрии.

В 2008 г. увидела свет книга *«Национализация общества в Богемии. 1848–1914 гг.»* [Nacionalizace společnosti v Čechách, 2008], подготовленная коллективом авторов под руководством Кристины Кайзеровой и Ир-

жи Рака. Авторы рассматривают процесс трансформации идентичности богемцев в чешскую и немецкую самоидентификации. Речь идет о национализации союзов и общественных организаций, науки, конфессий. Авторы коснулись и таких частных сюжетов, как, например, культура памятников как отражение дивергенции общества, роль музеев в этих процессах и т. п. Целью исследования было доказать тезис о том, что национализация затронула абсолютное большинство реалий богемской жизни, вплоть до институтов, которые по сути своей должны были бы иметь универсальный характер – например, католическая церковь). Те сферы, организации или даже индивидуумы, которые сделали выбор в пользу национальной индифферентности, постепенно были маргинализированы и чешским, и немецким лагерями. В результате авторы делают вывод о том, что процессы национализации были столь мощно катализированы в период революции 1848–49 гг., что все попытки поиска компромисса в 1870–1880-х гг. были обречены на провал. Кроме того, в работе подчеркивается, что национализация проходила по-разному в разных регионах, и влияли на нее всевозможные факторы, начиная от особенностей экономики и заканчивая соседством крупных немецких государств (в середине века, например, Баварии и Саксонии, позже – всей Германской империи).

Вопрос о национализации в сфере образования рассматривает Тара Загра в монографии *«Похищенные души: равнодушие к национальности и борьба за детей в Богемских землях, 1900–1948»* [Zahra, 2008]. Подобно упомянутому

выше Питеру Джадсону, исследовательница ставит под сомнение мысль о всепроникновении национальной идеи в богемском обществе, говоря о «национальном равнодушии» большинства богемцев, не вовлеченных активно в общественную жизнь. Чтобы завоевать их симпатии, требовалась непрестанная работа национальных активистов, чьи усилия подстегивались активностью оппонентов. Автор рассматривает один большой аспект этой работы — деятельность активистов на попроще образования в национальных школах, доказывая тезис о том, что большинство семей выбирало школы для своих детей, исходя из банального удобства, а не из языка, на котором велось обучение. Это было причиной того, почему национальные школьные союзы так много внимания уделяли попечению школ в бытовом плане — это, а не национальная риторика, было самым эффективным способом привлечь учеников.

Идея искусственных конструкторов в немецкобогемской реальности легла в основу статьи Юлии Шмид «Немецкая Богемия как конструктор немецких националистов» [Schmid, 2008]. В ней выдвигается гипотеза, что реальных предпосылок к восприятию населенных немцами богемских территорий как уникального региона, достойного соответствующего административного статуса, не существовало. Идея о Немецкой Богемии, по мнению автора, была одним из многочисленных умозрительных конструкторов внутри немецконациональных идей, которая была перенесена в реальность в конце XIX века и затем закрепились в сознании богемских немцев как нечто примор-

диалистское. Важную роль в конструировании этого стереотипа сыграли разного рода региональные объединения в немецкоязычных регионах, развивавшие внутренний туризм и пропагандировавшие идею самобытности этих территорий.

Проблематика, связанная с историей добровольных объединений и союзов, также активно завоевывает внимание исследователей в последнее десятилетие. В принципе, значительная часть вышеупомянутых трудов в той или иной степени затрагивают эти сюжеты, но стоит выделить и некоторые специальные исследования на эту тему.

Сборник статей «Немецкие физкультурные и спортивные союзы в Чешских землях и Чехословакии» [Německé tělovýchovné a sportovní spolky..., 2008] представляет собой попытку обобщить опыт отдельных исследователей. Сфера их интересов распространяется несколько шире заявленной тематики, включая в себя также, например, туристические объединения и некоторые молодежные немецкие союзы. Большинство статей этого сборника посвящены частным проблемам — либо спортивным союзам того или иного региона, либо объединениям определенной направленности (футбол, гребля и т. п.). Общим мотивом большинства статей стало сравнение величины и развитости сети союзов в немецких областях Богемии и Германской империи, которое во всех случаях шло не в пользу последней. Эта особенность указывает на то, что богемские немцы чувствовали большую потребность к объединению или даже демонстративному проявлению своей принадлежности

к «немецкому племени», нежели население Германии, не отягощенное ощущением опасности, исходящей от иноязычного окружения.

Чешский историк Мартин Пелц, принявший участие в подготовке вышеупомянутого сборника, стал также автором отдельной монографии *«Искусство странствовать. История немецких туристических союзов в Чешских землях»* [Pelc, 2010]. В этом весьма основательном труде всесторонне и подробно описана история таких клубов от их возникновения до Второй мировой войны. Автор углубляется во всевозможные аспекты их существования — от региональных до гендерных особенностей их работы. Туристические союзы рассматриваются также и с интересующего нас ракурса межнациональных отношений: автор считает их создание одним из инструментов конструирования дихотомии «свой — чужой». В данном случае вечный вопрос о превосходстве немцев над соседними этносами обыгрывается с точки зрения любви к природе, якобы доступной и понятной лишь немецкой душе. Этот подтекст, по мнению историка, создавал австрийским немцам почву для сближения с немцами Германской империи, к которому они неустанно стремились как в целом, так и в частности, организуя совместные мероприятия немецких клубов. Излишне упоминать, что о подобном сотрудничестве с чешскими туристами речи не шло.

Подводя итог обзору, следует отметить многосторонность наработок по истории богемского вопроса.

Она заключается, в первую очередь, в спектре проблематики и подходов: исследования ведутся как в традиционном ключе общественно-политической истории, так и в направлении проблематики повседневности, быта, стереотипов. Масштаб этих областей, конечно, пока что едва ли сравним: если первый аспект прорабатывается давно и основательно представлен обобщающими авторскими монографиями, то второй, будучи моложе, зачастую опирается на коллективные исследования и разработки частных сюжетов.

Это, в принципе, неудивительно — лишь опираясь на хорошо проработанную событийную сторону явления, авторы пробуют интерпретировать и менее формализуемую «чувственную», эмоциональную сферу. С другой стороны, некоторые разработки в этом русле опровергают сложившиеся на основе «традиционных» исследований установки: так, заметна тенденция более мягкой оценки чешско-немецкого сосуществования, непримиримо конфликтного на политической арене и вполне компромиссного (в силу обособленности двух групп) в повседневности.

Стоит, впрочем, заметить, что эти школы ничуть не обособлены друг от друга — примером здесь могут послужить чешские историки Ян Кржен и Иржи Коржалка, чьи монографические исследования общественно-политической жизни были продолжены попытками анализа этнических стереотипов и взаимных образов.

Обращает на себя внимание и разнообразие национальных иссле-

довательских школ — помимо собственно чешских и немецкоязычных историков, богемская тематика привлекает внимание и многих англоязычных исследователей.

В подходах к ней сформировались определенные аксиомы, которые можно встретить на страницах большинства трудов. Так, признается, что в большой политике богемские немцы все больше чувствовали себя отброшенными на периферию из-за усиления позиций славянских деятелей, что провоцировало постепенную радикализацию немецконациональной политики.

Несомненно, что на рубеже веков имела место «национализация» общественности, изначально сконструированная национальными активистами, но постепенно проникающая в умы широкой общественности. Некоторые исследователи, впрочем, доказывают тезис о «национальной индифферентности» большинства богемцев, признавая фактическими творцами национального вопроса небольшие группы активистов.

В то же время, повседневное сосуществование немцев с чехами было сравнительно спокойным вплоть до самого конца XIX века. Это, впрочем, не означало, что для этих двух сообществ было характерно взаимопроникновение — большинство авторов отмечает, что они становились все замкнутее, и к концу века все попытки компромисса

между ними были обречены на провал. В целом на протяжении этих десятилетий немецкий и чешский национализмы взаимно провоцировали друг друга на стремительное развитие — нельзя выделить момент начала этого процесса, быстро превратившегося в замкнутый круг.

Говоря о перспективах дальнейших исследований, можно назвать несколько возможных направлений. Во-первых, пока нет работы, которая обобщала бы опыт чешско-немецких взаимоотношений именно в эпоху дуализма. Какие этапы он прошел, в каком виде перешел в межвоенную Чехословакию, существовали ли жизнеспособные сценарии его разрешения? Во-вторых, весьма актуальным кажется исследование роли искусственных националистических конструктов как катализатора напряженности в обществе. В какой степени образы, создаваемые национальными активистами, находили отклик у широкого обывателя? Далее, обширное поле для разработок представляет собой исследование чешско-немецкого сосуществования в повседневности, уже внесшее свои коррективы в некогда однозначные трактовки. Сколько в нем было от конфликта, и сколько — от нейтрального соседства? Наконец, крайне важен выход за пределы региона и сравнение богемских реалий с ситуацией в других билингвальных провинциях Австрии на рубеже XIX–XX вв.: несомненно, что осмысление опыта многонациональной империи — насущная задача и для сегодняшнего дня.

Abstract: The article is dedicated to contemporary research on the topic of Czech-German cohabitation in late XIX century Bohemia. The author reviews English-speaking, German, Austrian and Czech monographs that were

published since 1990s, separating them to three topical groups: «traditional» research on political aspects of Czech-German struggle, regional studies of certain German-speaking areas in Bohemia, monographs and articles focused on anthropological issues such as history of mentalities, Alltagsgeschichte etc. Both general trends and separate researches are analyzed in terms of contribution to a full extensive view on different aspects of Czech-German neighborhood.

Key words^ Austria-Hungary, Bohemia, Czech-German conflict, nationalism

REFERENCES

Boldt F. Cheb: město evropských dějin. Esej o česko-německé koexistenci. Praha-Litomyšl, 2010.

Cohen G.B. The politics of ethnic survival: germans in Prague, 1861–1914. Princeton, 1981. West Lafayette, 2006.

Creating the other: ethnic conflict and nationalism in habsburg cCentral Europe. New York, 2004.

Deutsche Geschichte im Osten Europas. Böhmen und Mähren. Berlin, 2002.

Facing History. The evolution of czech-german relations in the czech provinces, 1848–1948. Prague, 2002.

Judson P.M. Guardians of the nation: activists on the language frontiers of imperial Austria. Cambridge, 2006.

King J. Budweisers into czechs and germans. A local history of bohemian politics. 1848–1948. Princeton, 2002.

Kořalka J. Češi v Habsburské říši a v Evropě. 1815–1914. Praha, 1996.

Křen J. Konfliktní společenství: Češi a Němci. 1780–1918. Praha, 1990.

Makrlík V. Češi a Němci. Studie proveditelnosti společných dějin a budoucnosti. Praha, 2009.

Nacionalizace společnosti v Čechách. 1848–1914. Ústí nad Labem, 2008.

Němci, Češi, Slováci. Souběžně a rozdílně tendence jejich společenského vyvoje. 1815–1918. Praha, 1992.

Německé tělovýchovné a sportovní spolky v českých zemích a Československu. Praha, 2008.

Obraz Němců, Rakouska a Německa v české společnosti 19. a 20. století. Praha, 1998.

Pelc M. Umění putovat. Dějiny německých turistických spolků v českých zemích. Brno, 2010.

Řeháček K. Češi a Němci na jihozápadě Čech. 1880–1938. Plzeň, 2002.

Schmid J. Deutschböhmen als Konstrukt deutscher Nationalisten // Bohemia. 2008. Bd 48/2.

Tampke J. Czech-german relations and the politics of central Europe from Bohemia to the EU. New York, 2003.

Wingfield N. Flag wars and stone saints: how the bohemian lands became Czech. Cambridge, 2007.

Wiskermann E. Czechs & germans. A study of struggle in the historic provinces of Bohemia and Moravia. NY, 1967.

Zahra T. Kidnapped souls: national indifference and the battle for children in the bohemian lands 1900–1948. Ithaca, 2008.

А.С. Стыкалин

ВЕНГЕРСКИЙ ИСТОРИК Д. СЕКФЮ О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ЧУВСТВЕ И СОВЕТСКОМ ПАТРИОТИЗМЕ (1946 г.)

Одним из решающих итогов Второй мировой войны явилось укрепление позиций СССР (и как следствие – повышение его роли в международных отношениях), на что зарубежные наблюдатели обращали внимание еще до окончания военных действий с Германией. «В противоположность своему положению в конце первой мировой войны, из которой Советский Союз (тогда Советская Россия – А.С.) вышел экономически разбитым и политически отверженным, к концу настоящей войны СССР появится на мировой арене, конечно, несколько ослабленный потерями, но по-прежнему сильный, со значительно возросшим престижем и уверенностью в себе и сможет выступить на мировом совете с требованиями, по меньшей мере равными требованиям остальных наций, <...> членов победоносной коалиции», – так охарактеризовали послевоенную ситуацию составители опубликованного весной 1945 г. карманного пособия для офицеров армии США, которым в процессе освобождения Германии предстояло встретиться на Эльбе и вступить в непосредственный контакт с советскими войсками [«Пожимайте

руки...», 2008: 77; Русский «национальный характер»..., 2005: 462–497]. За державной мощью управляемого коммунистами государства стоял большой моральный авторитет страны, внесшей решающий вклад в победу над нацистской Германией. Как отмечалось далее в том же документе, за годы войны «мир начал признавать силу правительства и армии Советского Союза, высокий моральный уровень его народа и величину его вклада в наше общее дело» [«Пожимайте руки...», 2008: 91].

Роль СССР в победе над нацизмом способствовала усилению если не просоветских, то, во всяком случае, уважительных по отношению к СССР настроений среди интеллигенции и более широких кругов общественности во всем мире. Вот что писали члены советской делегации в своем отчете по итогам поездки на международный конгресс юристов в Париж в октябре 1946 г.: «К СССР на Конгрессе господствовало очень благожелательное отношение <...> Заявление представителя французской делегации <...> (о том – А.С.), что Советскому Союзу народы обязаны своим спасением

от порабощения фашизмом, было встречено одобрением всего Конгресса, перешедшим в овацию»¹. А в отчете о поездке группы советских кинематографистов во главе с М. Калатозовым на первый Каннский фестиваль в том же 1946 г. отмечалось: хотя в фестивальном жури не было ни одного коммуниста и состав съехавшейся аристократической публики «не давал оснований предполагать, что в ее лице мы встретим почитателей советской культуры, <...> каждое появление тов. Сталина (при демонстрации фильма М. Чиатурели «Клятва» — А.С.) вызывало аплодисменты как жури, так и зрительного зала»².

Не за горами, правда, уже было резкое усиление антисоветских настроений в последующие месяцы, связанное с началом холодной войны, постепенным ухудшением отношений между СССР и западными державами, непосредственным столкновением их интересов в Иране, Турции, Греции и т. д. Опросы общественного мнения, проведенные в 1946–1947 гг. Институтом Гэллапа, свидетельствуют об обозначившейся тенденции к снижению симпатий к стране Советов на Западе³. Но в определенных кругах западной (и восточноевропейской) некоммунистической интеллигенции продолжал и дальше сохраняться интерес к той социально-экономической системе, которая сумела обеспечить решающую роль СССР в победе над нацизмом. По замечанию графа Ми-

хая Каройи, европейски известного леволиберального политика (первого премьер-министра и президента Венгрии в 1918–1919 гг.), профессора Карра, влиятельного автора передовиц лондонской «Таймс», в 1919 г. преследовали бы в Англии как опасного большевика за его сегодняшние высказывания о возможностях плановой экономики. «Тот факт, что даже английские консервативные газеты пишут сегодня о преимуществах планового хозяйства, яснее всего показывает ход исторического развития. Всего этого нельзя себе представить без успеха русской революции». «Новая Россия», по мнению Каройи, не только выдержала испытание временем, но и широко распространила в мире влияние своих идей. По итогам Второй мировой войны Советский Союз не просто стал «всеми признанной великой державой, с которой вместе Запад боролся против фашизма. Принцип капиталистического свободного рынка в Европе окончательно провалился, а социализм везде стал хорошим тоном. Социалистическая мысль о плановом хозяйстве завоевывает все новые и новые территории... Даже самые закоренелые консерваторы не могут закрывать на это глаза»⁴. Такое, способное вызвать сегодня у многих читателей улыбку, отношение графа Каройи к плановому хозяйству как к панацее от бед, порождаемых рыночной стихией, не может быть понято, конечно, без учета негатив-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 395. Л. 124.

² Там же. Д. 469. Л. 58, 62.

³ Там же. Д. 392. Л. 132.

⁴ Из доклада графа М. Каройи в будапештской опере 21 января 1947 г. по случаю очередной годовщины смерти В. Ленина. См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. ВОКС. Оп. 17. Д. 144. Л. 202–205.

ного опыта «великой депрессии» 1929–1933 годов и успехов «нового курса» президента Ф. Рузвельта по выведению США из кризиса.

Каройи полагал, что в послевоенных условиях «формируется новая европейская демократия, которая принимает в каждой из стран свой специфический оттенок соответственно конкретной исторической обстановке. В этом движении должны встретиться Восток и Запад». По мнению Каройи, «новая демократия» «не должна быть и не может быть 100 % коммунистической, но о 100 % капиталистической демократии тем более не может быть речи». Эта «новая демократия» не может копировать ни русских, ни английских или американских образцов, хотя должна учиться их опыту. «Вследствие исторического опыта и произошедших в мире изменений есть возможность избежать многого из того, через что прошла Россия, но это не значит, что надо отбросить учение Маркса и Ленина»⁵. Сходных взглядов о синтезе западного и «восточного» типов демократии в то время придерживались люди различных идейно-политических ориентаций, не чужды они были и Дьердю Лукачу, всемирно известному философу-марксисту, члену венгерской компартии [Стыкалин, 2001]. Такие взгляды, однако, лишились почвы под собой уже к середине 1947 г. в условиях начавшейся холодной войны, усиления конфронтации между СССР и Западом. В Венгрии послевоенный режим антифашистской левоцентристской коалиции к середине 1948 г. сменила жесткая

коммунистическая диктатура. Граф Каройи, с 1947 г. представлявший свою страну в Париже в качестве посла, в 1949 г. в знак протеста против судебного процесса по делу деятеля компартии Ласло Райка, всецело сфабрикованному, порвал со своим правительством и навсегда остался во Франции.

Внешне более благополучно, но все же не просто складывались отношения с установившимся коммунистическим режимом у крупного историка Дюлы Секфю, человека консервативных убеждений, который благодаря своей последовательно антифашистской позиции в годы войны снискал определенное доверие левых сил, всецело поддержавших идею о его командировании в 1946 г. в Москву в качестве посла новой Венгрии.

Дюла Секфю (1883–1955) начал карьеру в канун Первой мировой войны в качестве сотрудника одного из венских архивов, находившегося в системе министерства иностранных дел Австро-Венгрии. Позже работал университетским профессором в Будапеште. Прекрасный знаток новейших течений западной (особенно немецкой) историографии и историософии, Секфю стал подлинным реформатором венгерской исторической науки, которая прежде всего с появлением именно его работ освобождается от былой провинциальной узости, выходит в концептуальном и методологическом отношении на передовые европейские рубежи⁶. Последова-

⁶ О творческом пути Д. Секфю и его вкладе в развитие венгерской исторической науки см.: [Хаванова, 2013: 27–31]

⁵ Там же.

тельный консерватор и противник революций, он много сделал для обоснования исторической продуктивности союза Венгрии с домом Габсбургов, а известной работой «Три поколения» (1920) даже внес свою лепту в формирование идеологии хортистского режима⁷. Однако после 1933 г., с установлением нацистского режима в Германии и наступлением фашизма по всей Европе, Секфю примыкает к антифашистскому движению, представляя в Венгрии наряду с известным политиком графом Иштваном Бетленом его христианское, консервативно-гуманистическое крыло.

В 1946–1948 гг. Дюла Секфю был первым послом послевоенной Венгрии в СССР. Именно в Москве, в особняке на Поварской (в то время улице Воровского), где теперь размещается венгерский культурный центр, была написана его книга «После революции», первая из работ выдающегося венгерского историка, ставшая достоянием и русскоязычного читателя [Секфю, 2011]. Наиболее парадоксальная в обширном творческом наследии крупного историка, эта работа отразила важный этап в его духовной эволюции. Венгерский консервативный историк не только открыто и в полный голос призвал соотечественников выразить благодарность Советскому Союзу и Красной Армии, ценой огромных потерь внесшей решающий вклад в победу над нацизмом. Не перестав быть глубоко верующим католиком и венгерским патриотом-государственником, Секфю вместе с тем приходит к убеждению

в исторической целесообразности и закономерности долгосрочного союза Венгрии с Россией, хотя и выступавшей в год написания книги (1947 г.) в мало приглядном для respectable европейской интеллигенции обличье сталинского СССР⁸. «Прежде всего, — писал Секфю, — мы должны лучше узнать нашего соседа, к которому нас прибил ветер мировой истории». Бросив вызов глубоко укоренившимся в сознании венгерской интеллигенции антироссийским предубеждениям (ведь Россия еще в XIX в. воспринималась прежде всего как оплот панславизма, смертельно опасного для Венгрии), Секфю шел наперекор общественному мнению, и отклик на его книгу в родной стране был по меньшей мере неоднозначным.

Именно перу Дюлы Секфю принадлежит публикуемое ниже дипломатическое донесение. Пытаясь понять внутренние истоки державной мощи СССР, выявить причины поддержки народом большевистской власти, историк связывал прочность сталинского режима с усилением в его идеологии русского патриотического начала, со все большим осознанием коммунистами своей преемственности многовековым российским государственным (в первую очередь военно-патриотическим) традициям. Без опоры на эти традиции режим, формально не отрекшийся от марксистских доктрин о приоритете узкоклассовых интересов, но в условиях войны отдавший предпочтение воспитанию в своих подданных гражд-

⁷ См.: [Стыкалин, 1999: 52–71].

⁸ О духовной эволюции Д. Секфю в 1940-е годы см.: [Хатош, 2013: 32–43].

данского патриотизма, не получил бы столь массовую поддержку общества в годы тяжелых испытаний и едва ли сумел бы одолеть мощнейшую военную машину нацистского вермахта.

Внимательно изучавший не только внешнюю и внутреннюю политику сталинского режима, но и советскую повседневность во всех ее многогранных проявлениях, Секфю приходил к выводам, которые разделяли другие заинтересованные наблюдатели, в том числе и в его родной Венгрии. В 1947 г. венгерский публицист право-народнической ориентации Я. Кодолани, в отличие от Секфю не бывавший в СССР, но следивший за происходящим в стране по всем доступным источникам, обратил внимание на то, что советская национально-патриотическая традиция сумела объять совершенно разнородные и, на первый взгляд, казалось бы, несовместимые явления: цари, носители имперской идеи Иван Грозный и Петр I и великие полководцы прошлого Александр Невский, Суворов и Кутузов причудливо уживаются в этой традиции с «крестьянским анархистом» Львом Толстым, славянофилом-почвенником Достоевским и активистом-авангардистом Маяковским⁹. Активное внедрение в годы Второй мировой войны в государственную идеологию СССР российских национально-патриотических ценностей не укрылось от внимания многих западных на-

блюдателей. Как отмечалось в уже цитированном нами пособии для офицеров Вооруженных Сил США «СССР — порядки, учреждения и народ» (весна 1945 г.), проявившаяся в полной мере в годы войны «тенденция подчеркивать значение русского прошлого» «расширила основу народной поддержки режиму и дала ему дополнительную силу во время войны и обещает то же самое в послевоенный период»; «хотя патриотизм и не заменил марксизм, тем не менее он продолжает существовать как элемент советской идеологии» [«Пожимайте руки...», 2008: 81–82].

Публикуемый ниже документ свидетельствует о проницательности венгерского историка, отдавшего всего два года жизни амплуа карьерного дипломата. Наблюдая (с неизменной доброжелательностью и открытостью к иной культуре!) непосредственную реальность, повседневную жизнь СССР эпохи позднего сталинизма, следя за культурной жизнью многонациональной страны, он не только с присутствием ему аналитическим мастерством показал (пусть в предельно сжатой форме) эволюцию базовых идеологем большевистского режима от интернационализма 1920-х годов к патриотическим и державным ценностям, ускорившуюся в условиях войны, когда российские патриотические традиции были востребованы властью во всей их исторической глубине и при помощи средств пропаганды прочно укоренились в официально признанной режимом массовой культуре. Будучи не просто карьерным дипломатом, но прежде всего професси-

⁹ Из обзора венгерской прессы за 1947 г., подготовленного во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей (ВОКСе): ГАРФ. Ф. 5283. ВОКС. Оп. 17. Д. 134. Л. 152–153.

ональным историком высочайшей квалификации, Дюла Секфю сумел поставить идеологические процессы, происходившие на его глазах в стране пребывания, в контекст многовековой истории российской государственности.

Публикатор и переводчик благодарят за предоставление документа и содействие в подготовке его к печати на русском языке бывшего руководителя венгерского архивного института в Москве Еву Марию Варгу. На венгерском языке документ публиковался в сборнике: Lázár Gy. Szekfű Gyula követ és a moszkvai magyar követség jelentései (1946–1948). Вр., 1998.

Москва, 6 февраля 1947 г.

Донесение посла Дюлы Секфю о новом советском фильме «Адмирал Нахимов» и о русском национальном чувстве.

«Адмирал Нахимов»¹⁰ — название нового советского фильма, который, рано или поздно, можно будет увидеть в Будапеште. Нахимов был русским адмиралом, который погиб во время Крымской войны при штурме Севастополя, защищая город. Газета «Красная звезда» в номере от 4 января 1947 г. раскритиковала картину, утверждая, что в ней не показано, какими бесчестными проявили себя англичане в эту войну. 6 января газета «Правда» всем своим авторитетом опровергла критику и отчитала журналистов «Красной звезды» за недовольство

¹⁰ Фильм режиссера В.И. Пудовкина. В главной роли актер А.Д. Диккий.

в отношении замечательного советского фильма, выдающегося как в содержательном, так и в техническом плане¹¹.

Во всей этой истории интересна не полемика двух советских газет — подобные внутренние споры в области литературы и искусства не редки, — но сам фильм, ставший очередным шагом по встраиванию досоветской эпохи, то есть царской России в систему советского мировосприятия. С тех пор, как в период революции и гражданских войн новая власть была вынуждена волей-неволей отречься от всей предшествующей царской истории, именно Сталин стал тем, под чьим руководством страна признала национальную значимость отдельных периодов и личностей дореволюционной российской истории. Из этих событий и личностей выхолостили, если можно так выразиться, все царское, и оставили извечно русское и извечно человеческое, а это уже можно представить современному советскому человеку как пример для подражания. Так произошло сначала с Петром Первым, Екатериной, затем, посредством романов и пьес, театральных постановок, с Иваном Грозным, — а теперь, в лице Нахимова, и с российской армией, которая хотя и потерпела поражение под Севастополем, но своими героическими действиями заслужила, чтобы стать образцом для народных масс, только что

¹¹ См.: По поводу одной рецензии на фильм «Адмирал Нахимов» (Правда, 6 января 1947 г.). Опубликовано за подписью генерал-майора В. Галактионова. Отклик на рецензию В. Ильенкова в «Красной звезде» (4 января 1947 г.).

прошедших “Великую отечественную войну”.

Известно, что крымское поражение в свое время считалось серьезной неудачей и позором царского режима. Иностранцы (английские и французские) солдаты общей численностью 70–80 тысяч человек, находясь вдали от складов оружия и провианта, сумели захватить укрепленную военную гавань, а миллион вооруженных солдат и офицеров царской армии так и не смог им в этом помешать. Тогда обнаружилось все: недостатки артиллерийского и прочего снаряжения, нехватка провианта и отсутствие хотя бы одного талантливого военачальника; согласно историческим исследованиям, всего несколько морских офицеров, учеников адмирала Лазарева¹², хорошо разбирались в своем деле. Среди них был и погибший при штурме Нахимов, которого авторы фильма умело выводят на первый план и превращают, с его помощью, поражение в образец для подражания, способный вдохновить сегодняшнего советского зрителя на великие свершения¹³.

¹² Михаил Петрович Лазарев (1788–1851) – российский флотоводец, морской путешественник, адмирал. Участвовал в русско-шведской войне 1808–1809 гг., а в 1812 г. – в Отечественной войне с армией Наполеона. В период 1819–1821 гг. вместе с капитаном Ф.Ф. Беллингаузеном возглавлял экспедицию, в ходе которой была открыта Антарктида.

¹³ Павел Степанович Нахимов (1802–1855) – российский адмирал. Сыграл заметную роль в событиях Крымской войны 1853–1856 гг. Под предводительством Нахимова российский флот разбил турецкий флот при Синопе в ноябре 1853 г. С 1854 г. адмирал руководил обороной Севастополя. В 1855 г. был

Тогдашние враги царской России – французы, англичане и турки – также наделены в картине своими ролями. Хотя англичане втягивают турок в войну, однако при этом английский офицер-посредник благо-разумно бежит, когда флот Нахимова в начале войны вдруг неожиданно атаковал турецкие корабли в ходе сражения при Синопе. Все это показано ненавязчиво и тонко, зрителю весело и смешно, он не испытывает раздражения и ненависти. Таким образом, в фильме все-таки присутствует современный внешнеполитический контекст, понимания которого не хватило «Красной звезде», но проявляется он куда более приглушенно, нежели привычные выпады прессы в моменты полемики между Советами и англосаксами. Царизм присутствует в фильме лишь в образе молодого офицера, похожего на великого князя, который, стоя на нижних ступенях парадной лестницы, приветствует и обнимает возвратившегося после синопского рейда адмирала-победителя; этот же офицер во время бомбардировки крепости трусливо прячется в грязной луже, Нахимов закрывает его собой и в этот момент получает смертельную пулю. Царизм уже давно мертв, его не возродить, он не опасен, поэтому авторы фильма могут справиться с ним одним взмахом руки.

Общий вывод: Советы принимают историю царской России как свое прошлое не только в научных исследованиях, но и помогают на-

смертельно ранен. В 1944 г. имя Нахимова было присвоено военно-морским училищам.

родным массам усвоить то ценное, что было в царистском прошлом, в плане национального самосознания. Идеологическая сторона (и основа) русского коммунизма ничуть не меняется от того, что сегодня он наполняет русским национальным содержанием сознание масс, используя исторические образцы. Напротив, построенные на коммунистических принципах советское государство и общество одновременно являются русскими национальными образованиями, и эти два признака уже неотделимы друг от друга. Вбирая в себя через государство и общество национальное прошлое и национальное сознание, коммунистический режим становится действительно неотделимым от русского народа и русской земли¹⁴. На этот процесс стоит обра-

¹⁴ Ср. с тем, что писал Секфю в книге «После революции» в 1947 г.: «Недавно отгремевшая война в России была во многом похожа на борьбу с наполеоновским вторжением. Словно ожили Кутузов и Суворов: правительство само напомнило своему народу об актуальности их подвига. Со времени войны историческое сознание все укрепляется, появилось ощущение того, что советский народ — лишь поколение в ряду многих, связанных веками российской истории. Иными словами, русской коммунистической культуре удалось вобрать в себя царскую, капиталистическую, феодальную эпоху, ибо даже революция не снесла все до основания: в Ленинграде гордо красуются памятники Петру Великому, Екатерине II, Александру III, бережно сохраняются дворцы царей и аристократов. Выдающиеся писатели и блестящие актеры делают понятными народу фигуры Ивана Грозного и иных исторических деятелей: все, что было в русской истории действительно великого или характерно русского, ныне передается советской общественности — правопреемнице древнего русского народа. Совсем недавно подвиг одного из героев обороны Севастополя, адмирала Нахимова, был запечатлен в художественном фильме,

тить внимание и друзьям, и врагам Советского Союза!

Подпись: Дюла Секфю
Посол»

Magyar Országos Levéltár (Венгерский национальный архив)
MOL-XIX-J-42-a 8 ящик 32/biz.

Публикация А. Стыкалина, перевод с венгерского языка О. Якименко

REFERENCES

Hatos P. Djula Sekfju v 1945–1955 godah // Slavjanovedenie, 2013. № 3. S. 32–43.

Havanova O.V. K 130-letiju so dnja rozhdjenja vengerskogo istorika Djuly Sekfju (1883–1945) // Slavjanovedenie, 2013. № 3. S. 27–31

«Pozhimajte ruki pri vstrechah...» Arhivnyj dokument SSHA o Rossii i russkih (publikacija A.S. Stykalina) // Vojna i obshhestvo v XX veke. Kniga 3. Vojna i obshhestvo v period lokal'nyh vojn i konfliktov vtoroj poloviny XX veka. Otв. red. M.Ju. Mjagkov, Ju.A. Nikiforov. M., 2008.

Russkij «nacional'nyj karakter» i rossijskie patrioticheskie tradicii. Vzgljad iz Ameriki, 1945 (Vstupitel'naja stat'ja, publikacija i primechanija A.S. Stykalina) // Slavjanskij al'manah. 2005. M., 2006.

Sekfju D. Posle revoljucii. M., 2011.

Stykalin A.S. D'er'd' Lukach — myslitel' i politik. M., 2001.

Stykalin A.S. Trianonskij mirnyj dogovor 1920 g. i ideologija hortistskogo rezhima // Avtoritarnye rezhimy v Central'noj i Vostochnoj Evrope (1917–1990-e gody). Central'noevropejskie issledovanija. Vypusk 1). M., 1999. S. 52–71.

а в Невском порту ему установлен памятник» [Секфю, 2011: 161–162].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

«Пожимайте руки при встречах...» Архивный документ США о России и русских (публикация А.С. Стыкалина) // Война и общество в XX веке. Книга 3. Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX века. Отв. ред. М.Ю. Мягков, Ю.А. Никифоров. М., 2008.

Русский «национальный характер» и российские патриотические традиции. Взгляд из Америки, 1945 (Вступительная статья, публикация и примечания А.С. Стыкалина) // Славянский альманах. 2005. М., 2006.

Стыкалин А.С. Дьердь Лукач — мыслитель и политик. М., 2001.

Хаванова О.В. К 130-летию со дня рождения венгерского историка Дюлы Секфю (1883–1945) // Славяноведение, 2013. №3. С. 27–31

Стыкалин А.С. Трианонский мирный договор 1920 г. и идеология хортистского режима // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). Центральноевропейские исследования. Выпуск 1). М., 1999. С. 52–71.

Секфю Д. После революции. М., 2011.

Хатон П. Дюла Секфю в 1945–1955 годах // Славяноведение, 2013. №3. С. 32–43.

От редакции. Обычно в журнале публикуют две рецензии на одну и ту же книгу только тогда, когда мнения рецензентов резко расходятся. Но в данном случае серьезного расхождения в позициях рецензентов нет. Тексты были написаны независимо друг от друга и поступили в редакцию почти одновременно. В этих условиях редакция решила познакомить читателей с двумя интересными отзывами, которые, очевидно, свидетельствуют о востребованности издания.

А.А. Тесля

ЗАПИСКИ ВЫБРОШЕННОГО НА БЕРЕГ¹

Рец.: *Шпенглер О.* Воссоздание Германского рейха / Пер. с нем. А.В. Перцева и Ю.Ю. Коринца, послесл. А.В. Перцева. СПб.: Владимир Даль, 2015. 223 с.

Шпенглер написал всего одну, но великую книгу — и если о «величии» позволительно спорить, то о значимости ее спорить не приходится. Сами продолжающиеся до сих пор дебаты, стремление «отменить», объявить не заслуживающей рассмотрения, работой дилетанта, которая не стоит обсуждения, — это вновь и вновь подтверждают, вопреки себе.

Все прочие тексты, принадлежащие Шпенглеру, мы читаем именно потому, что им написан «Закат Запада» — и в перспективе этой книги, как прояснение, уточнение или опровержение ее. И сам Шпенглер — вольно или невольно — признавал подобное положение вещей. Отказавшись от предлагавшихся

ему постов, отклонив предложение стать профессором Геттингенского университета (1919), а затем, много лет спустя, не пожелав стать профессором в Лейпциге (1933), он заявлял, что желает продолжать заниматься своими исследованиями. Проблема была только в одном — исследования эти по самой своей природе не имели ограничения, в силу чего не только никогда не могли быть завершены, но и, что любопытнее, не могли добавить нечто существенное к уже сказанному. В предисловии к первому изданию 1-го тома (1918) Шпенглер писал:

«Эта книга, результат трех лет, была завершена в первом изложении, когда разразилась великая война. До весны 1917 года она была еще раз переработана и уточнена в деталях» [Шпенглер, 1993: 127].

¹ Статья первоначально опубликована на сайте Syg.ma [URL: <http://syg.ma/@andrey-teslya>]

Текст, претендующий на то, чтобы охватить суть мировой истории, был, таким образом, вчерне написан за три года — с 1911, когда Шпенглер, получив небольшое наследство, смог оставить работу школьного учителя и заняться тем, в чем видел собственный смысл. Написан человеком, не имевшим в этой области никакой профессиональной подготовки, если не считать опыта учителя истории, в университетах Галле, Мюнхена и Берлина изучавшего математику и естественные науки. Впрочем, уже в ранние годы в его биографии был подобный неожиданный «ход в сторону», оказывающийся главным движением (это вообще свойственно ему, когда главное направление движения не высчитывается по привычным проекциям) — в двадцать четыре года он защищает диссертацию о «Метафизической основной идее философии Гераклита» — необычный выбор для того, кому вскоре предстоит обучать гамбургских школьников математике, естествознанию и немецкому языку. В «Закате Запада» откроется, как все эти вроде бы совершенно разнонаправленные интересы направлены на одно, от открывающих основной текст рассуждений о различии математики Древнего Египта, Греции и Запада до обращения к философии Гераклита и «морфологии мировой истории».

Материал для такой работы — безграничен, но, в сущности, мало что меняет, лишь уточняет детали, поскольку является только многообразием способов высветить «прафеномены» культур. «Прафеномен» не может быть показан сам по себе и в то же время никакое описание

не является достаточным, как способна оказаться достаточной одна деталь — речь ведь идет об усмотрении, понимании, а не «знании». Иное дело, что для того, чтобы увидеть прафеномен в детали — надо быть к этому готовым, подготовленным — и кажущаяся несистематичность оказывается более уместной, чем профессионализм, поскольку тот идет уже в рамках существующей системы знания, он заранее решил, что «относится к делу», а что — нет, отбор произведен еще до соприкосновения и потому возможности увидеть иное уже закрыта.

А.В. Перцев в послесловии вспоминает хрестоматийное противопоставление «культуры (хорошо)» и «цивилизации (плохо)», издательски проставляя в скобках «подлинное содержание», расхожее вкладываемое повторяющимися в эти понятия со ссылкой на Шпенглера. Но расхожее повторение случайным образом оказывается недалеко от истины — только это не относится к «Закату Запада». С этой книгой произошла любопытная история — она писалась совсем в другое время и в ином настроении, чем когда была опубликована. Между 1911 г., когда Шпенглер засел за нее, 1914, когда была закончена первая, черновая версия, декабрем 1917, когда первый том был дописан и отправлен издателю, и концом 1918 г., когда книга попала к читателю — изменился весь мир, началась новая эпоха. Трудно сказать, какая читательская судьба выпала бы «Закату...», выйди он на несколько лет раньше — вероятно, его бы прочли, ведь по меньшей мере на взгляд многих текст и литературно хорош.

Но в 1918 г. «Закат Запада» стал не философским, не литературным или каким-либо еще «культурным» событием, а событием жизни, книгу читали, находя в ней пророчество, откровение, считая ее симптомом времени (и по ней диагностируя или ставя диагноз книге и автору, исходя из своего понимания времени) или его самоистолкованием. Это первое, скорое, взволнованное прочтение, когда читатель больше откликается на свое, чем на авторское, так и осталось определяющим: второй том остался непрочитанным и сегодня – его читают, но читаемое, кажется, никак не влияет на «интерпретацию Шпенглера», он оказывается приятным «повторением», «еще одной книгой любимого писателя», от которой ждут лишь знакомого, привычного – и даже если встречают иное, то не замечают его, отбрасывают как мешающее.

Наступающая «цивилизация» в «Закате...» – это то, чего ждет и что призывает, чем восхищается и восторгается Шпенглер, это плод культуры, ее поздняя, зрелая фаза, когда она заканчивает творить – потому что сотворила, она находит себя в цивилизации. «Закат» – это осень культуры, период плодоношения, время империи:

«Заглавие, установившееся с 1912 года, обозначает в строжайшем значении слова и с оглядкой на закат античности всемирно-историческую фазу охватом в множество столетий, в начале которой мы стоим в настоящее время» [Шпенглер, 1993: 127].

И, заключая послесловие, помеченное декабрем 1917 г., Шпенглер на-

деемся, «чтобы эта книга не выглядела совершенно недостойно рядом с военными успехами Германии» [Шпенглер, 1993: 127]. Мир (Запад) вступает в эпоху, аналогичную Римской империи – «закат» может печалить в том смысле, что детства и юности более не будет, но зрелость, если она осмысленна, не впадает в отчаяние от этого.

Все это окажется в совсем ином интонационно пространстве, когда книга наконец выйдет, – ее прочтут как пророчество о «конце Европы», тем более легко принимаемое, что, на взгляд так воспринимающих, конечно же наступил. Так что это пророчество не о конце, а о том, что возрождения не будет, пафосный текст о грядущей империи как пессимистическое рассуждение о смертности всего сущего (как будто кто-то надеялся на этой земле жить вечно). Спустя 15 лет сам Шпенглер будет рассуждать схожим образом, сомневаясь теперь не только в том, что будущая империя окажется империей германской, но и в том, что она вообще будет. Говоря о меняющемся мире, в котором все больше становится голосов, ранее отсутствовавших, – Азии и Африки – «закат» может вполне обернуться «крушением», да и надежда на то, что жить приходится в момент становления империи, сменяется близким, но совсем иным для частного существования подозрением, что это эпоха от Канн до Акция, время Гракхов и близкого Мария, время, когда не столько смотришь вперед – в надежде на век Антонинов, который если и будет, то в трудно различимой дали, сколько оглядываешься назад, на свой аналог эл-

линской классики — XVII век, эпоху формы, ясности и отчетливости — для немногих избранных.

Свой последний большой текст, «Годы решений» (вышедший летом 1933 и с издательской точки зрения ставший самым успешным — тираж превзошел «Закат Запада»), Шпенглер начал с решительного заявления:

«Уже с первых дней я ненавидел грязную революцию 1918 года как измену неполноценной части нашего народа по отношению к другой его части — сильной, нерастраченной, воскресшей в 1914 году, которая могла и хотела иметь будущее. Все, что я написал после этого о политике, было направлено против сил, окопавшихся с помощью наших врагов на вершине нашей нищеты и несчастий для того, чтобы лишить нас будущего. Каждая строка должна была способствовать их падению, и я надеюсь, что так оно и произошло» [Шпенглер, 2006: 9].

И тем любопытнее дистанция, обнаруживая между «Годами...» и «Воссозданием Германского рейха» — небольшой книгой, вышедшей в 1924 г., в которой Шпенглер пытается говорить о насущном, о том положении, в котором оказалась Германия, и в чем она нуждается. Здесь очевидно, насколько его представления погружены еще в «Германию Вильгельма II»: он не осознает масштаба перемен и их необратимости, надеясь вернуться к «норме», прежнему порядку вещей — разумеется, не тому, что был в 1914 г., поскольку именно существовавшие тогда недуги привели к нынешнему отчаянному положению, но к тому, что для тех лет

выступало образом «нормы» в смысле «правильного», «желанного» существования. Заглавие книги в этом отношении вполне выразительно — речь идет именно о «воссоздании» Рейха, т. е. одновременно и о возвращении к прошлому, и о его восстановлении/ реставрации/ обновлении.

И суть проблем, и возможность их разрешения Шпенглер видит в антропологической порче, системе, которая не дает возможности появиться, а появившись — развиваться тем человеческим типам, которые могут найти решение. Дело не в очередных конституционных проектах, финансовых планах и валютной политике — это все значимо, но вторично, поскольку то, чего не хватает Германии — это человеческий тип «государственного деятеля»: Пруссия создала идеальный тип армейского офицера, она породила исполнительного чиновника — и она не сформировала идеальный тип политика, как не сформировала его и последующая краткая история II Рейха. Бисмарк не только остался одиночкой, но и не делал ничего, чтобы создать соответствующий тип, удовлетворяясь исполнителями, — он здесь фигура типичная, поскольку Германия порождала отдельных индивидов, способных к решению подобных задач, но они так и оставались исключениями, их появления нельзя было предполагать, а лишь радоваться удаче, если они появлялись. Будучи, как то не редкость среди консерваторов, склонным к англomании, Шпенглер противопоставляет Германию Великобритании, восхваляя государственных мужей последней — нередко не представляющих ничего

выдающегося, они были «нормой», их качеств можно было ожидать и, что еще важнее, они формировали следующие поколения и воспитывали выходцев из других слоев, поднимающихся по социальной лестнице. Важна не наследственная аристократия сама по себе, важна не какая-то мифическая расовая чистота — сильна не замкнутая каста, напротив, сила аристократии проявляется в ее способности переваривать все новые и новые пополнения без изменения своего типа — она формирует «под себя», а не размывается от наплыва извне. В обстановке бушующего поиска врагов — евреев, коммунистов и т. д. — Шпенглер подчеркивает, что действительно серьезные проблемы — это проблемы внутренние, собственные:

«<...> сколь ничтожен, мелок, ограничен и недостоин в сравнении с английским девизом “Права она или нет, но это моя страна!” немецкий тезис “Евреев вон!” <...>. Представители собственной расы всегда опаснее, чем представители чужой, которые, будучи поставлены перед необходимостью выбирать, предпочитают приспособливаться уже только потому, что они представляют собой меньшинство. Английский инстинкт прекрасно чувствует это: англичанином признают любого чужестранца — в той мере, в какой он способствует величию Англии благодаря своим талантам, средствам и связям» (стр. 25).

В «Воссоздании...» Шпенглер рассуждает о системе образования, о налогообложении, о том, как вернуться к порядку, к норме — во главе с монархом, с партиями, которые несут ответственность за свои дей-

ствия. Он видит в бесправности и, как следствие, в безответственности немецкого парламентаризма со времен Бисмарка недуг, погубивший Рейх: партии состязались в оппозиционности, представляя каждая свое «частное дело». Спустя девять лет, в «Годах решений» он назовет это утратой суверенитета, увидев здесь уже не местный, а общий недуг, разрушение государственной формы, когда дела «партий», «групп» больше не сводятся ни к чему общему.

Повторим исходное: «Воссоздание...» — текст, интересный не столько сам по себе, сколько демонстрирующий, до какой степени мысль Шпенглера в 1924 г. оставалась еще традиционной, «довоенной», побуждающей иначе, архаизирующе перечитать «Закат...» как последний великий текст XIX века.

REFERENCES

Shpengler O. Gody reshenij / Per. s nem. V.V. Afanas'eva; Obshhnaja redakcija A.V. Mihajlovskogo. M.: SKIMEN, 2006.

Shpengler O. Zakat Evropy. Oчерки morfologii mirovoj istorii. T. I: Geshtal't i dejstvitel'nost' / Per. s nem., vstup. st. i primech. K.A. Svas'jana. M.: Mysl', 1993.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Шпенглер О. Годы решений / Пер. с нем. В.В. Афанасьева; Общая редакция А.В. Михайловского. М.: СКИМЕНЬ, 2006.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. I: Гештальт и действительность / Пер. с нем., vstup. st. i primech. K.A. Svas'jana. M.: Мысль, 1993.

М.В. Медоваров

ДВОЙНОЙ ЛИК ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА И ЕГО ПЕРЕВОДЧИКОВ

Рец.: *Шпенглер О.* Воссоздание Германского рейха / Пер. с нем. А.В. Перцева и Ю.Ю. Коринца. СПб.: Владимир Даль, 2015. 223 с.

Нельзя сказать, что Освальду Шпенглеру везет в России с переводом и изданием его трудов. Прежде всего, важно отметить, что сам немецкий мыслитель имеет несколько ипостасей, выступая как автор, во-первых, сугубо философских произведений (от самой первой диссертации по Гераклиту до посмертного сборника фрагментов «Первовопросы»); во-вторых, сочинений по всемирной истории; в-третьих, малоизвестных художественных произведений; в-четвертых, трудов политически-публицистического характера. До настоящего времени на русский язык из работ Шпенглера, относящихся к первым трем категориям, были переведены лишь «Закат Европы» и «Человек и машина», что создает у русского читателя крайне искаженное представление о Шпенглере-философе, Шпенглере-историке, Шпенглере-литераторе, а подчас не создает и вовсе никакого представления.

Напротив, из тех сочинений великого мыслителя, которые были тесно связаны со злободневной политической жизнью 20-х и 30-х годов,

к настоящему времени на русском языке увидели свет практически все. Отечественный читатель уже не понаслышке знаком как с трудами начала 20-х годов («Пруссачество и социализм», «Двойной лик России и немецкие восточные проблемы», «Новые формы мировой политики»), так и с его последней книгой «Годы решений». Досадным пробелом в этом ряду оставалась работа «Воссоздание Германского рейха», написанная в кризисном 1923 году и увидевшая свет годом позже. Ее русский перевод, за который взялся такой уважаемый и авторитетный переводчик как Ю.Ю. Коринец, несколько лет лежал в издательстве¹. Наконец теперь данный пробел заполнен. Насколько, однако, удовлетворительно?

Рассматриваемая работа была известна в нашей стране и ранее. Так, оригинальное издание 1924 г. [Spengler, 1924] доступно сразу в нескольких библиотеках страны, а ведь «Воссоздание Германского

¹ Переводчик и редактор этой книги Юрий Юрьевич Коринец скоропостижно скончался в ночь на 18 ноября, так и не дождавшись выхода в свет этой рецензии.

рейха» переиздавалось также и в составе известного шпенглеровского сборника «Политические сочинения» [Spengler, 1933: 187–296].

Занимая промежуточное место между ранней и наиболее радикальной в политическом и экономическом смысле работой Шпенглера «Пруссачество и социализм» (1920) и пронизанными уже совсем иными настроениями «Годами решений» (1933), «Воссоздание Германского рейха» несет на себе все черты промежуточного, переходного периода как в идейной эволюции автора, так и в социально-политической жизни Германии и всей Европы тех лет.

Как и в «Пруссачестве и социализме», написанном в 1919 г., Шпенглер щедро сыплет инвективы в адрес Ноябрьской революции, до мельчайших деталей анатомируя ее и на множестве конкретных примеров демонстрируя «убожество и мерзость» этих лет, то «болото» (название первой главы), в которое попали немцы, ведомые ищущими лишь сиюминутной выгоды для своего кармана демагогами, которые под «защитой республики» понимали лишь «защиту своих гешефтов» (с. 19). Однако Шпенглер с первых же страниц указывает и на глубокие корни событий 1918–1923 гг. в немецкой политической культуре времен Второго рейха, считая глубокой ошибкой Бисмарка его неспособность воспитать партийные элиты и привить парламентскую политическую культуру в Германии (с. 7–9), и это уже нечто новое по сравнению с «Пруссачеством и социализмом», где Шпенглер однозначно называл парламентаризм годным лишь для

Англи, но не для Германии. Теперь, в 1923 г., напротив, Шпенглер увлеченно рисует картину будущего оптимального государственного устройства для Германии (с. 31–38), в которой находит свое место и избираемый народом рейхстаг, пусть и делящий власть с конституционным монархом и тайным советом.

Вообще, в «Восстановлении Германского рейха» Шпенглер предстает как автор, весьма далекий как от классического немецкого консерватизма, так и от собственных радикальных идей, высказанных им в других сочинениях. В бедах и поражениях консерваторов он винит их самих, проводя параллели между успешными ошибками французских роялистов в 1795–1796 гг. и ошибками, которые совершили немецкие противники революции и Версальского мира к 1923 г. (с. 23–27). При этом в целом Шпенглер, безусловно, остается на консервативной почве и подчеркивает свое глубокое отвращение как к пятилетнему безыдейному периоду Директории, доведшей Францию до глубочайшего нравственного разложения и экономического банкротства, так и к ее, Директории, «новому изданию» в виде посленоябрьской республики в Германии. На первый план при этом Шпенглер выдвигает экономические моменты. Вообще, именно в начале 20-х годов мыслитель уделял наибольшее внимание экономическим и финансовым вопросам — достаточно вспомнить последние главы «Заката Европы» (1922). Поэтому неудивительно, что почти половина «Воссоздания Германского рейха» посвящена вопросам курса валюты, налогообложения, капита-

лизма, труда и собственности. Антимарксистский пафос характерен для Шпенглера всех периодов его творчества, но даже в поздних «Годах решения» мыслитель не выступал в качестве апологета крупных промышленников и фабрикантов столь откровенно, как в рассматриваемой книге. Так, в главе «Против налогового большевизма» он указывает, что на сбор некоторых налогов приходится тратить сил и средств больше, чем собранная в итоге сумма, и что тем самым вопрос о принципах налогообложения — это вопрос политический и, особенно после эпохи Руссо, мировоззренческий (с. 103–122). Всегда ненавидевший и боявшийся демократию в «век масс» Шпенглер видит в тенденциях современной ему системы налогообложения в странах Запада тот же самый большевизм, только действующий мирно и незаметно, исподволь экспроприируя собственность у старой элиты, знаменосцем которой философ считал себя. Как это непохоже на рецепт из «Пруссачества и социализма»: «Следовало бы установить систему, по которой каждый трудящийся, офицер и административный чиновник так же, как рабочий физического труда, имел бы текущий счет в своего рода государственной сберегательной кассе, куда все обязанные что-либо внести должны направлять свои взносы. Отдельным лицам на основании определенного правила распределения полагается известная сумма, соразмерная с числом лет службы и величиной семьи!» [Шпенглер, 2002: 124]

Противостоять той системе налогообложения, которую вводят ле-

вые и «демократические» партии, по мнению Шпенглера, продолжающего традиции немецкой «исторической школы права», должно специфическое германское право, охраняющее неприкосновенность личности мужчины-героя, его чести, семьи и собственности. При этом такое право неотделимо от обязанностей, и преступник автоматически лишается прав на свою жизнь, честь и собственность (с. 72–85). Всё это было и в «Пруссачестве и социализме», но там уравновешивалось противопоставлением прусского рыцарского орденского коллективизма английскому викингскому индивидуализму. В рассматриваемой же работе данное противопоставление полностью исчезает. Идеолог юнкерства в Шпенглере отчасти уступает место идеологу крупной прусской буржуазии.

Тот же самый страх перед новой пролетарской элитой побуждает Шпенглера призвать капиталистов одуматься и привлекать наиболее талантливых рабочих к управлению заводами, а затем и вовсе передавать дела выращенной таким образом «смене» (с. 126–130). Такое воспитание, по мнению Шпенглера, не может быть частным делом каждого предпринимателя: это дело общенародное и государственное в той мере, в какой каждое крупное предприятие играет важную роль в жизни всего народа и страны (с. 130). Отсюда понятен и акцент, который Шпенглер делает на воспитании и образовании, на той «дрессуре» человека, пребывающего «в форме», которой посвящено немало проникновенных страниц уже в «Закате Европы». Автор, сам начи-

навший карьеру с учителя в классической гимназии, решительно требует покончить с классическим образованием и переориентировать всю систему школьного обучения на предметы, связанные с практической жизнью и текущими экономическими и политическими проблемами (с. 56–68). При этом Шпенглер предлагал оставить в школах латынь, но переориентировать сочинения по немецкому языку с отвлеченных тем на практические, а уроки истории превратить в уроки «политического воспитания», уча на примере Великобритании, Франции и США тому, как следует государствам добиваться политического и экономического успеха. Несомненно, не может современный российский читатель Шпенглера пройти мимо его призывов ввести в Германии единый стандартизированный выпускной экзамен, вплоть до деталей схожий с современным ЕГЭ, и при этом перестать контролировать то, каким путем ученик придет к овладению требуемой суммой знаний и навыков. Аттестат зрелости, таким образом, мог бы выдаваться даже и людям с «домашним» образованием, которые самостоятельно освоили требуемый государственным стандартом уровень, даже не обучаясь в школе (с. 69–71).

Завершает книгу, что так естественно для Шпенглера, раздел «О международном положении». На сей раз, в отличие от более ранних «Заката Европы» и «Пруссачества и социализма», но, как и в более позднем докладе в Трансатлантическом клубе Гамбурга «Новые формы мировой политики» (1924), в центре вни-

мания оказывается уже не Англия, чью слабость в 20-е годы Шпенглер стал усиленно подчеркивать, а Франция, очерки геополитических устремлений которой под пером Шпенглера превращаются в похвалу проницательности ее руководителей (с. 132–139) [Шпенглер, 2009: 22–33]. О Советской России в этот раз Шпенглер говорит меньше обычного, всего лишь на одной странице, и сразу переходит к своему излюбленному выводу о том, что наступил век, когда мировая политика сводится к действиям гениальных лидеров-одиночек (с. 142). Даже прочность экономики и курс валюты мыслитель объясняет теперь уровнем доверия общества и биржевиков к стабильности политической власти этих одиночек, к их «кредиту доверия», вновь приводя в пример Директорию и Наполеона (с. 102).

Таким образом, едва ли не последнее «белое пятно» на облике Шпенглера — публициста и экономиста своей эпохи — оказывается для отечественного читателя закрытым. Однако заслуживает отдельного разговора послесловие основного переводчика книги А.В. Перцева под заглавием «О. Шпенглер: попытка создания прикладной всемирной истории», занимающее треть всего тома (с. 143–222). Большие авторские предисловия или послесловия к русским изданиям сочинений Шпенглера стали уже традицией [Свасьян, 1998; Руткевич, 2002; Маханьков, 2004; Афанасьев, 2009]. К сожалению, почти все они, за исключением блестящего труда А.М. Руткевича, представляют собою объемные рассуждения пере-

водчика или издателя, достаточно слабо связанные с реальной тканью живой мысли Шпенглера. С той же проблемой сталкиваемся мы и в данном случае. А.В. Перцев – автор нескольких книг о Ф. Ницше и К. Ясперсе [Перцев, 2009; 2012; 2014] – никогда ранее не сталкивался с творчеством Шпенглера и, не зная с чего начать, начал свое послесловие с приведения хронологической таблицы жизни и деятельности немецкого философа (с. 148–151), сделав акцент на том, что Шпенглер-де презирал профессиональных историков, сам таковым не являясь и не находя у них понимания (с. 151–159). Вывод как минимум спорный, учитывая, что труды Шпенглера очень высоко оценили такие профессиональные историки с мировым именем, как Эдуард Мейер и Кристофер Доусон. Затем целых 25 страниц послесловия уделено рассмотрению взглядов Ницше и Льва Толстого на историю (с. 159–184). Лирическое отступление таких размеров внезапно обрывается, и в следующем параграфе А.В. Перцев позволяет себе крайне поверхностные рассуждения об индийской и античной культурах, в которых антиисторические рассуждения о Кали-юге (без постановки вопроса о том, когда в Индии сложилось учение о югах) сочетаются со ссылками на советские мультфильмы (с. 194–205). Наконец, длинный пересказ учения Шпенглера о технике в его сравнении с Основами социальной концепции РПЦ (с. 205–216) неожиданно завершается рассуждениями об особенностях «догоняющей модернизации» в Германии и Советском Союзе и неверном представлении

Шпенглера о России (с. 217–222). О самой работе «Воссоздание Германского рейха» переводчик при этом умудрился не сказать ни слова, за исключением самого последнего предложения в своем послесловии. Таким образом, довесок к книге в виде такого послесловия ничем существенным не отличается от вышеупомянутых весьма малосодержательных работ В.В. Афанасьева и И.И. Маханькова, а четверной лик подлинно универсального мыслителя Шпенглера тем самым все еще не повернулся всеми своими сторонами к российскому читателю; позволим себе сказать, что вместо него мы уже привыкли видеть лишь двоящийся лик автора и переводчика, подчас смотрящих в разные стороны. К сожалению, помимо небольших работ А.М. Руткевича и отчасти К.А. Свасьяна, серьезные и глубокие попытки осмыслить Шпенглера из русскоязычных авторов предпринимал только покойный В.А. Сендеров [Сендеров, 1994; 1999; 2004; 2007]. Несомненно, этого недостаточно; однако не менее очевидно, что вышедшая книга (к качеству самого перевода Ю.Ю. Коринца и А.В. Перцева никаких претензий у нас нет) может послужить катализатором, который ускорит процесс открытия Шпенглера в России с самых разных сторон, доселе еще остающихся в тени.

REFERENCES

- Afanas'ev V.V. Liberal'noe i konservativnoe // Spengler O. Politicheskie proizvedenija / per. s nem. V.V. Afanas'eva. M.: «Kanon +» ROIP «Reabilitacija», 2009. S. 224–526.

Mahan'kov I.I. Mir – jeto duh // Shpengler O. Zakat Evropy. M., 2004. T. 1. S. 5–12.

Percev A.V. Molodoj Jaspers: rozhdenie jekzistencializma iz peny psihiatrii. SPb.: izd-vo RHGA, 2012. 340 s.

Percev A.V. Neznakomyj Nicshe: psiholog, ostroumec i znatok zhenshin. SPb.: Vladimir Dal', 2014. 543 s.

Percev A.V. Fridrih Nicshe u sebja doma. SPb.: Vladimir Dal', 2009. 480 s.

Rutkevich A.M. Prusskij socializm i konservativnaja revoljucija // Shpengler O. Prussachestvo i socializm / per. s nem. G.D. Gurvicha. M.: Praxis, 2002. S. 187–228.

Senderov V.A. Krizis sovremennogo konservatizma // Novyj mir. 2007. № 1. S. 117–151.

Senderov V.A. Osva'l'd Shpengler bez poezii // Novyj mir. 2004. № 10. S. 177–181.

Senderov V.A. Vulkan dymitsja // Novyj mir. 1994. № 5. S. 238–240.

Senderov V.A. Zakljast' sud'bu? Zlobodnevost' Osva'l'da Shpenglera // Novyj mir. 1999. № 11. S. 148–157.

Spengler O. Neubau des deutsches Reiches. München, 1924. 104 s.

Spengler O. Novye formy mirovoj politiki // Shpengler O. Politicheskie proizvedenija / per. s nem. V.V. Afanas'eva. M.: «Kanon +» ROII «Reabilitacija», 2009. S. 21–44.

Spengler O. Politische Schriften. München, 1933. 338 s.

Spengler O. Prussachestvo i socializm / per. s nem. G.D. Gurvicha. M.: Praxis, 2002. 240 s.

Svas'jan K.A. Osva'l'd Shpengler i ego revkviem po Zapadu // Shpengler O. Zakat Evropy. Oчерки morfologii mirovoj istorii. M.: Mysl', 1998. T. 1. S. 5–122.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Spengler O. Neubau des deutsches Reiches. München, 1924. 104 s.

Spengler O. Politische Schriften. München, 1933. 338 s.

Афанасьев В.В. Либеральное и консервативное // Шпенглер О. Политические произведения / пер. с нем. В.В. Афанасьева. М.: «Канон +» РОИИ «Реабилитация», 2009. С. 224–526.

Маханьков И.И. Мир – это дух // Шпенглер О. Закат Европы. М., 2004. Т. 1. С. 5–12.

Перцев А.В. Молодой Ясперс: рождение экзистенциализма из пены психиатрии. СПб.: изд-во РХГА, 2012. 340 с.

Перцев А.В. Незнакомый Ницше: психолог, остроумец и знаток женщин. СПб.: Владимир Даль, 2014. 543 с.

Перцев А.В. Фридрих Ницше у себя дома. СПб.: Владимир Даль, 2009. 480 с.

Руткевич А.М. Прусский социализм и консервативная революция // Шпенглер О. Пруссачество и социализм / пер. с нем. Г.Д. Гурвича. М.: Praxis, 2002. С. 187–228.

Сендеров В.А. Вулкан дымится // Новый мир. 1994. № 5. С. 238–240.

Сендеров В.А. Заключать судьбу? Злободневность Освальда Шпенглера // Новый мир. 1999. № 11. С. 148–157.

Сендеров В.А. Кризис современного консерватизма // Новый мир. 2007. № 1. С. 117–151.

Сендеров В.А. Освальд Шпенглер без поэзии // Новый мир. 2004. № 10. С. 177–181.

Свасьян К.А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. Т. 1. С. 5–122.

Шпенглер О. Новые формы мировой политики // Шпенглер О. Политические произведения / пер. с нем. В.В. Афанасьева. М.: «Канон +» РОИИ «Реабилитация», 2009. С. 21–44.

Шпенглер О. Пруссачество и социализм / пер. с нем. Г.Д. Гурвича. М.: Praxis, 2002. 240 с.

В.В. Дамье

Рец.: *Kellermann P. (Hrsg.)* Begegnungen feindlicher Brüder. Zum Verhältnis von Anarchismus und Marxismus in der Geschichte der sozialistischen Bewegung. Bde. 1, 2. Münster: UNRAST-Verlag, 2011–2012

Проблема взаимоотношений между анархизмом и марксизмом не нова. Еще итальянский анархист Луиджи Фаббри в начале XX века писал, что различия между анархизмом и марксизмом состоят не в конечной цели, а скорее в сфере пути к ней [Fabbrì, 1908: 559f]. Оба течения, утверждал Фаббри, разделяют одну и ту же перспективу свободного общества без классов и без государства, но имеют различные представления о методах его достижения. В то время как марксисты надеются прийти к этому с помощью завоевания политической власти и установления «революционного» и/или демократического политического режима, анархисты, напротив, отстаивают более прямой путь к свободе через непосредственную ликвидацию иерархических институтов и отношений. Таким был взгляд столетней давности.

С тех пор оба идейных направления в самых разных вариантах прошли через множество перипетий и исторических испытаний. Уже у «классического» марксизма отсутствовало более или менее ясное представление о переходе от существующего общества к будущему, коммунистическому, и это дало в свое время основание Мартину Буберу говорить о «послереволюционном» утопизме марксистов: «Той точкой, где у Маркса начинается утопизирован-

ная апокалиптика, которая превращает всю научно-экономическую “топию” в чистую утопию, является изменение всех вещей *после* социальной революции» [Buber, 1985: 35]. С дальнейшей социал-демократической и большевистской «индустриализацией» марксизма и превращением его в идеологию индустриально-капиталистической/государственно-капиталистической модернизации контуры будущего свободного самоуправления все больше растворялись в недостижимой дали, а вместо «отмирания» государства происходило его укрепление, тогда как анархизм все сильнее делал упор на «конкретизацию» утопии. Несмотря на эти нараставшие различия, между обоими течениями социализма не только имелись неоднократные случаи политического сотрудничества (в последующем вновь сменявшиеся новой враждой), но и возникали известные точки идейного пересечения. Именно им и посвящены два тома, выпущенные Филиппом Келлерманном в серии «Встреча враждующих братьев. Об отношении между анархизмом и марксизмом в истории социалистического движения».

19 статей, вошедших в оба тома этого сборника, достаточно различны и зачастую имеют разный научный уровень. Некоторые из авторов и сами прекрасно отдают себе отчет

в трудности стоящей перед ними задачи: оба комплекса идей слишком разнородны внутренне, чтобы сравнивать их как некое целое. То, что картина оказывалась гораздо сложнее, достаточно ясно иллюстрирует, например, Антье Шрупп в статье «“Женский вопрос” и социализм XIX столетия», демонстрируя, с одной стороны, различия между прудонистами и французскими коллективистами, а с другой, выявляя более прагматическое отношение со стороны Маркса или Бакунина: «... Бакунин и его сторонники имели в свое время куда меньше проблем с марксистами, чем с прудонистами. С исторической точки зрения, между прудонистскими “мютюалистами” и “коллективистами” (и коллективистками), как в целом именовали приверженцев Бакунина, существовали не столько связующие линии, сколько явная вражда. Та содержательная близость, о которой стали объявлять позднее и которая привела к созданию сверхпонятия “анархизм”, является всего лишь исторической проекцией в прошлое» (Т. I. С. 50). Это может показаться и преувеличением: ведь у прудонистской и бакунистской тенденций имелось и множество общих федералистских представлений, отличавших их от марксизма. Но верно и то, что сторонники Маркса и Бакунина в Первом Интернационале 1860-х гг. вместе отстаивали в полемике с прудонистами идеи забастовок и обобществления средств производства.

О проблемах социализма XIX века речь идет, однако, лишь в двух статьях, включенных в оба тома (исследователь Бакунина Вольфганг

Экхардт воспроизводит традиционный анархистский взгляд на конфликт между Марксом и Бакуниным в Первом Интернационале). Все остальные материалы посвящены самым разным темам из XX или даже XXI столетий. Речь идет, с одной стороны, о либертарных элементах в мышлении теоретиков и/или активистов, принадлежавших к марксистской традиции. Такие идеи можно обнаружить в критике государства Карлом Марксом (статья Карла Райттера)¹, в отрицании партий и парламентаризма, а также теории всеобщей стачки Жоржа Сореля (статья Филиппа Келлерманна), в волюнтаризме и теории гегемонии Антонио Грамши (статья Йенса Кастнера), в антипартийности «коммунизма рабочих Советов» (статья Герхарда Ханлозера), у Фрица Брупбахера и Франца Пфемферта (статья Филиппа Келлерманна), у Руди Дучке (статья Ханса Юргена Дегена), в постопераизме (статья Роберта Фолтина) и у Джона Холлоуэя (статья Филиппа Келлерманна). К этой группе примыкает и статья Кристофа Юнке о критике анархизма Вольфгангом Харихом.

Вторая группа публикаций анализирует, какое влияние марксизм и анархизм оказали на философскую мысль XX века. В ряде статей рассматривается творчество известных философов Альбера Камю и Жана-Поля Сартра (Лу Марен), Теодора Адорно (Хендрик Валлат), школы «радикальной философии»

¹ Сама постановка вопроса, впрочем, не нова: достаточно упомянуть хотя бы работу французского исследователя Маркса Максимилиана Рюбеля. См.: [Рюбель, 2006: 7–33].

(Хельке Вайнбах), Жака Рансьера (Ян Роллечек). О неомарксизме, анархизме и искусстве говорится в статье Йенса Кастнера.

Наконец, включены и два материала, касающиеся влияния марксизма на анархизм: о предполагаемом заимствовании марксистского понятия классов (Торстен Бевернитц) и продуктивизма (Майкл Сейдман) в анархо-синдикализме.

Большинство статей в двухтомнике не вызывают у меня как исследователя каких-либо серьезных возражений в том, что касается авторских выводов. Некоторые акценты можно было бы, вероятно, расставить иначе, но это, разумеется, целиком право самих авторов. Тем не менее, есть вещи, которые, на мой взгляд, непременно следует оговорить или даже оспорить.

Так, Торстен Бевернитц вполне справедливо отмечает, что анархо-синдикалисты использовали «марксистские» понятия классов и классовой борьбы. Но это еще не означает, что эти понятия одинаково трактуются в марксизме и анархо-синдикализме. К примеру, анархо-синдикалисты никогда не понимали «пролетариат» прежде всего как класс промышленных рабочих или «материальных производителей» (в отличие от многих марксистов, как минимум, вплоть до второй половины XX столетия) [см., например: Besnard, 1978: 28]. Классовая борьба воспринималась в либертарных кругах не как решающая движущая сила прогрессивного развития человечества, а как необходимое сопротивление угнетенных и экс-

плуатируемых вплоть до социального освобождения. И освобождению подлежали не только рабочие, но все люди; просто анархисты полагали, что эксплуатируемые более склонны к борьбе против господствующих отношений, и поэтому им принадлежит в этой борьбе решающая роль. В соответствии с этим, цель революции состоит не в установлении новой классовой власти, а в ликвидации всяких классов вообще. Некоторые анархисты и анархо-синдикалисты, особенно до окончательного разрыва с иллюзиями в отношении большевизма в начале 1920-х гг.², действительно говорили о «диктатуре пролетариата», но они понимали ее как революционное насилие, а не как систему государственной организации.

Куда больше возражений может вызвать статья, посвященная Сорелю. У сторонников Маркса и Ленина принято называть этого французского теоретика синдикализма «анархо-синдикалистом». Филипп Келлерманн также полагает, что взгляды Сореля на антипарламентаризм, прямое действие и всеобщую стачку являются скорее «анархистскими», чем «марксистскими». Однако большинство либертарных исследователей отвергают подобную характеристику, причем вполне обоснованно: хотя поверхностное сходство неоспоримо (что в свое время и придало Сорелю популярность в синдикалистских кругах), в содержательном отношении существуют принципиальные расхождения. Неоднократно отмечалось, что

² Подробнее об этом см.: [Дамье, 2010: 61–75].

в основе концепций Сореля лежало его представление о животворной роли насилия, и это превращало насилие в известной мере в самоцель, а позднее привело самого Сореля к сближению с правыми радикалами. В анархизме и анархо-синдикализме применение насильственных методов строжайшим образом подчинено нормам либертарной этики, а целью является свободное общество, без насилия человека над человеком [см. Plaža, 1954; Wagner, 1990: 32–33; и др.]. К тому же следует помнить о том, что Сорель считал всеобщую стачку скорее «мобилизирующим мифом», нежели реальной возможностью.

Наконец, следует высказать несколько критических замечаний в адрес статьи Майкла Сейдмана об анархистах и марксистах, которые, по его мнению, как в Российской, так и в Испанской революции выступили «против рабочих» (как «продуктивисты», стремящиеся к увеличению производства любой ценой и принуждавшие трудящихся, вопреки их воле, больше и интенсивнее работать «ради революционных целей»). Из-за своих нестандартных позиций Сейдман уже некоторое время считается в международных кругах историков своего рода "enfant terrible". Его упрекают за слишком статичный, поверхностный и недостаточно дифференцированный взгляд на исследуемые явления [см., например: Graham, 2003]. Подход и выводы этого автора достаточно сильно подчинены его политическим симпатиям и его пониманию истории в целом. Поскольку Сейдман, со всей очевидностью, полагает, что ни в России,

ни в Испании настоящая социалистическая (социальная) революция не «созрела», то «нормальное» капиталистическое развитие в обеих странах видится ему более естественным и благоприятным для «эгоистически» действующих людей. Это он и пытается доказывать. Что же касается его статьи в сборнике, то, собственно говоря, остается неясным: то ли автор считает, что в революционном обществе в состоянии войны вообще не могут возникнуть задачи увеличения производства, то ли он убежден, что, например, в Испании в 1936–1939 гг. сопротивление работников направлялось «против труда» как такового, а отнюдь не против бюрократизации и оппортунистической социальной политики руководящих комитетов НКТ-ФАИ. Ведь, по мнению Сейдмана, никакой революции в Испании и не было, а «враждебность против труда» нормальна «при капитализме».

В рабочем социалистическом движении с конца XIX века действительно распространялось представление о социализме как сверхиндустриализованном обществе-фабрике, в конечном счете возобладавшем в марксистском мейнстриме [Kurz, 1999]. Но Сейдман полностью игнорирует тот факт, что такие взгляды оспаривались в международном (в том числе, испанском) анархо-синдикалистском движении. Лишь часть его восприняла подобную ориентацию (преимущественно от французского революционного синдикализма периода до Первой мировой войны); другие же выступали с резкой критикой индустриально-капиталистической «рационализации» и предосте-

регали (подобно немецкому анархо-синдикалисту Рудольфу Роккеру или анархистскому профобъединению ФОРА – Аргентинской региональной рабочей федерации), что в случае дальнейшего развития указанных тенденций действительно освободительная социальная революция станет попросту невозможной³.

Подводя итоги, стоит сказать, что круг объектов для исследования в обоих томах нельзя считать исчерпанным в плане раскрытия центральной темы сборника. Легко указать на множество видных фигур и идейных направлений, которые не нашли в них своего отражения. Можно говорить и о сильном «евроцентристском» крене материалов. Отсутствуют, например, такие важные страницы истории взаимоотношений между «враждующими братьями», как, скажем, феномен «анархо-большевизма» (в России, Латинской Америке и др.), марксистские и анархистские элементы в раннем движении киббуцев в Палестине⁴, либертарная критика марксистской веры в прогресс и господства техники в Франкфуртской школе или у Вальтера Бенямина и т.д. Но поскольку мы имеем дело не с монографией, а со сборником, который задуман как долгосрочный проект, мы можем, собственно, воздержаться о подобного рода упреков. Будем надеяться на то, что эти

упущения будут в будущем компенсированы.

REFERENCES

Besnard P. Les Syndicats ouvriers et la Révolution sociale. S. 1., 1978.

Buber M. Pfade in Utopia. Über Gemeinschaft und deren Verwirklichung. Heidelberg: Verlag Lambert Schneider, 1985.

Damier V.V. Idei Kropotkina i mezhdunarodnoe anarhistskoe dvizhenie v 1920–30-h gg. // Petr Alekseevich Kropotkin. M.: ROSSPJeN, 2012.

Damier V.V. Istorija anarho-sindikalizma. Kratkij ocherk. M.: «LIBROKOM», 2010.

Fabbri L. Die historischen und sachlichen Zusammenhänge zwischen Marxismus und Anarchismus // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. XXVI. Jg. 1908.

Graham H. Review of “Republic of Egos. A social history of Spanish Civil War” by Michael Seidman // Journal of Spanish Cultural Studies. 2003. Vol. 4.

Kurz R. Schwarzbuch des Kapitalismus. Frankfurt a. M., 1999.

Plaja H. El sindicalismo según sus influencias. S. n., 1954;

Rjubel' M. Marks – teoretik anarhizma // M. Rjubel'. Marks protiv marksizma. M.: NPC «Praksis», 2006.

Wagner G. Robert Michels und das Eherne Gesetz der Oligarchie // “Wer wählt, hat die eigene Stimme bereits abgegeben!” Zur Kritik der parlamentarischen Demokratie. (Sondernummer der “Graswurzelrevolution”. Nr. 146/47/48). Köln, 1990.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Besnard P. Les Syndicats ouvriers et la Révolution sociale. S. 1., 1978.

Buber M. Pfade in Utopia. Über Gemeinschaft und deren Verwirklichung. Heidelberg: Verlag Lambert Schneider, 1985.

³ Подробнее см.: [Дамье, 2012: 266–299].

⁴ О либертарных элементах в движении киббуцев см.: Stanley Maron. L'alternativa die kibbutz // Volontà. 1990. No. 1-2; Yacov Oved. Anarchism in the kibbutz movement // Kibbutz Trends. 2000. Summer. No. 2000; James Horrox. A living revolution: Anarchism in the kibbutz movement (2009); usw.

Fabrizi L. Die historischen und sachlichen Zusammenhänge zwischen Marxismus und Anarchismus // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. XXVI. Jg. 1908.

Graham H. Review of "Republic of Egos. A social history of Spanish Civil War" by Michael Seidman // Journal of Spanish Cultural Studies. 2003. Vol. 4.

Kurz R. Schwarzbuch des Kapitalismus. Frankfurt a. M., 1999.

Plaja H. El sindicalismo según sus influencias. S. n., 1954;

Wagner G. Robert Michels und das Eherne Gesetz der Oligarchie // "Wer wählt, hat

die eigene Stimme bereits abgegeben!" Zur Kritik der parlamentarischen Demokratie. (Sondernummer der "Graswurzelrevolution". Nr. 146/47/48). Köln, 1990.

Дамье В.В. Идеи Кропоткина и международное анархистское движение в 1920–30-х гг. // Петр Алексеевич Кропоткин. М.: РОССПЭН, 2012.

Дамье В.В. История анархо-синдикализма. Краткий очерк. М.: «ЛИБРОКОМ», 2010.

Рюбель М. Маркс – теоретик анархизма // М. Рюбель. Маркс против марксизма. М.: НПЦ «Праксис», 2006.

К. Фрумкин

ПРОГНОЗ БЕЗ УЧЕТА ЭКОНОМИКИ

Рец.: Есть ли будущее у капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.

Сборник, в который вошли работы всемирно известных исторических социологов Иммануила Валлерстайна, Рендалла Коллинза, Майкла Манна, Крэга Калхуна и примкнувшего к мировым знаменитостям Георгия Дергуляна, который, по-видимому, является инициатором и редактором сборника, также возвращает российской общественной мысли тему, которая была любима ей в течение долгих лет господства марксистской доктрины, а сегодня остается без сколько-нибудь внятного концептуального освещения, — тему общественных формаций и их чередования в развитии человечества (Владислав Иноземцев недавно указал, что термин «Общественно-экономическая формация» был изобретен в советское время, а Маркс говорил именно об общественных формациях¹). Еще в сравнительно недавнем прошлом почти трюизмом общественной мысли было утверждение, что на место капитализма идет социализм. Разумеется, эта мысль никогда не была общепринятой, но все таки достаточно популярной и распространенной, чтобы умнейшие люди мира — такие как Бернард Шоу или Сартр — считали, что в ней содержится некая важная истина.

Крушение мировой социалистической системы заставило многих усомниться, многие стали стесняться термина «социализм» — но вопрос о том, что же будет после капитализма, встал, пожалуй, еще острее.

Вопрос этот стоит просто потому, что в этом мире нет ничего вечного, и тем более не стоит считать вечным общественный строй, который и сформировался-то в лучшем случае лишь несколько веков назад — при том, что общественное развитие идет все быстрее. Правда, сегодня капитализм кажется окончательно торжествующим, альтернативы ему не видно — но тем интереснее узнать, что же последует за социальной системой, которая сегодня выглядит безальтернативной. Хотя советская идеология дискредитирована, она оставила нам в качестве неискоренимого наследства формационное отношение к истории, мы привыкли мыслить эпохами, сменяющимися одна другую, постиндустриальное общество идет на смену индустриальному, и даже цивилизации у сторонников Л.Н. Гумлева и О. Шпенглера приходят к упадку — а значит, любая социальная реальность должна быть закономерным образом заменена чем-то новым. Но чем?

¹ Иноземцев В. Безответный вопрос. <http://snob.ru/profile/25538/print/93350?v=1436872387>

К сожалению, ответа на этот вопрос авторы сборника не дают и, более того, превентивно в послесловии делают выговор предполагаемому читателю, который стал бы ожидать от авторов прогноза. Причины этого вполне понятны: авторы указывают на сложность анализируемых явлений и их зависимость от принимаемых людьми решений. Однако есть еще одна важная проблема, которая делает анализ, демонстрируемый авторами сборника, менее мощным, чем он мог бы быть: исторические социологи интересуются в первую очередь политическими аспектами мировой динамики и очень мало уделяют внимания трансформации технологических и экономических структур — в то время как именно в этой области и надо искать судьбу капитализма.

Впрочем, все зависит от самого определения капитализма. Мы, привыкшие к марксистским и околомарксистским экономикоцентристским интерпретациям, усвоили, что капитализм можно определить как экономическую систему, базирующуюся на трех «столпах»: частной собственности на средства производства, наемном труде и рынке — это определение хорошо тем, что одинаково приложимо и к XVII веку и к XX. Два первых элемента этой триады можно считать одним, поскольку о наемном труде стоит говорить лишь при условии, что в качестве нанимателя выступает собственник на средства производства. Оксфордский философский словарь определяет капитализм как «современную, базирующуюся на рынке экономическую систему

производства товаров, контролируемую «капиталом», то есть стоимостью, используемой для найма рабочих». Однако авторы сборника в предисловии отвергают эти определения как характерные для либералов (хотя для марксистов они характерны в еще большей степени) и говорят, что специфический облик капитализма определяется еще и соответствующими политическими институтами. Однако именно их будущее прогнозировать особенно сложно.

Имануил Валлерстайн в своей статье «Структурный кризис или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным» руководствуется двумя концептами: кондратьевскими циклами и циклами гегемонии — когда в капиталистическом мире господствует сначала одна, а потом другая страна-гегемон. Правда, вопреки всякому здравому смыслу, для того, чтобы выстроить эту концепцию, Валерстайну приходится объявлять одной из таких стран-гегемонов Нидерланды, хотя трудно понять, как Нидерланды — действительно передовая страна XVII века — «доминировала» над куда более могущественными Францией, Испанией и т. д. Теория кондратьевских циклов позволяет прогнозировать кризисы — экономические и политические, а теория стран гегемонов позволяет прогнозировать постепенный уход США с роли гегемона. Хотя и то другое достаточно очевидно, никакой прогностической теории для констатации этих фактов не требуется, Майкл Манн тут же на страницах сборника объясняет, что теория Валлерстайна очень слабо соответ-

ствуем фактам. Предсказания Валлерстайна патетичны и неконкретны. Последняя главка его статьи называется: «Структурный кризис приблизительно с 1970 года до...» — то есть сроки оказываются не определенными. Завершает свою статью Валлерстайн тем, что современная мировая система не может продолжаться, потому что она слишком отклонилась от равновесия, происходит «борьба за систему наследника», исход этой борьбы непредсказуем, но в результате «в грядущие десятилетия установится основанная разумно устойчивая мировая система (или ряд мировых систем)». Поможет ли такой прогноз понять происходящее — судите сами.

Любопытный методический прием Валлерстайна — найти любые причину и следствие (А влечет Б) и объявить, что мировая элита специально устроила А, чтобы добиться Б. Впрочем, главная мысль Валлерстайна заключается в том, что производственные затраты на компенсацию экологического ущерба, на доступ к становящимся дефицитными исчерпаемые ресурсы, на инфраструктуру и на различные социальные расходы растут так быстро, что скоро капиталисты не смогут накапливать прибыли. Но поскольку это заявление не подкреплено цифрами, это общегуманитарное соображение представляется сомнительным. Все проблемы, включая проблему исчерпаемости ресурсов, сегодня как-то пытаются решить, нефть заменяют солнечной энергетикой, и надо еще доказать, что данные издержки действительно являются смертельными для капитализма — тем более, скажем,

что у капиталистических государств есть богатый опыт субсидирования энергетики вообще и новой энергетики в особенности. Прибыль при капитализме может быть, если есть экономический рост — поскольку экономический рост страны складывается из роста отдельных предприятий и других экономических субъектов. Поскольку человечество в целом и большинство стран каждая в отдельности пока не собираются стагнировать, поскольку никто, включая самого Валлерстайна, пока не предсказывает нулевого или отрицательного роста, предсказание исчезновения прибыли кажется безответственным, а снижение нормы прибыли — если бы оно даже и наблюдалось — не убивает капитализм, а только делает его более чувствительным к малейшим различиям прибыльности.

Статья Рендалла Коллинза — пожалуй, самая интересная в сборнике — посвящена одному узкому вопросу, что роботы и компьютеры украдут рабочие места у среднего класса и безработица достигнет 50 % населения. Вопрос действительно серьезный, но требует более специального и профессионального рассмотрения: для его анализа требуется изучать статистику занятости и ее динамику, требуется изучать всевозможные «атласы будущих профессий» — вместо этого Коллинз начинает умозрительно рассматривать первые попавшиеся возможности: сможет ли оставшаяся без работы половина населения стать финансовыми инвесторами? Нет. Сможет ли она заняться программированием и обслуживанием компьютеров? Нет. Майкл Манн

также критикует Коллинза за игнорирование реальной статистики — но сам почему-то «с потолка» дает собственный прогноз глобальной безработицы, снижая его с коллинзовских 50 % до 30 %. Но главный посыл Коллинза политический. 50 % безработного населения не будут терпеть сделавшую их изгоями систему и установят «перераспределительный» фашистский режим — и вот этот прогноз кажется необязательным. Прежде всего, фашизм и, говоря шире, режим перераспределения стратегически не может спасти от технологической структурной безработицы. Он может субсидировать убыточные отрасли и профессии, может выплачивать пособия для безработицы — но для перераспределения бюджета и выплаты пособий фашизм не нужен, достаточно просто продвинутой социальной политики.

Главная мысль статьи Майкла Манна заключается в том, что капитализм стоит перед двумя главными опасностями — войны и экологического кризиса, но, во-первых, как признает сам Манн, эти опасности не относятся к существованию капитализма, а во-вторых, преодоление их зависит от коллективных действий человечества, а значит — резюмирует автор — предсказать, что произойдет в реальности, невозможно.

Георгий Дерлугьян вообще решил ничего не говорить по теме сборника, а обратился к прошлому — решил объяснить, что такое был советский коммунизм и коммунизм вообще. Поскольку по этому вопросу сказано уже не просто очень много, а безумно много, ничего нового

Дерлугьяну сказать не удалось, хотя его мысли вполне отражают тот набор идей, который сложился относительно проблемы коммунизма в российской философской публицистике — что СССР был «в высшей степени государством модерна», что «коммунистические режимы никогда полностью не выходили из капиталистической миросистемы» (мысль Валлерстайна), что Берия воплощал собой шанс на рыночную трансформацию СССР в китайском стиле (жаль, нельзя проверить), что перестройка была программой превращения номенклатуры в менеджеров-технократов, и завершается статья предсказанием, что хотя коммунизм не может возродиться, но в центре внимания будущих глобальных баталий будет общественный контроль над частными корпорациями — и остается только пожалеть, что лучшие «левые» умы современности пока не придумали в сфере производства ничего лучше, умнее и новее, чем общественный контроль. Прогноз этот столь же безупречный, сколь бессодержательный — какой-то общественный контроль существовал всегда, существует он и сегодня, и наверное будет существовать завтра, жаль что мы не знаем — какой. Важнее, впрочем, вопрос, будут ли существовать сами частные корпорации.

Статья Крэга Калхуна вообще не оставляет сколько-нибудь определенного впечатления — в ней много резонных и здравых рассуждений о всех без исключения важных проблемах современного мира, и общий вывод тот, что вот есть системные вызовы, но пока не ясно, как на них будут отвечать.

По крайней мере, стоит отдать должное авторам сборника — они честно признались, что предсказать будущее не в их силах. Однако хотелось бы повторить мысль, высказанную в начале, — что, как раз следуя заветам Маркса, благодаря

которому мы сегодня обсуждаем проблему капитализма и формаций вообще, для решения этого вопроса следовало бы в первую очередь обращать внимание на эволюцию технологий и экономических институтов.

Д.И. Рублев

АНАРХИЗМ В БЕЛАРУСИ

Рец.: Глушаков Ю.Э. «Революция умерла! Да здравствует революция!» Анархизм в Беларуси (1902–1927). СПб.: ШСС, 2015

Региональный аспект истории анархистского движения в Российской империи начала XX вв. вызывает закономерный интерес исследователей. Монография Юрия Эдуардовича Глушакова раскрывает тему становления и развития анархистских организаций на территории Беларуси в первой трети XX в. Хронологические рамки и структура исследования заданы в соответствии с динамикой движения анархистов, от их зарождения в 1902–1903 гг. и вплоть до ликвидации анархистского подполья силами советских спецслужб в конце 1920-х гг. В своем исследовании автор не ограничивается современными границами Беларуси и устанавливает географический ареал исследования в соответствии с реалиями того времени — границами Северо-Западного края России. Так, отдельно рассматривается история анархистского движения в Белостоке, в начале XX в. входившего в состав Гродненской губернии и по праву считавшегося, наряду с Одессой и Екатеринославом, одним из центров анархистского движения Рос-

сии. Значительное внимание автор уделяет деятельности анархистов в Литве и Польше. В монографии исследуется также деятельность леворадикальных течений, идейно близких анархизму (махаевцев и эсеров-максималистов). В книге рассматриваются и антиэтатистские элементы в идеологии белорусских эсеров.

Источниковую базу исследования составляют, прежде всего, документы из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского Государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (РО РГБ), Национального исторического архива Беларуси (НИАБ), Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Государственного архива Гомельской области (ГАГО), Государственного архива общественных объединений Гомельской области (ГАООГО), Архива Управления КГБ по Гомельской области, фондов Гомельского краеведческого музея. Большое

значение для исследования деятельности анархистов в период Гражданской войны и НЭПа имеют ранее неизвестные исследователям архивно-следственные дела анархистов в 1920–1930-е гг.

Зарождение анархистского движения в Северо-Западном крае Глушаков связывает с реакцией рабочего класса и крестьянства на процессы индустриальной модернизации, протекавшие в Российской империи во II половине XIX – начале XX вв. В результате этого процесса городские рабочие «демонстрировали высокую социальную активность и мобильность», вместе с тем испытывая достаточно жесткую эксплуатацию [Глушаков, 2015: 6]. При этом городские рабочие, вчерашние крестьяне, сохраняли приверженность общинно-коллективистским традициям, значительно укрепившимся в деревне благодаря реформам 1860-х гг. Большое значение в книге придается таким факторам «катализации» общественного брожения, как дискриминация на конфессиональной и языковой почве, отсутствие политических свобод, сословная регламентация всех сторон жизни, неравноправное положение женщин.

С 1870-х гг. на территории Беларуси появились кружки сторонников идей анархизма, участвовавших в революционно-народническом движении. Первый этап развития анархистского движения на территории Беларуси в начале XX в. Глушаков закономерно связывает с деятельностью образованной в Белостоке Интернациональной группы анархистов-коммунистов «Борьба»

(1902–1904 гг.). По мнению автора, это была первая организация анархистов, возникшая в указанный период на территории Российской империи.

Анархистское движение на территории Северо-Западного края с его многонациональным населением имело интернациональный характер. В нем участвовали евреи, русские, поляки, белорусы, украинцы. При этом преобладающим в 1900-е гг. был еврейский элемент. На различных языках (русском, идиш, польском) издавалась пропагандистская литература. Социальной базой анархистских организаций Северо-Западного края были преимущественно рабочие легкой промышленности, кустари, безработные, частично – студенты и представители интеллигенции. При этом Ю.Э. Глушаков причисляет к числу сторонников анархистов в Белостоке «мелкую буржуазию», произвольно толкуя понятие «мелкой трудовой массы», упоминаемое в воспоминаниях И.С. Гроссмана-Рощина. И все же под этим термином, скорее всего, подразумевали кустарей-одиночек, работавших на дому, выполняя заказ крупных производителей. Формально не являясь наемными работниками, они находились в полной зависимости от крупных предпринимателей и по уровню доходов, продолжительности рабочего дня и уровню эксплуатации мало отличались от промышленных рабочих. «Механические сапожники», кустари, под руководством группы анархистов-коммунистов организовавшие в 1906 г. забастовку в Варшаве, даже требовали от работодателей открыть мастер-

ские, переведя их в разряд обычных рабочих¹.

Период подъема политического влияния анархистов приходится на период Первой российской революции 1905–1907 гг. В это время анархистские организации появляются во многих городах и местечках региона. Рост влияния анархистов был не только следствием «недостатков» в деятельности социал-демократов и эсеров, таких как «склонность к компромиссам с буржуазией, догматизм, централизм и засилье интеллигенции в партийных комитетах» [Глушаков, 2015: 93]. Симпатии молодых рабочих вызывали свойственные для анархистских организаций демократизм в принятии решений, боевая тактика и романтические идеалы анархического коммунизма. В это же время появляются новые течения в анархистском движении — «чернознаменцы», «безначальцы», анархисты-синдикалисты. Заслуживает внимания данная Глушаковым характеристика идейно-теоретических установок анархистов-коммунистов «безначальцев», относимых им к анархо-индивидуалистическому течению. Однако эта интересная и небезосновательная, на наш взгляд, гипотеза, к которой автор трижды обращается на протяжении своей книги, остается весьма слабо аргументированной.

Целый ряд положений данной работы вызывает закономерные возражения с нашей стороны. Прежде всего, это касается попытки про-

тивопоставить идеологию течения анархистов-коммунистов «хлебовольцев» «бунтарским» и «террористическим» тенденциям белостокской группы «Борьба». Между тем, работы теоретиков «хлебовольческого» течения, например, Г.И. Гогелиа, показывают, что противопоставление это искусственно. Так, в цикле статей «К характеристике нашей тактики» (1903–1904 гг.) он признавал широкий спектр методов борьбы в защиту социально-экономических интересов трудящихся. Среди них организация забастовок, бунтов, актов саботажа, фабрично-заводского и аграрного террора, экспроприаций в пользу забастовщиков собственности государства и капиталистов [Хлеб и воля: 38, 64–65]. Гогелиа признавал террор как «средство самозащиты угнетенных против угнетателей» [Хлеб и воля: 24], как ответ на репрессии правительства и представителей буржуазии против участников революционного, рабочего и крестьянского движений. Признавал он также «агитационное» и «педагогическое» значение террористических актов как средства воспитания революционных настроений в массах. Их целью должно было стать «изъятие из обращения» «особенно жестоких и “талантливых” представителей реакции», проявивших себя выразителями «интересов капитала и власти имущих». Признавались допустимыми акты, осуществляемые как индивидами, так и массами восставших. Террор должен был принять «децентрализованный», «разлитой» характер, то есть осуществляться по собственной инициативе автономными группами на местах [Хлеб и воля, 25–31].

¹ См., например: ЦГА СПб. Ф. Р-506. Оп. 1. Д. 413. Л. 10.

Кроме того, Юрий Глушаков утверждает, что среди революционных течений России «чернознаменцы» «были почти единственными, кто провозглашал своей непосредственной целью коммунизм» [Хлеб и воля: 32]. Однако в изданиях российских анархистов-коммунистов на тот момент практически не высказывались идеи «переходного периода», в рамках которого сохранялись бы элементы рыночных отношений и этикетская модель в системе управления обществом. Анархисты-коммунисты «хлебовольцы», «безначальцы» и анархисты-синдикалисты выступали за непосредственный переход к анархо-коммунистическим отношениям.

В монографии подробно проанализированы различные направления деятельности анархистов в период Первой российской революции. Прежде всего, это участие в стачечной борьбе рабочих, покушения на представителей власти, акты фабрично-заводского террора и саботажа на предприятиях, экспроприации. Вызывает интерес изложение истории деятельности Совета рабочих депутатов Белостока, находившегося под влиянием анархистов и эсеров-максималистов. Акцентируя внимание на экономических требованиях, анархисты подкрепляли свою связь с рабочими организацией и поддержкой стачек и проведением экспроприаций. Это вело к конфронтации с другими социалистическими партиями, рассматривавшими действия анархистов «как экстремистские, ведущие к преждевременному разрыву союза с буржуазией в ходе общенациональной борьбы за демокра-

тию» [Хлеб и воля: 23]. Лишь среди эсеров выделилось максималистское течение, отвергавшее борьбу за демократизацию политического строя, предлагая взамен нее бороться непосредственно за социалистический общественный строй. Белосток в это время становится одним из центров максимализма в России. Делая ставку на организацию защиты бастующих от репрессий властей и давления работодателей, анархисты зачастую рассматривались рабочими, как орудие скорой победы в стачке. Экспроприации же привлекали любителей легкой наживы. Весьма ярко охарактеризовал эту ситуацию теоретик анархо-синдикализма Я.И. Новомирский (Кирилловский): «Мы не старались поднять народ до высоты нашего идеала, а понижали свое учение до самых низменных интересов массы... Этот немного упрощенный “анархизм” оказался очень удобным некоторым рабочим, босякам и бедным крестьянам, которые и без нас “точили зубы” на капиталистов, и вот нахлынул мутный поток экспроприаций, в котором потонули последние остатки нашего идеализма» [из: Буревестник, 1909: 23]. Наиболее существенным фактором, приведшим анархистское движение России к поражению во время революции 1905–1907 гг., Ю.Э. Глушаков считает увлечение террором, что «привело к обескровливанию движения и его резкому спаду» [Глушаков, 20015: 4]. Сосредоточение на терроре и экспроприациях негативно сказалось на жизнеспособности анархистского движения, которое не смогло создать устойчивые легальные структуры, которые могли бы обеспечить ориентирован-

ную на долговременную перспективу культурно-просветительскую и пропагандистскую деятельность среди рабочих.

В итоге рост популярности анархистских идей не привел к установлению устойчивого влияния анархистов на широкие слои рабочего класса. Среди «чернознаменцев» в 1905–1906 гг. выделилась фракция «коммунаров», призывавшая к организации восстаний в целях провозглашения коммуны и строительства анархо-коммунистических отношений в Белостоке или Екатеринославе. Эти планы, однако, не были осуществлены, как вследствие действий властей по разгрому сторонников анархистского движения, так и ограниченности материальных средств и влияния анархистов. Среди других факторов поражения анархистов Ю. Глушаков указывает на разочарование трудящихся в политических итогах революции, репрессии и провокаторскую деятельность агентов полиции по разложению революционных организаций. Массовые аресты участников движения в Северо-Западном крае приходятся на 1906–1907 гг.

Период 1907–1917 гг. характеризуется Глушаковым как «отступление» анархистского движения, спад его активности, постепенное сокращение численности и регионального распространения. Если в первые годы состав анархистских групп расширялся за счет бывших активистов социалистических партий, вскоре их сменили полууголовные «комбинаторы», чаще всего прикрывавшиеся анархистскими лозунгами для совершения грабежей с це-

лью обогащения. «Идейное ядро» движения, напротив, постепенно сужалось вследствие карательных действий властей. В этот период анархисты по инерции пытались действовать прежними методами, рассчитывая на дальнейшее развитие революции. В определенной мере это объяснялось утратой надежд на эффективность парламентаризма со стороны значительной части трудящихся в связи с роспуском I и II Государственных дум. Весьма характерной для этого периода является деятельность группы «лесных» братьев А.И. Савицкого, действовавшей на Гомельщине в 1907–1909 гг., практиковавшей акты террора и экспроприации.

Новый подъем анархистского движения в Беларуси происходит в годы Второй Российской революции (1917–1921 гг.). Летом – осенью 1917 г. анархисты все время вели интернационалистскую агитацию среди солдат и даже возглавили их восстание в Гомеле 18 сентября 1917 г. В 1917–1918 гг., как и в других регионах бывшей Российской империи, они действовали в рамках «единого революционного фронта», совместно с большевиками, максималистами, левыми эсерами, меньшевиками-интернационалистами. После Октябрьского переворота 1917 г. представители анархистских организаций заняли руководящие посты в исполкомах Советов, революционных комитетах, профсоюзах, командовали красногвардейскими и повстанческими отрядами. В условиях германско-гетманской оккупации части территорий Беларуси в 1918 г. анархисты были среди организаторов партизанской и под-

польной борьбы. Разбирает Юрий Глушаков и тему разоружения анархистских отрядов весной 1918 г. При этом он воспроизводит распространённую в советское время и повторяемую некоторыми современными авторами версию о заговоре белогвардейцев, внедрившихся в анархистские отряды в Москве, и о засилии бандитских элементов в анархистских отрядах. Однако сколько-либо убедительных фактов, подтверждающих эту концепцию, в книге не приводится. К тому же, воспроизводя большевистскую версию, он не приводит точку зрения анархистов на сей счет.

Заслуживает внимания представленный автором анализ феномена «анархо-большевизма». На примере ряда анархистов он показывает, что среди мотивов вступления многих из них в РКП(б) было не столько разочарование в анархистских идеалах, сколько ожидание дальнейшей эволюции большевистской диктатуры в сторону строя «вольных Советов». На многочисленных примерах в книге проиллюстрированы репрессии большевистских властей против анархистов в годы Гражданской войны. В этот период большинство из них продолжало придерживаться стратегии «единого революционного фронта». Юрий Глушаков объясняет их позицию тем, что Беларусь постоянно находилась под ударом интервентов (войск Германии, Польши, формирований украинских государственных образований), белогвардейских войск С. Булак-Балаховича и Б. Савинкова. Свообразным очагом анархистских настроений в Красной Армии на территории

Беларуси долгое время оставалась Днепровская Военная флотилия, базировавшаяся в Гомеле. В 1920–1921 гг. ее матросы активно протестовали против политики военного коммунизма и даже разогнали отряд ЧОН, производивший конфискации продуктов в Гомеле. Флотилия была расформирована в 1921 г. из опасений повторения в Гомеле кронштадтских событий. На 1921 г. приходится рост оппозиционной деятельности среди анархистов, недовольных расправой большевиков с кронштадтскими повстанцами. Анархисты в этот период выпускают листовки, участвуют в забастовках на ряде заводов. В это же время среди организаций РКП(б) в Беларуси появляются сторонники «Рабочей оппозиции», традиционно определявшейся партийным руководством как «синдикалистский уклон».

Автор не скрывает своих симпатий к большевикам, что периодически проявляется в апологетических и оправдательных высказываниях по отношению к проводимой ими репрессивной политике и однопартийной диктатуре. Так, Ю. Глушаков повторяет широко распространённое самими большевиками и анархо-большевиками в 1920-е годы объяснение, ссылаясь на «логику гражданской войны», которая «всем навязывала свою жесткую волю» [Глушаков, 2015: 114]. Отметим, однако, что такого рода репрессивная политика и установление однопартийных политических режимов не является обязательной характеристикой всех, известных в Новейшей истории, гражданских войн. Поэтому достаточно наивно

следовать в оценках за участниками событий, не учитывая характерные для большевиков идеологию и менталитет. При этом сам автор указывает на исключительно мирный характер борьбы анархистов, которые продолжали придерживаться тактики «единого революционного фронта» с большевиками [Глушаков, 2015: 120].

Эпоха НЭПа (1921–1927 гг.) подводит черту под историей анархистского движения. В начале этого периода усиливается оппозиционная деятельность со стороны анархистов, являвшихся противниками «чекистского капитализма» и выступавших за переход к анархокоммунистическим отношениям. Несбывшиеся надежды на демократизацию политического строя и дальнейшее развитие общественного самоуправления вызвали рост оппозиционных настроений среди анархистов. В сочетании с возросшими репрессиями против представителей любой политической оппозиции и социальными противоречиями НЭПа, эти обстоятельства привели к росту их оппозиционной активности. Из РКП(б) выходит ряд вступивших в нее ранее бывших приверженцев безвластия. Численность анархистских организаций в это время оставалась значительной. Лишь по данным на 1922 г. в Гомельской губернии проживало 930 анархистов [Глушаков, 2015: 137]. В это же время в движение приходит новое поколение анархистов – студентов, учащихся и молодых рабочих. Глава, посвященная новой генерации участников анархистского движения, основана как на опубликованных, так и впервые

вводимых исследователями в научный оборот документов ОГПУ. В Беларуси анархисты пытались вести пропагандистскую работу среди крестьян, промышленных рабочих, учителей, учащихся, студентов, выдвигая актуальные в то время социально-политические лозунги: независимость кооперации, создание крестьянских союзов, повышение заработной платы рабочих, противодействие политическим репрессиям, свободу слова. По мнению автора, репрессии властей, а также политика «развернутого строительства социалистического общества», направленная на вытеснение «капиталистических отношений», сделали пропаганду анархистов неактуальной, приведя к разгрому движения. Все же весьма спорным является утверждение Глушакова о неактуальности забастовок и протестных акций на советских предприятиях, что было, по его мнению, обусловлено негласным «социальным пактом» между рабочим классом и советским государством. Между тем, забастовки в советском обществе имели место и в последующие годы, хотя и в гораздо менее широких масштабах, нежели в годы НЭПа. Главную роль в подавлении протестных настроений сыграли как репрессии, установление системы всеобъемлющего контроля государства над различными сторонами жизни общества, так и использование показательных процессов над «вредителями» в качестве громотвода для снятия социального напряжения. Вызывает справедливое сомнение и утверждение автора о том, что полицейские преследования «при царизме» носили «куда более жесткий характер» по сравне-

нию с советской эпохой [Глушаков, 2015: 155].

Монография Юрия Глушакова представляет собой ценный вклад в изучение истории общественно-политических движений в Белоруссии. Несомненно, эта книга будет востребована историками, политологами и всеми, кто интересуется политической историей. Вместе с тем, многие вопросы, затронутые автором, можно считать дискуссионными и требующими дополнительного изучения.

REFERENCES

Glushakov Ju. Je. «Revoljucija umerla! Da zdravstvuet revoljucija!» *Anarhizm v Belarusi (1902–1927)*. SPb. ShSS. 2015.

Хлеб и воля: Сб. статей. В. м., б. г.

Буревестник. 1909. № 15.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Глушаков Ю. Э. «Революция умерла! Да здравствует революция!» *Анархизм в Беларуси (1902–1927)*. СПб. ШСС. 2015.

Хлеб и воля: Сб. статей. В. м., б. г.

Буревестник. 1909. № 15.

И.В. Савицкий

ХОТЕЛИ КАК ЛУЧШЕ: РЕФОРМА И РЕФОРМАТОРЫ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

Рец.: *Неёлова М.Е.* Реформа и реформаторы: создание и деятельность новых местных органов государственного управления социально-экономической жизнью крестьянства России в 60–70-х гг. XIX в. (по материалам Олонецкой губернии). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 256 с.

В 2012 году в издательстве Петрозаводского государственного университета вышла монография известного карельского архивиста, ныне главного специалиста отдела научно-справочного аппарата ГКУ «Национальный архив Республики Карелия», кандидата исторических наук Марины Евгеньевны Неёловой, посвящённая анализу системы местных государственных органов Олонецкой губернии, созданных для реформирования крестьянской деревни в 60–70-е гг. XIX в. Особое внимание автор уделяет мировым учреждениям.

Изучение реформ 1860-х гг. на Европейском Севере России и в Олонецкой губернии в частности имеет свою историографическую традицию. Первым монографическим исследованием, специально посвящённым крестьянским реформам 1860-х гг. в Олонецкой губернии, стала выпущенная к 100-летию отмены крепостного права работа Р.В. Филиппова, сделавшего само-

бытный вывод об «ублюдочности» проводившихся правительственных реформ [Филиппов, 1961]. Не столь резко, но в той же методологической канве эта тема изучалось более тридцати лет. Крупным достижением стало издание «Истории северного крестьянства» [История северного крестьянства, 1985], хотя не все вологодские и архангелогородские историки считали Олонецкую губернию частью Европейского Севера России, относя её к Северо-Западу наряду с Санкт-Петербургской и Новгородской губерниями. Частично из-за этого история крестьянства Олонецкой губернии не была широко представлена в обобщающих известных научных изданиях Вологды и Архангельска (другой причиной являлась, видимо, недостаточная публикационная активность за пределами Карелии самих карельских исследователей).

За полвека тематика исследований, посвящённых социальному

развитию Олонецкого края в ходе реформ 1860-х гг., существенно расширилась. Изменение направления исторических исследований привело к необходимости заново изучить источниковую базу по истории социальных групп XIX века. Так, были подготовлены работы по истории земства, дворянского сословия, чиновничества Олонецкой губернии и многим другим темам [Баданов, 1996; Савицкий, 1998], применены компьютерные методики анализа массовых источников [Кащенко, 1989]¹, исчезло политизированное отношение к объектам исследования и повысились требования к точности их описания. Таким образом, назрела актуальная потребность подведения предварительных итогов проведённых исследований. Поэтому после защиты М.Е. Неёловой кандидатской диссертации в 2005 г. выход данной монографии был ожидаем, однако автор не торопился. Благодаря разностороннему анализу проблемы, владению историографической базой (в том числе на общероссийском уровне) и прохладному отношению автора к использованию новомодных исследовательских методик монография М.Е. Неёловой на региональном уровне практически сразу стала претендовать на статус классического исследования.

Целью монографии стало «изучение важнейшей составной части нового местного аппарата управления пореформенной России – системы новых органов губернского и уезд-

ного управления». В работе поставлены девять (!) задач, смысл которых условно можно свести к двум: проанализировать роль администрации Олонецкой губернии в подготовке и проведении крестьянских реформ, а также выявить особенности функционирования (финансовые, организационные и др.) ответственных за реформу местных учреждений (стр. 4–5). Объектом данного исследования стала «система местных государственных органов, созданных для реформирования крестьянской деревни» (так у автора), а предметом – мировые крестьянские учреждения Олонецкой губернии, институт мировых посредников, мировые съезды, Олонецкое губернское по крестьянским делам присутствие. Именно губернаторы и мировые посредники анализируются в монографии М.Е. Неёловой в качестве реформаторов.

Замысел исследователя вполне ясен. Отходя от описательного нарратива, М.Е. Неёлова стремится показать механизм принятия решений органами управления, проанализировать их «пружины», взаимосвязь между Центром и губернией. Мария Евгеньевна анализирует мотивацию деятельности начальников губернии, временно сохранивших свои вотчинные функции помещичьих дворян и мировых посредников. Именно институт мировых посредников стал центром интереса М.Е. Неёловой.

В какой-то степени из-за этого содержание монографии могло вызвать удивление: деятельность мировых посредников обычно

¹ Подробнее об историографическом аспекте отмены крепостного права в Олонецкой губернии см.: [Кащенко, 2005; Савицкий, 2007].

связывают только с отменой крепостного права, а малое количество крепостных крестьян в Олонецкой губернии общеизвестно. Стоило ли в таком случае тратить силы на подробное изучение указанной проблемы?.. Автор монографии показывает, что в конкретных региональных условиях институт мировых посредников приобретает свои особенности — возможно, характерные для других регионов Российской империи.

Вопрос об институте мировых посредников актуален из-за современного интереса к проблемам местного самоуправления. Но изучение деятельности мировых посредников в Олонецкой губернии может быть актуально и потому, что она проходила в необычных (по мнению автора) географических условиях. Без их описания в местных изданиях не выходит почти ни одна краеведческая монография: растянутость («громадность») пространства и малая численность населения способствовали увеличению площади мировых участков, а заболоченность и плохие транспортные пути сильно затрудняли деятельность любых учреждений, в том числе и мировых. Поэтому относительно других губерний условия деятельности олонечких мировых посредников были близки к экстремальным.

Кроме того, актуальность проблемы вытекает из-за противоречивых оценок роли мировых посредников в реформах 1860–1870-х гг. со стороны отечественных историков. Во введении автор указывает на положительную оценку деятельности

мировых посредников «первого призыва» в дореволюционной историографии и критический подход к ним в более поздний период. В своей монографии М.Е. Неёлова стремится сгладить это противоречие: показывая личную заинтересованность мировых посредников в соблюдении помещичьих интересов, она отмечает недовольство местного дворянства деятельностью своих же соратников (стр. 129). По мнению землевладельцев, именно мировые посредники не только стали причиной разорения поместного дворянства, но и напрямую способствовали неповиновению со стороны крестьян. Несколько конкретных примеров автором приведены; можно было бы в качестве иллюстрации привести и вовсе парадоксальную ситуацию, когда вытегорский помещик-рационализатор подполковник А.Я. Герольд, известный жёстким отношением к собственным крестьянам, ответственно подошёл к исполнению своих обязанностей применительно к чужим поместьям (владелец одного из которых даже дошёл до попытки придушить собственную крестьянку) и помешал выделению наделов за счет болотистых почв. А избавиться от мирового посредника Д.И. Воеводского местному дворянству удалось, лишь обвинив его в небрежении к персоне государя императора и провоцировании самовольного переселения крестьян Каргопольского уезда в Ставропольскую губернию.

Однако с позиции сегодняшнего времени было бы уместно уточнить — что такое, собственно, «государственные органы управления»?

Можно ли считать мировых посредников частью государственной системы управления? Если с губернатором (чиновником МВД) и губернскими палатами применительно к XIX веку всё понятно, то с мировыми учреждениями дело сложнее. Регулирование их деятельности со стороны государства не делает их полноценными органами государственного управления.

Автор монографии эту проблему не поднимает. Однако для специалистов, имевших и научное, и практическое отношение к государственному управлению, полное отнесение института мировых посредников к местному государственному управлению выглядит противоречиво. Какие аргументы «за» и «против» можно выдвинуть в пользу позиции автора?

По мнению рецензента, к аргументам «за» можно отнести, прежде всего, особенности действовавшей формы правления — средоточие всей власти в руках императора, традиционное невнимание к инициативам «снизу» и непризнание за местным самоуправлением какого-то особого статуса. Вспомним, что А.Д. Градовский относил дворянские установления к государственному праву, отметив, что служащие по выборам дворянства считаются на государственной службе [Градовский, 1883]. Ситуация усугубилась тем, что в сферу деятельности мировых посредников вошло реформирование не только крепостных и заводских, но и государственных крестьян, напрямую относившихся к сфере казенного управления. Передавая мировым

посредникам часть государственных полномочий (в которые входили, как бы мы сейчас сказали, часть нотариальных и судебных функций), монархия имела возможность контролировать их деятельность через Сенат, которому данные должностные лица формально и подчинялись (отсюда и ограниченная возможность увольнения посредников, что можно было сделать либо сократив конкретную должность, либо обвинив лицо в государственном преступлении). Кроме того, на «государственность» деятельности мировых посредников в значительной степени указывает их независимость от местных органов самоуправления. А почему в таком случае не от губернаторов, являвшихся олицетворением государственной власти в губернии?.. Вот применительно к более поздним земским начальникам (как кадровым чиновникам МВД) такого вопроса бы не возникло.

Здесь возникают несколько моментов, анализ которых относится к аргументам «против». Очень важен факт избрания мировых посредников от местного помещичьего дворянства. Губернатор был обязан влиять на выбор кандидатур мировых посредников, но на этом его полномочия по сути и заканчивались. Подконтрольные Сенату мировые посредники не являлись служащими Сената, не дублировали функции судебных чиновников и мировых судей, а жалованье получали из местного бюджета. В связи с этим невозможность прямого контроля за мировыми посредниками порой раздражала не только начальников губернии, но и (как отме-

чено в монографии М.Е. Неёловой) земские органы самоуправления (стр. 209–211). Само же подчинение Сенату в XIX веке никого не могло удивить, так как с широкими полномочиями этого учреждения приходилось считаться даже императору. Чтобы являться полноценными органами государственного управления, мировые посредники должны были подчиняться какому-либо министерству, однако этот стереотип в свою очередь применим только к условиям разделения властей. Кроме того, мировые посредники имели право на упрощение ведения делопроизводства вплоть до его перевода в устную форму, что несомненно с государственной службой. Исходя из этого, напрашивается вывод о смешанном характере должности мировых посредников.

Малое количество поместных дворян (в том числе достаточно грамотных) в Олонецкой губернии побудило местную администрацию к привлечению на должности мировых посредников как отставных чиновников, так и находившихся на действительной государственной службе. С одной стороны, это способствовало бы избранию на данные должности способных людей, с другой – косвенно привязывало их к воле администрации. Более того, использовалась приставка «исполняющий обязанности» мирового посредника: такой чиновник «по совместительству» обходился местному бюджету гораздо дешевле, получая в год 350 руб. вместо 1500. Таким образом, мировые посредники в данной губернии представляли собой именно государственную власть если не *de jure*,

то *de facto*. Вполне естественно, что, не имея опыта построения новых отношений с бывшими помещичьими крестьянами (а кто тогда его имел?), мировые посредники могли подходить к решению поставленных правительством проблем лишь с бюрократических позиций (стр. 94). При этом автор пришла к любопытному выводу о том, что для направленных в Олонецкую губернию чиновников, назначенных мировыми посредниками, служба на Севере была наказанием за предыдущие служебные проступки² (стр.169; до этого такой вывод карельские исследователи делали применительно и к губернаторам). Немудрено, что уже в начале проведения реформ местный губернатор Ю.К. Арсеньев упрекал мировых посредников в том, что они превратились в чиновников, «ограничиваются отпискою бумага» и играют чисто канцелярскую роль (стр. 137). Этого и следовало ожидать. Можно лишь добавить, что в условиях переходного периода положение мировых посредников было дуалистичным, противоречивым, что к 1874 году и привело к ликвидации этого института управления.

Подобно тому, как институт мировых посредников утрачивал свою посредническую сущность между интересами власти (вотчинной, заводской, губернской) и крестьян, так и анализ рассматриваемых в монографии событий сильно смещён в пользу объекта изучения. Создаёт

² Такой вывод правилен лишь отчасти, потому что жалованье мировых посредников не шло ни в какое сравнение с минимальной зарплатой олонецких чиновников в 300 руб. в год.

ся впечатление, что в конфликтах между властью и крестьянами сам автор более симпатизирует первой. Это право автора; однако крестьяне воспринимаются исследователем как бесформенная народная масса, лишённая рационального сознания. В несанкционированном переселении крестьян Каргопольского уезда в Ставропольскую губернию виновата политическая неблагонадёжность мирового посредника, а в переселении крестьян Пудожского уезда виновато бездействие другого, причем спившегося посредника, два года получавшего жалование ни за что (стр. 174, 185). Конечно, изучение причин крестьянского недовольства напрямую в задачи исследования не входило, однако было бы интересно ярче показать отношение самих крестьян к мировым посредникам. Например, в монографии не нашла отражения попытка крестьян мирового посредника А.Я. Герольда подать в 1864 г. жалобу на своего бывшего помещика государю императору в Царское Село; доказательств встречи с ним нет, никаких документов из Царского Села крестьяне не привезли и были успешно подвергнуты телесному наказанию. Однако последовавшие неоднократные запросы из Петербурга заставили местную администрацию твёрдо встать на сторону крестьян.

Анализируя монографию М.Е. Неёловой, нужно дополнительно отметить взвешенность оценок автора при анализе поставленных вопросов, богатство использованного фактического материала, вдумчивое отношение ко всем юридическим процедурам в ходе кре-

стьянских реформ (историко-юридический анализ документов автор проводит самостоятельно). Всё это делает монографию М.Е. Неёловой ценным вкладом в изучение региональной и общероссийской истории. Если же ставить её в контекст развития исторической науки, то в сознании рецензента возникает ряд субъективных замечаний о методологии проведенного исследования.

История малонаселённых районов, как правило, не может похвастаться разнообразием имён и событий. Региональные сюжеты переломных эпох за много десятилетий стали известны краоведам. Автор рецензии искренне благодарен Марии Евгеньевне за использование своих публикаций, начиная с 1997 года. Но за полтора десятилетия, прошедшие до выхода монографии, историческая наука на месте не стояла. Отражение этого процесса вполне могло бы стать украшением монографии.

Автор использует обычный, хорошо проверенный временем историко-генетический метод с элементами персонализации (углублённого описания деятельности конкретных лиц — не путать с историко-антропологическим подходом). Однако он полностью оправдал бы себя лишь в случае введения новых комплексов источников или анализа незатронутых ранее сюжетов. Учитывая, что автор — профессиональный архивист, историки ожидали именно этого. М.Е. Неёлова указывает, что многие архивные документы введены ею в научный оборот впервые, но какие имен-

но — непонятно. А ведь буквально напрашивается более глубокий архивоведческий анализ имеющихся документов (ему посвящена лишь стр. 20), привлечение антропологического подхода к изучению источников. Безусловно, увлечение исторической антропологией вызвало бы увеличение объёма текста; но как игнорировать призывы крестьян, недовольных деятельностью мировых учреждений, к возвращению в прежнее крепостное состояние? Документы об этом сохранились. Имеется источниковая база и для модной ныне экологической истории — выделение наделов крестьянам напрямую повлияло на распределение ресурсов в сельской местности. К чести автора нужно отметить, что Мария Евгеньевна интуитивно почувствовала узость методологической базы и стремилась преодолеть это в заключении. В итоге, анализируя стремление администрации контролировать каждый шаг избранных должностных лиц, М.Е. Неёлова пришла к выводу, что в Олонетской губернии из-за осуществления реформ чиновниками проявилась классовая сущность самодержавия и во многом сущность российской бюрократии (стр. 109). Допустим; однако этот вывод никак не соотносится с предыдущим текстом, так как проблема «сущности российской бюрократии» в работе даже не поднималась. Дополнительного авторского анализа требуют и добротные, тщательно составленные статистические приложения к монографии.

Таким образом, работа М.Е. Неёловой выделяется объёмом представленного регионального фак-

тического материала и анализом причинно-следственных связей между явлениями переломной эпохи, стремлением глубже поставить местные проблемы в контекст общероссийских. Возможно, в дальнейшем роль опубликованной монографии так и будет определена — создание прочного фундамента для развития новых методологических направлений в изучении региональной истории второй половины XIX века. Не исключено, что какое-то направление представит и сама автор опубликованной монографии.

REFERENCES

Badanov V.G. Zemstvo na Evropeiskom Severe Rossii (1867–1920 gg.): Diss. ... kand. ist. nauk. Petrozavodsk, 1996.

Gradovskii A.D. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. SPb., 1883. T. 3: Organy mestnogo upravleniya.

Istoriya severnogo krestyanstva: V 4 t. Arkhangelsk, 1985. T. 2: Krestyanstvo Evropeiskogo Severa v period kapitalizma.

Kashchenko S.G. Massovye istochniki po istorii agrarnykh reform 60-h godov XIX veka v Olonetskoj gubernii (K voprosu o sozdanii kompyuternykh baz dannyh) // Voprosy istorii Evropeiskogo Severa: Mezhevuz. sb. / PetrGU. Petrozavodsk, 1989. S. 95–107.

Kashchenko S.G. Reforma 19 fevralya 1861 g. v Olonetskoj gubernii. Traditsionnye vyyvody i noveishie tendentsii v sovremennykh otechestvennykh issledovaniyah // Istoriya i kultura. 2005. № 4. S. 114–130.

Neelova M.E. Reforma i reformatory: sozdanie i deyatelnost novykh mestnykh organov gosudarstvennogo upravleniya socialno-ekonomicheskoi zhiznyu krestyanstva Rossii v 60–70-h gg. XIX v. (po materialam Olonetskoj gubernii). Petrozavodsk, 2012.

Savitskii I.V. Dvoryanstvo Evropeiskogo Severa Rossii v seredine XIX — nachale XX v. (po materialam Olonetskoi, Vologodskoi i Arkhangel'skoi gubernii): Diss. ... kand. ist. nauk. Petrozavodsk, 1998.

Savitskii I.V. Dvoryanstvo Evropeiskogo Severa Rossii vtoroi poloviny XIX veka (iz opyta osmysleniya problemy) // Voprosy istorii Evropeiskogo Severa: Rossiya i Finlyandiya ot Srednevekovya do serediny XX veka: Sb. nauch. st. / PetrGU. Petrozavodsk, 2007. S. 144–154.

Filippov R.V. Reforma 1861 g. v Olonetskoi gubernii. Petrozavodsk, 1961.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баданов В.Г. Земство на Европейском Севере России (1867–1920 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1996.

Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб., 1883. Т. 3: Органы местного управления.

История северного крестьянства: В 4 т. Архангельск, 1985. Т. 2: Крестьянство Европейского Севера в период капитализма.

Кащенко С.Г. Массовые источники по истории аграрных реформ 60-х годов XIX века в Олонецкой губернии (К вопросу о создании компьютерных баз данных) // Вопросы истории Европей-

ского Севера: Межвуз. сб. / ПетрГУ. Петрозаводск, 1989. С. 95–107.

Кащенко С.Г. Реформа 19 февраля 1861 г. в Олонецкой губернии. Традиционные выводы и новейшие тенденции в современных отечественных исследованиях // История и культура. 2005. № 4. С. 114–130.

Неёлова М.Е. Реформа и реформаторы: создание и деятельность новых местных органов государственного управления социально-экономической жизнью крестьянства России в 60–70-х гг. XIX в. (по материалам Олонецкой губернии). Петрозаводск, 2012.

Савицкий И.В. Дворянство Европейского Севера России в середине XIX — начале XX в. (по материалам Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний): Дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998.

Савицкий И.В. Дворянство Европейского Севера России второй половины XIX века (из опыта осмысления проблемы) // Вопросы истории Европейского Севера: Россия и Финляндия от Средневековья до середины XX века: Сб. науч. ст. / ПетрГУ. Петрозаводск, 2007. С. 144–154.

Филиппов Р.В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1961.

Ю.Г. Степанов

Рец.: *Коковцов В.Н.* Обрывки воспоминаний: из моего детства и лицейской поры / Сост. М.А. Васильевой и М.В. Ковалева; вступ. слово Д. Хансона; предисл. С.М. Некрасова, А.В. Воронежцева и М.В. Ковалева; подгот. текста М.В. Ковалева, М.А. Васильевой; коммент. М.В. Ковалева. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; Русский путь, 2011. 288 с. с ил.

В начале 90-х годов прошлого столетия, в эпоху усиленной ликвидации «белых пятен» отечественной истории, спустя почти шестьдесят лет после первой публикации в Париже [Коковцов, 1933] в постсоветской России были изданы воспоминания министра финансов и председателя Совета министров Владимира Николаевича Коковцова [Коковцов, 1991; 1992], выдающегося государственного деятеля и политика императорской России.

Для современных исследователей мемуары В. Н. Коковцова – настольная книга о последних десятилетиях, агонии и распаде империи Романовых. Воспоминания премьер-министра содержат ценнейшие сведения: о политической борьбе в России первых десятилетий XX в., идеологическом противостоянии интеллигенции и власти, правительства и Думы, о механизме принятия судьбоносных для страны решений, о П.А. Столыпине, Николае II и многом, многом другом. Не случайно, что интерес к личности знаменитого премьер-министра в последние годы только растет. Государственной деятельностью и общественно-политическим взглядам Коковцова посвящены статьи [Алексеев, 2007], монографии [Векшина, 2008], диссертационные исследования [Зайцев, 2003].

Однако из этой части мемуаров знаменитого министра финансов мы ничего не узнаем о его детстве, юности, родителях, друзьях-товарищах, обстоятельствах и начале его «хождения во власть» Главное, мы почти ничего не узнаем о том, каким же *человеком* был В.Н. Коковцов. К счастью, извлеченные из исторического небытия и опубликованные «Обрывки воспоминаний...» Коковцова восполняют эту лауну, возвращают нам, по блестяще остроумному замечанию А.И. Герцена, «историю в человеке».

Интересны и поучительны обстоятельства написания мемуаров и история их публикации.

Первым фрагмент воспоминаний бывшего царского министра, а после Октября 1917 г. – эмигранта, опубликовал известный петербургский исследователь истории отечественной культуры и общественно-политической мысли XVIII – XIX вв. С.М. Некрасов, один из авторов предисловия в рецензируемом издании [Некрасов, 2007]. Теперь же отечественный читатель, благодаря усилиям российских исследователей и доброй воле генерального директора Королевского музея армии и военной истории Брюсселя Доминика Хансона, может ознакомиться

с полным текстом интереснейших воспоминаний В.Н. Коковцова.

Мемуарист уточнял, что «никогда не вел <...> записей не только за лицейские годы, но и во всю мою последующую жизнь» [Коковцов, 2011: 28] и в момент, когда он принял решение писать о годах детства и отрочества, «с окончания Лицея прошло уже 65 лет» [Коковцов, 2011: 28]. Только настойчивые просьбы «старых лицейстов», чувство долга и убеждение, что история последних лет существования Лицея должна «найти свое место в правдивой повести о “земли родной минувшей судьбе”» [Коковцов, 2011: 27] заставили Коковцова взяться за перо и написать свои «Отрывки воспоминаний ...».

Как следует из вводной статьи А.В. Воронежцева и М.В. Ковалева, в 1937 г. граф «написал воспоминания о своих детских и юношеских годах» в возрасте 84-х лет и за шесть лет до смерти [Вороневцев, Ковалев, 2011: 23]. К этому времени великая война уже стояла на пороге Европы. Коковцов, наделенный ясным умом и острой политической интуицией, предчувствовал неизбежность грядущей мировой бойни. Не надеясь опубликовать рукопись мемуаров, он передал ее (наряду со многими другими материалами автобиографического характера) «на хранение в архивное собрание Королевского музея армии и военной истории» г. Брюсселя, куда ранее соратники В.Н. Коковцова уже передали лицейский архив русских эмигрантов. Так «Отрывки воспоминаний ...» графа В.Н. Коковцова были сохранены для потомства.

Мемуары четко выстроены хронологически и в противоречии с названием имеют не отрывочный, а вполне законченный характер. Текст воспоминаний охватывает приблизительно двадцать лет: с начала 60-х гг. XIX в. до начала 1880-х гг.

Коковцов, предваряя основной текст мемуаров, несколько раз настойчиво повторяет, что главная тема его «записок» – Лицей. Жизни своей семьи он собирался посвятить лишь «несколько вводных слов» [Коковцов, 2011: 29]. На деле получилось (быть может, вопреки намерениям автора) иначе.

Текст «Отрывков воспоминаний...» можно разделить на три части. Около ста страниц отведено времени от первых осознанных впечатлений в родовом имении Горно-Покровское до зачисления в Александровский лицей в 1866 г. Приблизительно столько же посвящено лицейским годам с 1866 по декабрь 1872 г. Вдвое меньше по объему воспоминания о начале государственной службы в Министерстве юстиции, а затем Главном тюремном управлении МВД.

Воспоминания о годах детства и отрочества, проведенных в Горне, как называет родовое имение Коковцовых мемуарист, исключительно интересная и яркая часть книги.

По признанию Коковцова, он не сразу решился приступить к воссозданию событий «далекой поры», поскольку не был уверен, что сумеет воскресить угасавшие в сознании образы прошлого почти семидеся-

тилетней давности. Не забудем, что к середине 1930-х гг. бывший премьер-министр разменял девятый десяток лет и его колебания между чувством долга и сомнениями в ресурсах собственной памяти были вполне обоснованы.

И очевидно, совершенно не случайно, что ассоциативным толчком к потоку воспоминаний мемуариста оказались неожиданно легко всплывшие из глубин памяти сцены детства и образы родных людей. Это и стало тем «ключом» к прошлому, по словам самого Коковцова, который позволил ему упорядочить и привести в систему воспоминания о временах детства, юности, отрочества. Разумеется, автор использует обычные для жанра мемуаров хронологические отступления и перебои, что несколько не снижает общего впечатления о цельности и последовательности изложения им фактов и событий.

Мемуары В.Н. Коковцова — чтение не только для любознательного, но и для вдумчивого читателя. Со страниц его книги перед нами предстает Россия не то чтобы «неизвестная», но часто не вызывающая, так скажем, пристального интереса публики, а порой и специалистов. В «Отрывках воспоминаний...» мы не найдем ни России чеховской, дворянской, угасающей и бессильно рефлексирющей, ни России интеллигентской, бунтующей, ни модного ныне описания «блеска и нищеты» русской аристократии. Зато мы увидим и лучше поймем Россию пореформенных лет, мучительно тяжело вписывающуюся в индустриальную эпоху.

Ярким примером обрисовывающегося контура этой новой России и был будущий премьер-министр, пятый из семи детей провинциальной и небогатой дворянской семьи подполковника-инженера Николая Васильевича Коковцова.

Мемуарист очень образно обрисовал «жизнь помещиков, хотя бы и сравнительно крупного масштаба, в <...> удаленных от городов поистине медвежьих углах до периода реформ 60-х годов прошлого века» [Коковцов, 2011: 40], где еще долгие годы после Великих реформ главными культурными событиями оставались освещение храма и завершение строительства винокуренного завода [Коковцов, 2011: 61], а главными «достижениями» были гомеопатия и аллопатия [Коковцов, 2011: 93].

Думается, главное достоинство и ценность рецензируемых мемуаров состоит в тех подробностях, деталях, мелочах, что так тщательно припоминает и воспроизводит автор. Создаваемая им картина разрушает многие стереотипы. Бессмысленно, конечно, пересказывать содержание книги, которую читатель и сам прочтет с большим удовольствием. Поэтому ограничусь несколькими, на мой взгляд, наиболее яркими примерами. Какое, например, известное нам наиболее типичный, обобщенный образ В.Н. Коковцова? Аристократ, эрудит, профессионал высочайшего уровня, один из немногих царских министров, наряду со Столыпиным, вступавший в дискуссии с мэтрами красноречия из партии кадетов. В нашу историческую па-

мять он вошел, словно бы родившись с титулом графа, в мундире министра и с Анной на шее. Поэтому с удивлением (некоторой даже оторопью) читаем признание мемуариста: «До 1860 года я могу сказать, что меня не учили ничему <...> Никаких детских книг и букварей у нас не было, и я не знаю, были ли они вообще и в других более зажиточных семьях, живших по деревням. Моим учебником была газета “Северная почта”, приходившая 2 раза с почтовой станции <...>» [Коковцов, 2011: 37].

Для воспоминаний Коковцова характерно тщательно и с любовью прорисованное, зафиксированное в мелочах и деталях начало большого жизненного пути на фоне бытия огромной империи. Это касается всего текста воспоминаний. В.Н. Коковцов напрасно опасался, что его может подвести память. Очень подробно описаны в «Отрывках воспоминаний...» годы учебы и начальный этап службы, приведены яркие портреты преподавателей, сослуживцев и особенно однокашников будущего министра по Лицею. Очень трогательны воспроизведенные Коковцовым сцены товарищества, взаимоподдержки и взаимопомощи лицеистов. Кроме всего прочего, мемуары В.Н. Коковцова опровергают и устоявшийся стереотип о корпоративной замкнутости и корысти русской элиты, убеждение, что в дореволюционной России путь наверх был открыт лишь для избранных, обладающих связями и знатной «породой». Мемуарист этого явления в русской жизни не отрицает, однако сам феномен Коковцова ясно доказывает,

что существовали иные жизненные сценарии. Благодаря впитанным с детских лет трудолюбию, собранности, ясному пониманию путей к достижению цели, силе духа, он, не имея средств и серьезных связей в верхах, поступил из гимназии в Лицей, получил приглашение в университет, а затем и на государственную службу. В этом отношении судьба В.Н. Коковцова — это русский вариант того, что сейчас принято называть *self-made-man* (человек, сделавший себя сам).

«Отрывки воспоминаний...» написаны прекрасным русским языком. Подкупает и тональность мемуаров. В них нет и тени назидательности, обиды и злости изгнанника, но бьет горячая любовь к России. Коковцов с высоты прожитых лет и обретенного горького опыта никого ничему не учит. Более того, убежден, что «настоящей пользы от моих набросков произойти не может» [Коковцов, 2011: 27]. С этим утверждением автора мемуаров вряд ли можно согласиться. В последней книге графа В.Н. Коковцова нам отчетливо показан путь созидания и строительства новой России трудом, упорством воли, исполнением долга. Путь, пресеченный, по словам автора мемуаров «катастрофой 1917 г.». Этот жизненный опыт должен быть востребован в современной России.

В заключение стоит отметить высокопрофессиональную работу специалистов, подготовивших издание рукописи по всем правилам археографии, а книги с соблюдением всех норм библиографии. Текст мемуаров предваряют обстоятельные

предисловия, а завершают лаконичные, но информативные комментарии и именной указатель. Украшают воспоминания и небольшие по объему, но качественные иллюстрации. Наконец, особую признательность следует выразить генеральному директору Королевского музея армии и военной истории Брюсселя Доминику Хансону, без помощи которого публикация замечательных воспоминаний В.Н. Коковцова не могла бы осуществиться.

Остается надеяться, что «Обрывки воспоминаний: из моего детства и лицейской поры» Коковцова прочно и надолго вошли в научный обиход специалистов и круг чтения всех интересующихся историей Отечества.

REFERENCES

- Alekseev A. V.N. Kokovcov: neprijatnosti vzamen potrjasenij // Nauka i zhizn'. 2007. №6. S. 80–92.*
- Kokovcov V.N. Obryvki vospominanij: iz moego detstva i licejskoj pory. M., 2011. S. 19–24.*
- Kokovcov V.N. Iz moego proshlogo: Vospominanija. 1903–1919. V 2 t. Parizh, 1933.*
- Kokovcov V.N. Iz moego proshlogo: Vospominanija. 1911–1919. M., 1991.*
- Kokovcov V.N. Iz moego proshlogo: Vospominanija. 1903–1919. V 2 kn. M., 1992.*
- Kokovcov V.N. Obryvki vospominanij: iz moego detstva i licejskoj pory. M., 2011.*
- Nekrasov S.M. «Kuda by nas ni brosil sud'bina...» Vypusniki Imperatorskogo Aleksandrovsogo liceja v jemigracii. M., 2007. S. 125–159.*
- Nekrasov S.M. Poslednij popechitel' / Kokovcov V.N. Obryvki vospominanij: iz*

moego detstva i licejskoj pory. M., 2011. S. 6–11.

Vekshina Ju.A. Graf V.N. Kokovcov – gosudarstvennyj dejatel' Rossijskoj imperii. SPb., 2008.

Voronezhcev A.V., Kovalev M.V. Zhiznennyj put' grafa V.N. Kokovcova

Zajcev M.V. Gosudarstvennaja dejatel'nost' V.N. Kokovcova: 1896–1914. Diss. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2003.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев А. В.Н. Коковцов: неприятности взамен потрясений // Наука и жизнь. 2007. №6. С. 80–92.

Векшина Ю.А. Граф В.Н. Коковцов – государственный деятель Российской империи. СПб., 2008.

Воронежцев А.В., Ковалев М.В. Жизненный путь графа В.Н. Коковцова / Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний: из моего детства и лицейской поры. М., 2011. С. 19–24.

Зайцев М.В. Государственная деятельность В.Н. Коковцова: 1896–1914. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919. В 2 т. Париж, 1933.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1911–1919. М., 1991.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919. В 2 кн. М., 1992.

Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний: из моего детства и лицейской поры. М., 2011.

Некрасов С.М. Выпускники Императорского Александровского лицея в эмиграции. М., 2007. С. 125–159.

Некрасов С.М. Последний попечитель / Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний: из моего детства и лицейской поры. М., 2011. С. 6–11.

О.Е. Зубко

Рец.: Судьбы демократического социализма в России: сб. материалов конф. / Науч.-информ. и просвет. центр «Мемориал», Постоянно действующий семинар «Левые в России: история и современность», Фонд Розы Люксембург. Фил. в РФ; отв. ред. К.Н. Морозов, А.Ю. Суслов. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. 360 с.

Согласно Википедии, «демократический социализм» — вид социализма, подчёркивающий свою демократичность. Сторонники этой идеологии считают, что общественная собственность и контроль за средствами производства должны комбинироваться с демократией. В плане экономики взгляды сторонников демосоциализма варьируются от поддержки смешанной экономики до передачи всех средств производства в распределённую среди трудовых коллективов собственность [Демократический социализм]. Особенно часто этим термином пользуются социалисты — члены парламента, которым парламентаризм дороже социализма. В силу этого они выступают против насильственного изменения существующего строя. Толковый политологический словарь под общей редакцией доктора экономических наук Осадчей И.М. обращает внимание на то, что термин «демократический социализм» более определённый, чем «социал-демократия» (social democracy), поскольку социал-демократов в разное время рассматривали то как сторонников «ревизии» ортодоксального марксизма, то как группировку социалистических партий на правом фланге [Андерхилл, Барретт и др., 2001].

Разобраться конкретнее и полнее, что же такое демократический социализм как термин в научной и политической практиках; какова его история в России в первой трети XX века; какова реализация идей демократических социалистов (в первую очередь, представителей партий социалистов-революционеров, социал-демократов и народных социалистов) и, собственно, как формировался и эволюционировал образ российского социалиста в исторической науке и массовом сознании, была призвана прошедшая 20–21 сентября 2013 года в Москве научная конференция «Судьбы демократического социализма в России». Конференция была организована не только благодаря Научно-информационному и просветительскому центру «Мемориал», но и при поддержке Филиала Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации и постоянно действующего семинара «Левые в России: история и современность» (руководитель — д. и. н., профессор К.Н. Морозов). В работе конференции приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Омска, Красноярска, Саратова, Тамбова, Воронежа, Екатеринбургa, Новосибирска, а также Израиля, Литвы и Италии.

Сборник материалов конференции — скупулезный труд более трех

десятков ведущих исследователей, разработки которых можно, по нашему мнению, условно разделить на три группы.

«Первая группа» докладов – теоретическая. Доклады этой группы были посвящены: уточнению терминов «демократический социализм», «революция», «парламентско-представительная демократия» (доклад П.М. Кудюкина); вкладу партии российских социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма в целом (доклад К.Н. Морозова); сходству и различиям социализма и анархизма (доклад В.М. Дамье); эволюции идей демократического социализма в XX веке (доклад А.В. Гусева). Это позволило сделать следующие выводы: 1) ведущей идеологией прошедшего XX века, к счастью или же к несчастью, был социализм, пришедший в Россию из Европы. В Европе социализм был связан с парламентаризмом, что было обусловлено выходом на политическую арену новых социальных сил в лице т.н. «низших классов», прежде всего – мелкой буржуазии и рабочего класса и в гораздо меньшей степени – крестьянства, являвшегося классом добуржуазного общества и в новом (индустриальном, буржуазном) обществе обреченного на исчезновение. Крестьянство не было способно к осознанию своего политического интереса, предполагающего не только понимание своих непосредственных нужд, но и их соотношение с интересами других социальных групп. В то же время «низшие классы» индустриального общества (рабочий класс, мелкая буржуазия) к середине XIX века уже довольно

хорошо осознавали свои если не политические, то социальные интересы, однако по-прежнему оставались отстраненными от непосредственного участия в политической жизни. Именно этот «зазор» между потребностью в отстаивании своих политических интересов и отсутствием условий для ее удовлетворения и создавал благодатную почву для появления внепарламентских организаций, обладающих всеми признаками политических партий. Такие организации были созданы в Западной Европе в середине – второй половине XIX века в рамках социалистического движения. Организационное оформление левого фланга политического спектра стран Западной Европы поставило остальные его части перед необходимостью выработки собственных политических программ и создания развернутых организационных структур. Тогда как в России, гегемония социализма была ярко выражена потому, что формирование политических партий социального толка, при полном запрете любых независимых от власти политических организаций, а также полном отсутствии каких бы то ни было представительных органов, было возможно только в той части политического спектра, которая отличалась безусловной оппозиционностью к власти.

2) Партия социалистов-революционеров (эсеров) придерживалась более общего варианта социализма, который в российских условиях неизбежно приобретал заметный «крестьянский» оттенок. Принятая на I-м съезде ПСП (декабрь 1905 – январь 1906) программа конечной

целью партии объявляла достижение социализма, понимаемого как обобществление собственности и хозяйства, уничтожение классов и эксплуатации, осуществление «планомерной организации всеобщего труда». Программа признавала, что развитие России совершается в капиталистических формах, но считала, что российский капитализм имеет особенности, позволяющие вести с ним борьбу «по частям», опираясь прежде всего на крестьянство. Первым ударом по капитализму, по мнению эсеров, должно было стать изъятие земли из товарного обращения и превращение ее в общенародное достояние («социализация») с уравнительным распределением земельных участков между крестьянами. Зародыш же настоящего социализма эсеры видели в крестьянской кооперации. Программа ПСР включала также требования установления республики, введения политических свобод, национального равноправия, всеобщего избирательного права, принятия рабочего законодательства. После победы над самодержавием допускалось установление и сохранение на неопределенное время власти либеральной буржуазии. Эсеры отстаивали также: самоценность человеческой жизни, ее политические свободы, социалистическую этику и самоуправление, а также впоследствии концепцию «триединого рабочего класса» — органического взаимодействия социалистической интеллигенции, пролетариата индустрии и трудового крестьянства.

3) Анархистское движение занимало крайнюю позицию на левом

фланге политического спектра России. Основными требованиями анархистов были непосредственный переход к коммунизму и уничтожение любой государственной власти. В годы первой российской революции существовало два главных течения в движении анархистов: «анархисты-коммунисты» (последователи П.А. Кропоткина) и «анархисты-синдикалисты». Анархо-синдикалисты сосредоточивали свои усилия на работе в профсоюзах, которые считали ячейками будущих производственных коммун. Анархистам было свойственно отрицание парламентаризма и пренебрежение к демократическим свободам. Главным в их деятельности был индивидуальный террор. Но, в отличие от эсеров, анархисты являлись противниками централизации в этом деле и выступали за «разлитый», массовый террор, который они считали способом выражения свободы личности. Применяли анархисты и т.н. «экономический индивидуальный террор», понимая под ним покушение на хозяев предприятий, мастеров и т.п. После поражения первой российской революции организации анархистов были практически полностью ликвидированы охранным отделением. Несколько оживилась их деятельность только в 1915–16 гг. Анархисты, так же как и прочие левые организации, пережили размежевание на «оборонцев» (сторонники П. Кропоткина) и «пораженцев», выступавших с позиций, близких к большевистским, и призывавших превратить войну «империалистическую» в «гражданскую войну против власти и капитала». Связующими звеньями между социализмом и анархизмом были:

мировоззренческие аспекты — человеческие ценности и приоритеты; экологический критерий — ликвидация угнетения и подавления со стороны привилегированных групп и слоев общества.

4) Концепция демократического социализма стала основой принятия после Второй мировой войны Декларации принципов восстановленного Социалистического Интернационала на его Франкфуртском конгрессе в 1951 году, а также в 1989 году на Стокгольмском конгрессе — обновленной основой Декларации принципов Социинтерна.

«Вторую группу» исследовательских разработок — «тактическо-стратегическую» — составляют доклады: М.И. Леонова, А.В. Сыпченка, Лутца Хефнера, Э.Р. Кадикова, В.М. Рынкова, Л.Г. Прайсмана, Андреа Паначчионе. Доклады этой группы затрагивают вопросы социальной и аграрной доктрины эсеров, их политической культуры.

Так, например, доктор исторических наук, профессор Самарского государственного университета М.И. Леонов отмечает: «<...> Социалистическое общество виделось эсерам технологическим, с планомерно организованным производством, прямым продуктообменом на основе коллективного производства и обобществления средств и орудий производства, социально равным при регулируемом обществе, семье, жизни индивидуума. Они, в духе бернштейнских парадигмы, предполагали, что экономика социалистического общества является сочетанием государственного производства и распределения в широкой сети коопераций и ас-

социаций, воплотит вековые чаяния трудового народа, обеспечит прогресс человечества, всестороннее и гармоничное развитие личности, ее жизненное благополучие <...>» [Судьбы демократического..., 2014: 61].

Итальянский историк Андреа Паначчионе акцентирует внимание на понятии политической культуры эсеров: «<...> Понятие “политическая культура” — более емкое и предполагает не только разделение подходов к достижению определённых целей и единства взглядов на организацию общества, но и одинаковые позиции по целому ряду вопросов: понятию о истории и, собственно, роли в мировом пространстве, о поле деятельности и его границах, об обоснованности и оправдании используемых средств <...>» [Судьбы демократического..., 2014: 338].

Наиболее количественной, но не менее качественной, по нашему мнению, является «третья группа» материалов, так называемая «личностная», включающая в себя 20 докладов. Ее, в свою очередь, можно подразделить условно на две подгруппы.

В первую подгруппу вошли доклады: А.П. Ненарокова, Г.Н. Мокшина, А.Ю. Морозова, О.В. Коновалова, Е.И. Фролова, С.В. Сайганова, Б.И. Колоницкого, Марка Янсена, А.Б. Сосинского, Т.А. Семёновой, Л.Л. Касаткина, Я.В. Леонтьева, В.Э. Семеновой-Флюр (Шаскольской), А.В. Антошина. Названия докладов — «Мой дед эсер В.М. Чернов» А.Б. Сосинского; «Мои родители Л.Л. Касаткин и М.Г. Касаткина-Опескина» Л.Л. Касаткина; «Демократический социализм: иллюзия

или реальность? Особое мнение эсера Ивана Калюжного» Е.И. Фролова и другие — говорят о том, что данную подгруппу научных разработок объединяют в большинстве случаев «личные» — «домашние» архивы, позволяющие познакомиться с определённым периодом в жизни той или иной личности, с ее (личности — О. З.) политическими позициями и взглядами, с мировоззрением в целом или участием (личности — О. З.) в каких-либо политических акциях (событиях).

Скажем, доклад кандидата физико-математических наук А.Б. Сосинского (Независимый Московский университет) подкупает с первых же строчек упоминанием о том, что «он, (А.Б. Сосинский), по-видимому, является единственным живущим в России человеком, который имел возможность лично общаться с Виктором Михайловичем Черновым, лидером и главным идеологом Партии социалистов-революционеров» [Судьбы демократического..., 2014: 256].

Доктор филологических наук Л.Л. Касаткин (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)), рассказывая о своих родителях — узниках соловецких политскитов в 1923–1937 годах, опирается в докладе как на воспоминания матери, так и на воспоминания ещё одной узницы соловецких политскитов Екатерины Олицкой. Присутствуют в докладе также личные воспоминания автора: «<...> *Наша маленькая квартирка во Фрунзе в 1937 году в одноэтажном доме с камышовой крышей и земляным полом поступила в распоряжение НКВД.*

Как рассказывали мне потом соседи по двору, все наши вещи вывозили на грузовике. Картины отца не помещались и сотрудники ногами утаптывали их в машину. В художественном музее Бишкека недавно мне рассказали, что после ареста Касаткина все его картины сняли и велели уничтожить. Кто-то хотел их сохранить и закопал их в саду возле музея. Прошло столько лет, и где это, никто не знает, да и не могли они там сохраниться...» [Судьбы демократического..., 2014: 278].

А вот петербургский журналист и писатель Е.И. Фролов, благодаря биографии российского эсера Ивана Ивановича Калюжного, затронул эмиграционный период истории российских эсеров в междувоенной Чехословакии (1921–1939 гг.). В частности, его (Калюжного — О. З.) участия в январско-февральской Теоретической конференции 1931 года в Праге, посвященной судьбе демократического социализма в России, его (демократического социализма — О. З.) успехам и поражениям. Так, Е.И. Фролов отметил, что акцент в конференционном реферате И.И. Калюжный сделал на личном понятии интегрального социализма, предполагая в его основе создание общества полностью экономически и идеологически раскрепощенных людей, причем раскрепощенных не только внешне, но и внутренне. Иными словами, по мнению И.И. Калюжного, личность человека должна была быть освобождена от влияния противоположных социализму идей и верований. Свободная и сознательная личность — основа демократического (интегрального по мнению И.И. Калюжного) социализма, демократии в целом.

К докладам второй подгруппы относятся доклады М.В. Соколова, Гинтариса Митрулявичюса, А.Ю. Сусллова и Л.Г. Протасова. Каждый из последних — отдельная тема исследования.

Доклад кандидата исторических наук, обозревателя «Радио Свобода» М.В. Соколова посвящён проблемам рассмотрению вопросов демократии и социализма эсерами Ташкентской платформы ПСР в 1930-м году. Как отмечает автор, (М.В. Соколов — О. З.), эта группа эсеров сознательно работала над усовершенствованием политической платформы ПСР. Так, например, переработанная в 1930-м году ташкентской группой Платформа ПСР начиналась с первой главы «Критика Большевизма», где в разделе Е говорилось: «<...> Государственное устройство рассматривается как ничем не ограниченный произвол. Под диктатурой пролетариата понимается диктатура Политбюро ВКП(б). Советская Конституция построена на хитрости, обесчелывающей трудовое крестьянство, которое в избирательных правах урезано, и право голоса его сведено к одной трети голосов по отношению к городскому населению. Открытое голосование считается подтасовкой в целях проведения в госорганы кандидатов, навязываемых компартией.

Профсоюзы и другие общественные организации рассматриваются как придаток к партийному аппарату <...>

Демократия и либеральность считаются сданными в архив Октябрьской революции. Малейшее нарушение запретного ведет к нео-

граниченному государственному наказанию (тюрьмы, застенки, ссылки и т. д.).

<...> ПСР, считая себя “загнанным в подполье, измученным репрессиями и организационно ослабленным российским отрядом международной социалистической армии” находит необходимым: “Развить максимум энергии, вмешаться в начавшийся процесс активизации масс, восстановить разрушенные репрессиями организации, пополнить, обновить и укрепить свой состав притоком новых сил, а затем возглавить движение, дав ему идеологию, программу и выработать его тактику, противопоставив большевистской политике” [Судьбы демократического..., 2014: 147].

Литовский исследователь Гинтарис Митрулявичюс (Университет Миколаса Риомериса, Вильнюс) размышляет об отношениях социализма и большевизма, благодаря сохранившимся заметкам идеолога литовской социал-демократии Стяпонаса Кайриса (1879–1964). Так в статье Кайриса «Социализм большевиков» (1947) наиболее четко изложены авторские взгляды на соотношение социализма и большевизма. В частности, о большевизме отмечается: «<...> Большевики, уже в самом начале декларировавшие принцип “диктатуры пролетариата” поняли его как “диктатуру меньшинства” над большинством, а главное, диктатуру на неограниченное время <...>» [Судьбы демократического..., 2014: 171].

Доклад доктора исторических наук А.Ю. Сусллова (Казанский национальный исследовательский тех-

нологический университет) посвящен осмыслению эволюции образа российских социалистов в историческом сознании советского общества. Докладчик поднял непростой вопрос о соотношении исторических реалий и их отображения советским телевидением. (Телевидение как пропаганда). К сожалению, отмечает докладчик, выводы неутешительны: образ российских эсеров в советском кинематографе, как документальном, так и художественном, был стабильно отрицательным.

А вот доктору исторических наук Л.Г. Протасову (Тамбовский государственный Университет им. Г.Р. Державина) удалось «нарисовать» социопортрет провинциального российского социалиста, состоящий из таких базовых элементов как: сословно-социальный состав, партийность, образование, национальность, род занятий.

Таким образом, сборник материалов конференции «Судьбы демократического социализма в России» — весомый вклад во всемирный историко-политологический анализ ведущий идеологии XX века — социализма.

REFERENCES

1. Demokrateskij socializm. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://ru.wikipedia.org>
2. *Anderhill D., Barrett S., Bernell P., Bernem P. i dr.* Politika. Tolkovij slovar' / Obshhaja redakcija: d. je. n. Osadchaja I.M., M.: INFRA-M, Izdatel'stvo «Ves' Mir». 2001 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/56/>
3. Sud'by demokrateskogo socializma v Rossii: sb. materialov konf. / Nauch.-inform. i prosvet. centr «Memorial», Postojanno dejstvujushhij seminar «Levyje v Rossii: istorija i sovremennost'», Fond Rozy Ljuksemburg. Fil. v RF; otv. red. K.N. Morozov, A.Ju. Suslov. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh, 2014. 360 s.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демократический социализм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>
2. *Андерхилл Д., Барретт С., Бернелл П., Бернем П. и др.* Политика. Толковый словарь / Общая редакция: д. э. н. Осадчая И.М., М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь Мир». 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/56/>
3. Судьбы демократического социализма в России: сб. материалов конф. / Науч.-информ. и просвет. центр «Мемориал», Постоянно действующий семинар «Левые в России: история и современность», Фонд Розы Люксембург. Фил. в РФ; отв. ред. К.Н. Морозов, А.Ю. Суслов. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2014. 360 с.

А.А. Маринченко

ЭСКАЛАЦИЯ НАСИЛИЯ И МАССОВЫЕ УБИЙСТВА ПЛЕННЫХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ В ЗОНЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ (НЕОДНОЗНАЧНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1941 г.)

Войны и конфликты XX в. поставили перед историками ряд трудноразрешимых проблем. Одной из них является проблема типологии моделей поведения военнослужащих в экстремальных условиях боевых действий, особенно в период Второй мировой войны, выявление основных мотивов совершения преступлений в отношении различных групп комбатантов и некомбатантов противника, в частности против пленных. Говоря о событиях 1941 г., следует отметить, что главным образом это касается причин массовых убийств немецкими солдатами советских военнопленных еще до того, как те оказались в лагерях, т.е. непосредственно на поле боя, в прифронтовой полосе, при этапировании в тыловые районы вермахта и, следовательно, до того, как они могли быть учтены в официальной статистике. По сло-

жившейся в историографии традиции большинство исследователей концентрировали свое внимание как раз на изучении положения узников лагерей, их принудительной трудовой эксплуатации на территории Третьего рейха, поскольку именно это давало возможность лучше всего понять сущность идеологии и определить долговременные целевые установки нацистов в отношении данной категории советских граждан, но мало внимания уделяли судьбе пленных в оперативных районах вермахта на Востоке. Некоторые аспекты данной проблемы получили освещение в работах А. Штрайма и К. Хартмана по проблеме немецкого плена во время операции «Барбаросса» [Streim, 1981; Hartmann, 2001], а также в трудах, посвященных нацистским преступлениям на Восточном фронте (О. Бартов, Дж. Мигарги, Ф. Ремер,

С. Фриц) [Bartov, 2001; Megargee, 2006; Römer, 2008; 2010; Fritz, 2011] и в обширных монографиях по социальной и институциональной истории германских вооруженных сил в войне против СССР (К. Расс, И. Пюртер, К. Хартман, Д. Поль) [Rass, 2003; Hürter, 2006; Hartmann, 2009; Pohl, 2011]. И хотя в современной постсоветской литературе, вышедшей из-под пера как профессиональных историков, так и публицистов, и собственно бывших пленных, не уделялось должного внимания осмыслению обозначенной нами выше проблемы в качестве самостоятельной, отдельные авторы (И.А. Дугас и Ф.Я. Черон, Н.П. Дембицкий, В.Н. Земсков, О.С. Смыслов) отмечали, что тысячи пленных красноармейцев немцы не довели живыми до лагерей, пристрелив на фронте или по дороге в тыл [Дугас, Черон, 2003; Дембицкий, 2010; Земсков, 2011, Смыслов, 2014].

В данном контексте возникает закономерный вопрос, который можно сформулировать следующим образом: стала ли массовая гибель пленных в ходе боевых действий следствием реализации «преступных приказов» командования вермахта (в таком случае речь идет об ограниченном круге ответственных за их разработку, заранее продуманном плане истребления и преднамеренности совершенных преступлений, ставших следствием механического исполнения подчиненными четко обозначенных приказов вышестоящих инстанций) или же в значительно большей степени на подобный результат оказал влияние рост «молекулярной агрес-

сии» со стороны немецких солдат вследствие чрезвычайно жестокого и крайне напряженного характера противостояния, непредвиденной силы сопротивления Красной армии, затягивания войны на Востоке, что привело к значительным потерям и росту озлобленности войск, а в результате — к стихийным и зачастую несанкционированным «сверху» расправам над безоружным противником? Понимая, что обе указанные позиции даже при условии их конвергенции являются недостаточными для объяснения случившегося летом–осенью 1941 г., автор намерен рассмотреть вопрос о соотношении различных факторов, оказавших решающее влияние на судьбу красноармейцев на первом этапе плена — начиная с момента их пленения и до поступления в лагерь.

ГДЕ И КОГДА БЫЛ ПЕРЕЙДЕН РУБИКОН?

Для понимания самого механизма эскалации насилия и массовых убийств военнопленных на Восточном фронте необходимо обратиться к событиям, предшествующим нападению на СССР, и вкратце рассмотреть, с чем же пришлось столкнуться немецким войскам в ходе военной кампании 1940 г. против наиболее сильных на то время противников в Европе — армий Великобритании и Франции. При всех существенных отличиях войны на Восточном фронте от так называемой «нормальной войны» на Западе, где немцы действовали с оглядкой на нормы международного права, это отнюдь не помешало частям вермахта и СС принимать

участие в расстрелах пленных разного ранга и статуса¹. Уже в середине мая 1940 г. были зафиксированы первые случаи казней британских и французских офицеров в районе Сен-Юбера. Во время боев в Бульоне все, решившие сдаться в плен и выходявшие навстречу подразделениям 7-й танковой дивизии и 2-го полка СС «Дас Райх» (Das Reich) с поднятыми руками, расстреливались на месте либо закалывались штыками. Командовавший этими войсками генерал Э. Роммель хотя и не издавал соответствующего приказа, однако, по свидетельству его личного радиста, «сквозь пальцы смотрел на зверства своих подчиненных» [Фляйшман, 2009: 59, 91, 96]. Расстрелы больших групп пленных (в каждом случае около 100 чел.) имели место в районе деревни Ле Пароди и города Вормхудт. Общее количество убитых таким способом солдат британской армии в ходе наступления на Дюнкерк в конце мая 1940 г. достигает нескольких сотен. Известно также, что эсэсовцы не брали в плен солдат из Северной Африки (алжирцев и марокканцев), многие из которых были казнены прямо на поле боя [Манн, 2006: 82–86; Пэдфилд, 2002: 289; Харт и др., 2006: 77; Рипли, 2009: 44–48; Weale, 2010: 254–255]. Около 3 тыс. чернокожих пленных из числа так называемых сенегальских стрелков уничтожены немецкими солдатами в течение мая–июня 1940 г. по мотивам расово-идеологического характера. Важно отметить, что все эти

¹ При этом необходимо отметить, что уже во время Польской кампании 1939 г. жертвами массовых убийств, совершенных вермахтом и СС, стали, по меньшей мере, 3 тыс. военнопленных. См.: [Böhler, 2006: 241].

преступления также не были совершены по приказу высшего командования (во всяком случае, таковые исследователями пока не обнаружены), а были скорее следствием расистской индоктринации и идеологизации сознания военнослужащих вермахта и соединений СС, таких, например, как дивизии «Мертвая голова» (Totenkopf) и «Великая Германия» (Großdeutschland) [Scheck, 2006: 58, 74, 121]. В некоторых случаях инициатива принятия решения о проведении казни вполне могла исходить от офицеров низшего или среднего звена командования. В подтверждение этой версии можно привести показания военнопленного 16-й роты полка СС «Германия» (Germania) на одном из послевоенных судебных процессов: «Если в плен попадали цветные войска (негры и марокканцы), то их выделяли из общей колонны военнопленных во время переходов и расстреливали. Исходил ли этот приказ из штаба полка, или от высших инстанций, мне неизвестно. Из роты выделялись команды, которые расстреливали этих пленных. Непосредственный приказ мы получали от СС-гауптштурмфюрера капитана Келлера»².

Чем важны для нашей темы все вышеперечисленные примеры? На наш взгляд, они позволяют сделать вполне однозначный вывод — Рубикон в отношении насилия и совершения массовых убийств безоружного противника был перейден отнюдь не во время войны против СССР, а задолго до этого. Французская кампания,

² United States Holocaust Memorial Museum Archive (USHMMA). RG. 06.025*02. N-18762. T. 12. F. 247.

традиционно считающаяся историками типичным примером «нормальной войны», дает нам для этого достаточное количество примеров. И в этом отношении нельзя не согласиться с мнением Г. Уильямсона о том, что «многочисленные случаи расстрелов солдатами “Мертвой головы” “расово неполноценных” пленных из французских колониальных войск явились предзнаменованием грядущих событий» [Williamson, 1995: 63]. Спецификой Французской кампании являлось то обстоятельство, что основная масса убийств была осуществлена эсэсовцами. Вермахт в этот период также не являлся «убежищем» от нацизма, принимая активное участие в расстрелах, но тем не менее у нас нет веских оснований именно в нем видеть своеобразный катализатор прогрессирующей brutalизации методов ведения войны, чего не скажешь о событиях, произошедших чуть более года спустя в Советском Союзе.

Важно отметить еще один важный момент, который может дать нам возможность лучше понять происходившее на Восточном фронте летом–осенью 1941 г. Во время битвы за Францию основную массу военнослужащих, расстрелянных вскоре после пленения, можно условно разделить на две большие группы по принципу мотивов, лежавших в основе совершения этих преступлений:

1. Британцы, оказывавшие наиболее упорное сопротивление вражескому наступлению на западном театре военных действий, следствием чего стали чувствительные потери

вермахта. В свою очередь это вызвало со стороны немецких солдат ответную реакцию — желание отомстить за павших сослуживцев, выместив накопившуюся злобу на пленниках;

2. Французские пленные африканского происхождения, убитые по мотивам, которые можно вполне однозначно характеризовать как расовые. Глубинные причины их уничтожения кроются в давно распространенной в Германии неприязни к чернокожим африканцам, уходящей своими корнями в эпоху кайзеровского колониализма конца XIX — начала XX столетий³.

На Восточном фронте подобная схема во многом сохранилась, но с некоторыми существенными отличиями: 1) произвольные убийства пленных в качестве акций возмездия; 2) организованный террор против «окруженцев» и пленных с целью устрашения и принуждения к капитуляции советских войск в многочисленных «котлах»; 3) убийства по идеологическим соображениям. При этом следует особо отметить, что к тем, кто в 1941 г. целенаправленно уничтожался по мотивам расового характера (евреи и «азиаты»), добавилась категория политических врагов рейха (политкомиссары и функционеры Компартии)⁴. Последние, помимо

³ См. [Lusane, 2003: 37–84]. В особенности это касается чрезвычайно жестокого подавления восстания племен гереро и нама в Германской Юго-Западной Африке. См. более подробно [Hull, 2005; Zimmerer, 2005].

⁴ В то же время, согласно утверждению К. Штрайта, уже летом 1940 г. по армии был разослан тайный приказ о расстреле

всего прочего, рассматривались в качестве опасных элементов, которые могут стать движущей силой сопротивления и зачинщиками вооруженных выступлений против оккупантов. Таким образом, мотивы идеологического характера соединялись воедино с вполне прагматическим расчетом — ликвидировать любую потенциальную оппозицию германскому господству на Востоке.

Сравнительная перспектива дает нам возможность лучше понять, почему в ходе войны против СССР, проходившей под знаменем борьбы с «еврейским большевизмом» и «расой неполноценных славян», расстрелы военнопленных приняли просто лавинообразный характер. Хотя по ряду признаков можно говорить о типологическом сходстве убийств на Восточном и Западном фронте, всё же нельзя не отметить очень существенную разницу в масштабах и систематичности насилия. Помимо всех прочих, одним из основополагающих отличий между этими фронтами стал фактор времени, о котором пойдет речь далее. Дело в том, что наступление вермахта в 1940 г. продолжалось всего около шести недель и завершилось капитуляцией Франции, а соответственно, полным прекращением боевых действий на всем западном театре. И французами, и немцами

в пунктах сбора пленных всех эмигрантов, имеющих немецкое гражданство, на присоединенных к рейху территориях (речь идет о левых противниках нацистского режима), который рассматривается им в качестве предшественника так называемого «Приказа о комиссарах». При этом автор ничего не пишет о его реализации на территории Франции [Streit, 1997: 58, 321–322].

кампания 1940 г. рассматривалась как завершенная война, в итоге которой Франция была побеждена и частично оккупирована немецкими войсками, а французская армия оказалась в плену [Jackson, 2003: 143–160; Mitcham, 2008: 333–348]. На Восточном же фронте только в ходе летне-осенней кампании 1941 г. непрерывные и ожесточенные бои продолжались в течение пяти месяцев и привели не к триумфальной победе, а, напротив, к первому крупному поражению германской армии во Второй мировой войне после того, как советские войска перешли в контрнаступление под Ростовом и Москвой⁵. Все эти факторы, включая самые главные — наличие перманентного фронта боевых действий, тяжелые потери и постоянно усиливающееся сопротивление Красной армии, привели к крайней степени радикализации солдат вермахта и СС, оказывая существенное влияние на динамику массового насилия в отношении пленных. Как можно заметить, опыт коллективного соучастия в преступлении, приобретенный во Франции, нашел свое применение на территории СССР, не только в более значительном масштабе, но и с несравненно большей степенью жестокости. Это становится еще более очевидным, если учесть, что большинство соединений, воевавших в 1940 г. на Западе, приняли участие в Восточном походе летом 1941 г.⁶

⁵ См. более подробно: [Мягков, 2010].

⁶ Критерии для сравнения двух фронтов предложены французским историком Т. Брютманном. См. его тезисы: [Брютманн, 2010].

ВОЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ФАКТОР ВРЕМЕНИ

Своеобразием первого этапа войны на Восточном фронте и в некотором роде его уникальной отличительной чертой на фоне всех последующих этапов являлось то немаловажное обстоятельство, что вермахт фактически безраздельно владел стратегической инициативой, и по крайней мере до конца октября 1941 г. у А. Гитлера и его ближайшего окружения сохранялась уверенность в возможности закончить войну против СССР до наступления зимы⁷, реализовав тем самым одну из ключевых идей плана «Барбаросса» – разгром Красной армии в стиле «блицкрига» еще до окончания противостояния с Англией⁸. Несмотря на некоторую неясность в вопросе о том, что же последует за достижением немецкими войсками линии Архангельск–Астрахань и созданием заградительного барьера против азиатской части России, а также относительно точно установленных сроков, необходимых для реализации этого замысла, все стратегические расчеты базировались на идее молниеносного

сокрушения⁹. Шокировавший современников неожиданно быстрый разгром бельгийской, голландской и французской армий, а также спешная эвакуация британского экспедиционного корпуса с европейского континента убедили немецких стратегов в том, что им по силам разгромить СССР, который считался в военном отношении куда более слабым противником, причем в очень сжатые сроки. Помимо этого ими брались в расчет долгосрочные отрицательные последствия массовых репрессий командно-политического состава в 1937–1938 гг. и ход событий советско-финской войны 1939–1940 гг., на основании чего также был сделан вывод об относительно низкой боеспособности регулярной Красной армии [Черушев, 2003: 244–251; Гланц, 2008: 438–443]. Резкое падение уровня профессионализма советского высшего военного командования отмечалось немецкой стороной также по результатам Польского похода РККА в конце сентября 1939 г.¹⁰ Незадолго до начала вторжения, в мае 1941 г., Верховное командование вермахта (ОКВ) в одном из своих документов вновь констатировало, что состояние вооруженных сил СССР «существенно не улучшилось,

⁷ Своеобразным рубежом можно считать решение А. Гитлера об использовании труда советских пленных в промышленности рейха ввиду невозможности хотя бы частичной демобилизации вермахта и высвобождения достаточного количества рабочих рук, которое привело к появлению соответствующих директив В. Кейтеля и Г. Геринга в конце октября – начале ноября 1941 г. См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 200. Л. 3; Центральный державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВОУ). Ф. 3206. Оп. 1. Спр. 102. Арк. 2–3.

⁸ Директива № 21 от 18 декабря 1940 г. // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 208. Л. 46–49.

⁹ Распространенное в историографии представление о том, что сроки выполнения плана «Барбаросса» были определены в 5 месяцев, по нашему мнению, неверно, поскольку оно исходит из предварительных расчетов, озвученных А. Гитлером в конце июля 1940 г. в Бергхофе, т. е. до того, как сам план был разработан и утвержден. См. [Das Deutsche Reich... 1983: 215–216; Weinberg, 1993].

¹⁰ Об этом свидетельствуют запись А. Розенберга своих впечатлений о только что состоявшемся разговоре с А. Гитлером. См. [Сувениров, 1998: 317].

нет хорошего руководства» [Kriegstagebuch... 1965: 393]. Не в последнюю очередь подобные оценки были следствием веры нацистов в расовое превосходство Третьего рейха над Советским Союзом, который воспринимался ими как непрочное государство с преимущественно славянским населением, значительной прослойкой «азиатов» («монголов»), находящихся под властью евреев [Alexiev, 1982: 3–5]. По мнению историка Р. Эванса, Гитлер полагал, что «если даже превосходящие Россию в расовом отношении западноевропейские державы ничего не стоило сокрушить, что, в таком случае, говорить о славянах?» [Эванс, 2011: 181]. Примечательно также то обстоятельство, что даже такой компетентный военный, как начальник Генерального штаба сухопутных сил (ОКХ) Ф. Гальдер, в своих записях использовал аргумент, что, мол, «русский человек — неполноценен», предвещая закономерную победу Германии¹¹. В результате был практически полностью проигнорирован опыт весьма успешных операций Красной армии у реки Халхин-Гол против имеющей боевой опыт Квантунской армии Японии. Довольно высокая оценка качественных характеристик советских войск, данная командующим 1-й танковой группой Э. фон Клейстом, подчиненным соединениям которого предстояло возглавить наступление группы армий «Юг» на территории Украины летом 1941 г., и вовсе не была услышана¹².

¹¹ Заметки о совещании у А. Гитлера от 5 декабря 1940 г. См. [Гальдер, 1969: 282].

¹² К подобным выводам Э. фон Клейст пришел под впечатлением от увиденного

О колоссальной недооценке противника отчетливо говорят результаты предвоенного планирования и расчеты времени, положенные в его основу. Так, 13–14 декабря 1940 г. по результатам штабных игр в соответствии с планом вторжения, Ф. Гальдер провел совещание командующих армий и групп армий, на котором все присутствующие пришли к единому мнению о том, что для полного разгрома Красной армии будет вполне достаточно 8–10 недель [Blau, 1955: 20]. К аналогичным выводам пришли также в штабе ОКВ [Дейтон, 2000: 491]. По прошествии всего нескольких месяцев главнокомандующий сухопутных сил В. фон Браухич на совещании 30 апреля 1941 г. дал еще более уничижительную оценку предполагаемой силе организованного сопротивления советских войск — до 4-х недель крупных приграничных сражений. Далее предполагалась лишь кратковременная фаза преследования деморализованных остатков частей противника, за которым последует паралич всей системы его военного руководства и полный коллапс государственного аппарата [Банкротство... 1973: 63]. В то время лишь только наибольшие скептики допускали возможность того, что при самых благоприятных обстоятельствах Советскому Союзу удастся продержаться максимум до конца осени 1941 г., но ни в коем случае не дольше [Hillgruber, 1965: 377]. К числу последних, как можно судить из имеющихся источников, принадлежал и сам А. Гитлер¹³. Сле-

им в Польше в сентябре 1939 г. См. [The Nuremberg Interviews... 2004: 342].

¹³ По словам Й. Геббельса, буквально за неделю до нападения на СССР А. Гитлер заявил,

дует, однако, заметить, что в своих расчетах нацисты отнюдь не были одиноки, поскольку уверенность в быстром крахе СССР разделялась большинством военных экспертов, политических деятелей и дипломатов из числа его будущих союзников, как в Великобритании [Woodward, 1962: 150], так и в США¹⁴.

Соответственно, принятие решения относительно дальнейшей судьбы советских пленных, можно было оставить на период после достижения основных целей военной кампании и установления гегемонии Третьего рейха в восточном пространстве, иначе говоря, после того как вермахту удастся одним мощным ударом покончить с СССР¹⁵. На наш взгляд, именно чрезмерная убежденность германских стратегов в скором исходе противостояния в значительной степени породила полный произвол и пренебрежительное отношение к пленным, особенно в зоне боев¹⁶. На фоне победных ожиданий не кажется странным, что уже к августу–сентябрю 1941 г. планировалось возвратить в Германию большую часть воинского контингента с Востока, уступив

что, по его мнению, «вся эта акция потребует примерно четыре месяца». См. [Откровения... 1996: 278].

¹⁴ См. [Bennet, 1990: 28]; Events and atmosphere in Moscow prior to Harriman mission, September 1941, as seen by Mr. Thayer. September 29, 1953 // Library of Congress, William A. Harriman Papers, Writing Files, Memoirs, H. Feis Files, Cont. 872.

¹⁵ По мнению К. Хартмана, вермахт к началу войны был как никогда «полон абсолютной уверенности в себе» [Hartmann, 2009: 16–17].

¹⁶ Более продуманная и дифференцированная политика нацистов, проводившаяся в лагерях по этнорасовому признаку, рассмотрена в моей статье [Маринченко, 2014].

управление оккупированными территориями представителям гражданских властей и переложив на их плечи основную ответственность за жизнь красноармейцев. Без учета фактора времени многое останется просто непонятным [Streit, 1997: 80–82]. А пока война продолжалась, отношение к ним определялось приоритетом ведения боевых действий перед всеми остальными задачами. В сжатом виде эта мысль была верно выражена одним из жителей Киева, пережившим нацистскую оккупацию: «Пока немцы не потеряли веру в “молниеносную победу”, пленные были только обузой, лишним ртом, для которого ежедневно нужно изыскивать 200 г суррогатного хлеба и литра горячей воды...»¹⁷. Смысл происшедшего в 1941 г. открывается с принятием того обстоятельства, что за действиями вермахта далеко не всегда стоял четко проработанный план, а в значительной степени импровизация, обусловленная необходимостью принятия решений на ходу в соответствии с постоянно меняющейся обстановкой и непредвиденным развитием событий на фронте.

«ПРЕСТУПНЫЕ ПРИКАЗЫ», ИХ ВОСПРИЯТИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Обращает на себя внимание несоответствие содержания приказов командования вермахта тому, как они запомнились рядовым солдатам, принимавшим участие в боях против Красной армии. О чем идет речь? При всей жестокости «преступных

¹⁷ Центральный державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). Ф. 166. Оп. 3. Спр. 248. Арк. 23.

приказов», нарушавших практически все без исключения писанные и неписанные нормы международного права¹⁸, они всё же требовали ликвидировать только определенные категории пленных, и в первую очередь политкомиссаров¹⁹. Вполне допустимо, по нашему мнению, под таким ракурсом рассматривать также указания о поведении немецких войск в операции «Барбаросса», которые требовали от них принятия суровых мер в отношении подстрекателей, партизан, саботажников, евреев, а также солдат азиатского происхождения²⁰. Хотя этот документ нельзя однозначно рассматривать как приказ об уничтожении, однако уже тот факт, что он исходил от высшего командования, говорит сам за себя. Если рассматривать его в тесной взаимосвязи с распоряжением о военной подсудности в районе «Барбаросса» от 13 мая 1941 г.²¹, то становится заметным явное стремление составителей обоих документов повлиять на поведение военнослужащих в нужном для них русле, и это может рассматриваться как подстрекательство

¹⁸ В частности, см. положения Гаагской конвенции 1907 г. и Женевской конвенции 1929 г. о защите прав военнопленных (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 150. Д. 5. Л. 7–10), а также [Военнопленные в СССР... 2000: 1013–1028].

¹⁹ См. содержание так называемого «Приказа о комиссарах» от 6 июня (ОКВ) и допущение к нему от 8 июня 1941 г. (ОКХ): «Unternehmen Barbarossa»: [Der deutsche Überfall... 1984: 313–314].

²⁰ 3-е приложение особого распоряжения к директиве № 21 (план «Барбаросса») от 19 мая. [Der deutsche Überfall... 1984: 312].

²¹ Немецкие военнослужащие освобождались от судебных преследований за военные преступления, совершенные на оккупированной территории СССР. См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 208. Л. 13–14.

к совершению насилия в отношении отдельных групп красноармейцев, чего раньше не наблюдалось. Отдельное место занимают приказы Главного управления имперской безопасности (РСХА), отвечавшего за проведение расово-идеологических чисток на Востоке. И хотя полный перечень тех категорий советских пленных, которые подлежали ликвидации в соответствии с предвоенными приказами, не выявлен²² (либо его вообще не существовало до появления «Оперативного приказа № 8» от 17 июля 1941 г.²³, либо накануне или в самом начале вторжения были даны устные приказы, подлинное содержание которых неизвестно [Krausnick, Wilhelm, 1981: 627]), в целом круг задач айнзатцгрупп по уничтожению противника был значительно шире, чем вермахта. Но были и некоторые исключения. Так, согласно послевоенным показаниям одного из уполномоченных офицеров ОКХ Б. Белера, А. Гитлер дал устную инструкцию расстреливать всех советских

²² Исключение составляет указание А. Гитлера, зафиксированное в документах штаба ОКВ от 3 марта 1941 г., об устранении «еврейско-большевистской интеллигенции», и подтвержденное в его официальной речи перед немецким генералитетом 30 марта, в ходе которой был также впервые публично озвучен замысел о ликвидации комиссаров. См.: [1941 год, 1998: 708–709, 806–807].

²³ Приказ предполагал фильтрацию лагерей для военнопленных с целью выявления и последующего уничтожения так называемых «нежелательных элементов», к которым относили руководящую прослойку советского общества, функционеров компартии, комиссаров и всех евреев. В дальнейшем изданы аналогичные приказы № 9 и 14 с соответствующими приложениями, и ряд уточняющих приказов отдельным айнзатц- и зондеркомандам. См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 101. Л. 5–68.

женщин, имеющих оружие и принимающих участие в боевых действиях²⁴. В то же время анализ процесса предвоенного планирования и разработки «преступных приказов» не позволяет сделать однозначный вывод о наличии у военно-политического руководства нацистской Германии намерения поголовно уничтожить весь контингент пленных красноармейцев. Однако максимально возможное уменьшение их численности, вероятнее всего, было его желанной целью как с точки зрения планировавшегося ослабления биологической силы восточнославянских народов, так и в связи со стремлением избавиться от лишних едоков, особенно в условиях, когда перед вермахтом была поставлена задача обеспечиваться продовольствием за счет советского населения [Der Prozess... 1948: 84].

На низовом уровне ситуация выглядит совершенно иначе. Приказы, которые получили немецкие солдаты перед нападением на СССР и в первые дни войны от своих офицеров, изначально были более радикальными и бескомпромиссными: «не брать пленных», «всех пленных советских солдат расстреливать», «раненых приканчивать на месте» и пр.²⁵ После войны многие из них

свидетельствовали, что согласно «Приказу о комиссарах», от них требовалось беспощадно уничтожать комиссаров, коммунистов и евреев, иногда к этому перечню добавлялись также советские интеллигенты и командиры²⁶, хотя в тексте приказа речь шла исключительно о политических комиссарах РККА. Действительно, существовали приказы об уничтожении перечисленных групп пленных в ходе фильтрации лагерей, однако за их выполнение отвечали айзатцкоманды (уже упомянутые приказы РСХА), и вряд ли они были известны простым немецким солдатам. Идет ли речь о том, что их сознание было подготовлено к широкой трактовке приказов в результате воздействия нацистской пропаганды и провокационных указаний, или же командиры низшего и среднего звена внесли свою лепту в их интерпретацию? Можем ли мы говорить о неизвестных историкам письменных директивах, которые не сохранились до наших дней или же до сих пор не обнаружены в архивах? Или же это следствие традиционного для германской армии поощрения инициативы подчиненных при выполнении приказов начальства, значительно усиленного в вермахте, в котором единство взглядов внутри офицерского корпуса на ключевые вопросы управления войсками во всех звеньях позволяло нижестоящему командиру всегда быть уверенным в том, что принимаемые им решения не противоречат

²⁴ Представляет интерес реакция А. Гитлера на вопрос подчиненных о соответствии отданного приказа общепринятым правовым нормам. Его ответ может служить классическим примером реального отношения к обязательствам Германии согласно международным соглашениям: «Международное право это то, что будем определять мы, когда мы выиграем войну». См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 242. Л. 3.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 28. Л. 91; Там же. Д. 44. Л. 7, 15; Там же. Д. 242. Л. 2, 5; [Нюрнбергский процесс, 1990: 125–126].

²⁶ См., например [Шнеер, 2003: 96–97]. Подобное заявление было сделано также генералом К. фон Остеррайхом во время допроса на Нюрнбергском процессе 28 декабря 1945 г. См.: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Спр. 3108. Арк. 207.

основному замыслу его начальника? Данный вопрос остается открытым. Хотелось бы обозначить возможные подходы к его решению.

1. Индоктринация вермахта. Важно отметить ту особенность, что в приведенных приказах, и в том числе на уровне документации отдельных соединений группы армий «Юг», доминирующей являлась идейная мотивация антибольшевистского характера с изрядной долей расового антисемитизма и негативным образом всего «азиатского». Тем временем в идеологической обработке солдат вермахта и войск СС наибольшее распространение получили именно антиславянские и антирусские мотивы. Еще до издания известной брошюры Г. Гимmlера «Недочеловек» («Der Untermensch») [Der Untermensch, 1942], начиная с первых дней войны на Восточном фронте, это понятие стало одним из ключевых в разжигании ненависти и презрения к солдатам Красной армии, причисленных к представителям так называемой «низшей расы» [Beutest cke, 2003: 9, 10, 17, 18, 30, 38, 93, 95]. Буквально накануне вторжения по инициативе ОКВ в войска поступила специальная инструкция под названием «Предупреждение о коварных советских методах ведения войны», с провокационной целью еще глубже идеологизировать войну против РККА в нацистском духе [Хартман, 2009: 228]. Около 800 тыс. листовок с соответствующим содержанием были распространены в каждой роте утром 20 июня 1941 г. [Басистов, 1999: 88].

Анализ солдатских показаний также подтверждает тот факт, что

в пропаганде, обращенной на вермахт, доминирующими были антиславянские мотивы. Если до войны солдатам активно внушалась мысль о том, что «евреи — это величайшее несчастье для Германии», то после нападения на Советский Союз «началась травля славянских народов». Велась пропаганда через радио, прессу, кино, «в докладах говорили, что славянские народы размножаются, как вредные насекомые, и они являются большой опасностью для Германии»²⁷. Решение этой проблемы было найдено в весьма простой формуле: «Нужно уничтожить как можно больше славян». По словам одного из начальников рабочей команды военнопленных, он выполнял приказы по уничтожению безоружного противника «без всякого угрызения совести и даже в тех случаях, когда... безболезненно для себя мог бы их не выполнить или выполнить частично», по той причине, что «разделял взгляды пропаганды на славянские народы»²⁸. По признанию другого немецкого военнослужащего, все его сослуживцы, включая и его самого, были уверены в том, что «война закончится в 2–3 месяца, т[ак] к[ак] Россия очень богатая, но отсталая в военном отношении страна», а «русские это низшая раса»²⁹. Насколько глубоко нацистская пропаганда проникла в сознание и подсознание не только рядовых солдат, но и офицерского корпуса, говорит хотя бы тот факт, что даже в издании ОКВ, посвященном обзору во-

²⁷ USHMM. RG. 06.025*02. N-18762. Т. 9. F. 209.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 30. Л. 2–4.

²⁹ Там же. Л. 11.

енных кампаний вермахта в 1941 г., нашлось место для пропагандистских фотографий и карикатур на «расово неполноценных» большевистских пленных [Die Wehrmacht 1941, 1941: 231, 238–239, 258–259].

2. Механизм передачи приказов. После того как основной массив «преступных приказов» был уже сформирован, перед германским командованием встала непростая задача донести их содержание до основной массы непосредственных исполнителей и разъяснить технический вопрос о путях воплощения задуманного на практике, сохранив военную тайну и не утратив при этом ключевых идей этих нормативных документов. Так, например, в том же «Приказе о комиссарах» указывалось на способ опознания жертвы — по красной звезде с золотым серпом и молотом на рукаве. И тут возникает другая проблема, поскольку в РККА эту форменную нашивку кроме политкомиссаров носили также военные корреспонденты, начальники клубов и домов офицеров, артисты фронтовых и армейских ансамблей [Лужеренко, 1999: 173]. По сути, речь шла о значительно более широком контингенте военнослужащих, нежели комиссары. Еще одна проблема, по нашему мнению, заключается в самой специфике процесса передачи этих документов нижестоящим инстанциям. Уже через два дня после того, как была утверждена окончательная редакция комиссарского приказа, начальник ОКХ В. фон Браухич разослал его в письменной форме исключительно подчиненным ему командующим и штабам армий для сведения и исполнения. Командиры меньших

соединений были проинформированы о содержании этого распоряжения устно на совещаниях, которые состоялись буквально накануне вторжения [Датнер, 1963: 113, 116; Streit, 1997: 49]. В конечном итоге приказ об убийстве комиссаров был доведен до самых мелких подразделений наступательной группировки вермахта. К примеру, в 6-й армии, действовавшей в составе группы армий «Юг», приказ был доведен даже до командиров батальонного уровня [Кершоу, 2010: 296]. При этом на местах он очень быстро стал «обрастать» многочисленными дополнениями, причем явно по собственной инициативе нижестоящего командования, поскольку никаких специальных инструкций от руководства на этот счет не поступало. Наиболее характерными были такие: «Собственными силами расправляться с гражданскими лицами и комиссарами», «Политкомиссаров в плен не брать», «Не допускать проявлений человечности» и т.д. [Römer, 2008: 114, 167, 189]. В ряде документов на уровне корпусов и дивизий жертвы обозначены уже как «большевики и комиссары» [Römer, 2008: 93]. Такая поправка означала, по сути, установку на ликвидацию также всех коммунистов, находившихся в рядах Красной армии.

Парадокс ситуации заключался в том, что к началу войны в РККА института комиссаров как такового фактически не существовало. Вместо него была введена специальная должность заместителя командира по политической части, что было обусловлено предвоенной политикой наркома обороны маршала С. Тимошенко по укреплению

единоначалия в армии [Русский архив, т. 13, 1994: 163; Маршал С.К. Тимошенко, 1994: 383–384]. Только 16 июля 1941 г. в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР в армии был вновь введен институт военных комиссаров [Русский архив, т. 16, 1996: 77]. 20 июля уже новый нарком обороны И. Сталин и начальник Главного политического управления РККА Л. Мехлис подписали директиву, которая конкретизировала задачи комиссаров и их статус в структуре вооруженных сил [Русский архив, т. 17-6, 1996: 48–51]. Из этого примера видна вся противоречивость ситуации — «преступный приказ» издан, а категория жертв, на которую он распространялся — по факту отсутствует. Это обстоятельство также не могло не повлиять на полный произвол в определении круга лиц, подлежащих ликвидации. На сегодняшний день в немецкой историографии существует немалое число качественных работ, анализирующих самые разнообразные аспекты появления этого приказа — от самой идеи его издания, процесса разработки и обсуждения в различных инстанциях вплоть до подписания окончательной редакции, но без соотнесения с реальной структурой противостоящего вермахту противника³⁰. Можно предположить, что в представлении нацистских идеологов «комиссар» выступал в качестве своеобразного собирательного образа активного политического противника рейха — носителя враждебной коммунистической идеологии

³⁰ См., напр., уже упомянутые работы Ф. Рёмера, а также обобщающий обзор В. Ветте [Wette, 2002: 95–103].

и предводителя сопротивления, благодаря действиям которого советские солдаты вообще способны более-менее организованно сражаться. Это несоответствие реальных комиссаров их воображаемым аналогам, проблема устной передачи приказа из штабов низовым исполнителям в условиях сложной армейской иерархии и полной секретности, а также интенсивное воздействие нацистской пропаганды в конечном итоге привели к появлению многочисленных интерпретаций одного и того же понятия, когда содержание самого приказа и то, как он отразился в сознании солдат и офицеров вермахта, существенным образом отличались.

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА ПЛЕННЫХ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ

С конца июля 1941 г. на всем протяжении южного крыла Восточного фронта отмечается стремительная эскалация насилия. Уже 29-го числа начальником тылового района группы армий «Юг» К. фон Рокком был издан секретный приказ о расстреле всех красноармейцев, отказавшихся добровольно сдаться в плен оккупационным властям³¹. Но тогда ситуация на фронте была существенно иной, нежели месяц спустя, поскольку всё еще сохранялась уверенность в возможности разгромить Красную армию в самое ближайшее время, и это не привело к неуправляемому террору, хотя

³¹ Речь шла о всех красноармейцах, по тем или иным причинам оказавшихся в тылу немецких войск. См.: National Archives and Records Administration (NARA). RG. 242. T-501. R. 5. 000476.

отдельные крупные расстрелы всё же имели место³². Так, во время летнего наступления в районе Ровно, 2-й батальон 35-го пехотного полка 125-й пехотной дивизии вермахта был практически полностью уничтожен. В ответ на это командир дивизии отдал устный приказ: в следующие 10 дней пленных не брать. В последующие дни отчеты о боевых действиях дивизии заканчивались так: «Пленных нет»³³. В середине августа на подступах к Херсону силами только одной дивизии было расстреляно около 4 тыс. чел., попавших в плен за последние три дня боев в качестве акции возмездия за якобы жестокое обращение и казни немецких солдат, оказавшихся в советском плену [Керн, 2008: 49–50].

Однако к началу сентября расстрелы пленных стали приобретать черты эпидемии. Вермахт, будучи не в силах сломить советское сопротивление, увидел в массовом терроре единственный способ заставить противника сдаться, что в свою очередь привело к дальнейшему раскручиванию спирали насилия. Уже 11 сентября 1941 г., накануне гигантского окружения соединений Юго-Западного фронта под Киевом, немецким войскам был спущен приказ о немедленном расстреле всех красноармейцев, захваченных в плен после 19 сентября в гражданской или полугражданской одеж-

де³⁴. Как показывают дальнейшие события, этот приказ не был пустым звуком или простой попыткой запугать противника карательными мерами в отношении всех тех, кто откажется капитулировать в почти безвыходной ситуации. Речь шла о предписании командования, имевшем реальную силу. Не случайно командующий итальянского экспедиционного корпуса на Восточном фронте Дж. Мессе после войны вспоминал, как один из функционеров министерства иностранных Германии во время официальной речи открыто заявлял: «Русские пленные по большей части расстреливаются, особенно те, которые, оставаясь в окружении, оборонялись до последнего патрона» [Мессе, 2009: 70]. По свидетельству очевидцев, на территории киевского «котла» солдаты вермахта организовали расправу над большинством раненых и больных, которых не успели эвакуировать на восток³⁵. Другие источники также подтверждают тезис о массовом истреблении значительной части оказавшихся в плену красноармейцев вблизи населенных пунктов сразу же после их захвата по всей территории Украины, а также во время конвоирования или транспортировки в тыловые районы³⁶. Одно из самых массовых убийств произошло буквально сразу

³² При этом начиная с первых дней войны одиночек в плен не брали, а тяжелораненых добывали на месте. По словам немецких военнопленных, летом–осенью 1941 г. это происходило повсеместно. См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 39. Л. 73; Д. 42. Л. 4.

³³ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 151. Д. 14. Л. 24.

³⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 96. Л. 114.

³⁵ ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 355. Арк. 84; Оп. 23. Спр. 227. Арк. 3 зв.; Спр. 228. Арк. 4; Спр. 237. Арк. 3 зв.; Спр. 254. Арк. 8 зв.; Спр. 256. Арк. 22, 27 зв.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 42. Л. 18, 67, 71; USHMM. RG. 06.025*02. N-18762. Т. 11. F. 235; Т. 12. F. 266. 269; Т. 16. F. 309, 322; Т. 17. F. 326.

по окончании летне-осенней кампании — в декабре 1941 г. неподалеку от с. Каракубстрой Старобешевского района Сталинской области. Приблизительные подсчеты количества жертв этой расстрельной акции дают цифру порядка 6 тыс. чел.³⁷ По словам немецких солдат и офицеров, которые в свою очередь оказались в плену у Красной армии, таких массовых расстрелов советских пленных, как в 1941 г., в дальнейшем больше не происходило³⁸. Абсолютное большинство пленных, уничтоженных в зоне боевых действий, так и остались неучтенными в официальной статистике, а 1941 г. побил печальный «рекорд» по количеству пленных, уничтоженных вне лагерей, поскольку подразделения вермахта и СС не было никакого смысла регистрировать массовые казни красноармейцев, да и не было технической возможности осуществить это в условиях маневренной войны. Поэтому вполне можно согласиться с теми историками, которые выступают за пересчет общего числа лиц, оказавшихся в немецком плену, в сторону существенного увеличения.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Как показали события 1941 г. на Восточном фронте, массовые убийства военнопленных зачастую были спровоцированы не только нацистской идеологией войны

³⁷ USHMM. RG. 22.016. В. 3. F. 23. 244-2980-54-205.

³⁸ Это характерно не только для территории СССР, но и для лагерей, расположенных непосредственно на территории Германии. См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 28. Л. 38.

на уничтожение и соответствующими приказами командования, но и тем морально-психологическим эффектом, которое производило упорное сопротивление советских войск. И в этом отношении свою роль также сыграли жестокие реалии войны сами по себе, не всегда в прямой взаимосвязи с идеологическими установками или приказами военного командования и политического руководства. На деле это привело к тому, что некоторые немецкие военнослужащие в какой-то момент решили для себя, что любой «красный», будь то комиссар или же простой солдат, может и должен быть расстрелян на месте, особенно в случае отказа добровольно сдаться в плен и активного отпора оккупантам до пленения. В конечном итоге риску быть уничтоженным подвергался любой оказавшийся в плену красноармеец вне зависимости от его служебного положения, звания, национальности или гендерной принадлежности. Это была своего рода стрессовая реакция на психологическую неготовность немцев к затягиванию войны. Нельзя исключать и той возможности, что именно инициатива радикализации методов ведения войны, исходившая «снизу», способствовала появлению соответствующих приказов ОКХ и ОКВ уже в ходе боевых действий, а не наоборот. События этого периода также продемонстрировали, что традиционное для историографии Второй мировой войны разделение военных операций, оккупационной политики и сопутствующих ей военных преступлений на несколько не связанных между собой составляющих не является оправ-

данным. Необходимо учитывать очень тесную взаимосвязь между войной в оперативно-стратегическом смысле, войной на уничтожение и планами экономической эксплуатации советской рабочей силы, так же как и то обстоятельство, что массовый террор и полнейший произвол при определенных условиях вполне может сосуществовать с прагматическими геополитическими и экономическими расчетами долгосрочного характера.

REFERENCES

1941 god: V 2 kn. Kn. 1. Pod red. V.P. Namumova. Moscow, 1998.

Alexiev A. Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941–1945. Santa-Monica, 1982.

Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma: Istoricheskie ocherki. Dokumenty i materialy. T. 2: Agressiya protiv SSSR. Padenie «tret'ey imperii» 1941–1945. Sost. V.I. Dashichev. Moscow, 1973.

Bartov O. The Eastern Front, 1941–1945: German Troops and the Barbarization of Warfare. 2nd ed. New York, 2001.

Basistov Yu.V. Osoby teat voennykh deystviy: Listovki na frontakh Vtoroy mirovoy voyny. Saint Peterburg, 1999.

Bennett E. Franklin D. Roosevelt and the Search for Victory: American-Soviet Relations, 1939–1945. Wilmington, 1990.

Beutestücke: Kriegsgefangene in der deutschen und sowjetischen Fotografie 1941–1945. Katalog. Margot Blank, Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst (Hrsg.). Berlin, 2003.

Blau G. The German Campaign in Russia: Planning and Operations (1940–1942). Washington, DC, 1955.

Böhler J. Auftakt zum Vernichtungskrieg: Die Wehrmacht in Polen 1939. Frankfurt am Main, 2006.

Bryutmann T. Voennoe nasilie: Zapadnyy front, Vostochnyy front — dve raznykh voyny? Voyna na unichtozhenie: Natsistskaya politika genotsida na territorii Vostochnoy Evropy. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (26–28 aprelya 2010 goda). Moscow, 2010. S. 115–120.

Cherushev N.S. 1937 god: Elita Krasnoy Armii na golgofo. Moscow, 2003.

Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4: Der Angriff auf die Sowjetunion. Militärgeschichtliches Forschungsamt (Hrsg.). Stuttgart, 1983.

Datner Sh. Prestupleniya nemetsko-fashistskogo vermakhta v otnoshenii voennoplennykh vo Vtoroy mirovoy voyne. Moscow, 1963.

Dembitskiy N.P. Plen — tragediya millionov sovetskikh boytsov i komandirov (1941–1945 gg.). Moscow, 2010.

Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analysen, Dokumente / G. Ueberschär, W. Wette (Hrsg.). Paderborn, 1984.

Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof, Nürnberg, 14. November 1945 — 1. Oktober 1946. Bd. 31: Sekretariat des Gerichtshofs. Nürnberg, 1948.

Der Untermensch. Bearbeitet: SS-Hauptamt — Schulungsamt. Berlin, 1942.

Deyton L. Vtoraya mirovaya: oshibki, promakhi, poteri. Moscow, 2000.

Die Wehrmacht 1941: Um die Freiheit Europas. Herausgegeben vom Oberkommando der Wehrmacht. Bearbeitet von K. Fischer. Berlin, 1941.

Dugas I.A., Cheron F.Ya. Sovetskie voennoplennyye v nemetskikh kontslageryakh (1941–1945). Moscow, 2003.

Evans R. Tretiy reykh: Dni voyny. 1939–1945. M.; Ekaterinburg, 2011.

Flyayshman G. Po kolenu v krov: Otkroveniya esesovtza. Moscow, 2009.

Fritz S. Ostkrieg: Hitler's War of Extermination in the East. Lexington, 2011.

Gal'der F. Voennyi dnevnik: Ezhednevnyye zapisi nachal'nika General'nogo shtaba sukhoputnykh voysk 1939–1942 gg. T. 2: Ot zaplanirovannogo vtorzheniya v Angliyu do nachala Vostochnoy kampanii (1.7.1940–21.6.1941). Moscow, 1969.

Glants D. Koloss poverzhennyy: Krasnaya Armiya v 1941 godu. Moscow, 2008.

Hartman K. Planirovanie Gitlerom voyny na unichtozhenie protiv Sovetskogo Soyuz. Vestnik MGIMO – Universiteta. Spetsial'nyy vypusk. Moscow, 2009.

Hartmann Chr. Massensterben oder Massenvernichtung? Sowjetische Kriegsgefangene im «Unternehmen Barbarossa». Aus dem Tagebuch eines deutschen Lagerkommandanten. Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2001. Bd. 49. S. 97–158.

Hartmann Chr. Wehrmacht im Ostkrieg: Front und militärisches Hinterland 1941/42. München, 2009.

Hillgruber A. Hitlers Strategie: Politik und Kriegführung 1940–1941. Frankfurt am Main, 1965.

Hull I.V. The Military Campaign in German Southwest Africa, 1904–1907. GHI Bulletin. 2005. N 37 (Fall). P. 39–44.

Hürter J. Hitlers Heerführer: Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42. München, 2006.

Jackson J. The Fall of France: The Nazi Invasion of 1940. New-York; Oxford, 2003.

Kern E. Plyaska smerti: Vospominaniya unserturmfyurera SS, 1941–1945. Moscow, 2008.

Kershov R. 1941 god glazami nemtsev: Bezrezovye kresty vmesto Zheleznykh. Moscow, 2010.

Khart S. et al. Ryadovye vermakhta i SS: Nemetskiy soldat Vtoroy mirovoy voyny. Moscow, 2006.

Krausnick H., Wilhelm H.-H. Die Truppe des Weltanschauungskrieges: Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei des SD 1938–1942. Stuttgart, 1981.

Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab). Bd. 1: 1. August 1940 – 31. Dezember 1941 / H.-A. Jacobsen. Frankfurt am Main, 1965. *Lusane C.* Hitler's Black Victims: The Historical Experiences of Afro-Germans, European Blacks, Africans, and African Americans in the Nazi Era. New York; London, 2003.

Luzherenko V.K. Plen: tragediya millionov. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945: Voeno-istoricheskie ocherki: V 4 kn. Kn. 4: Narod i voyna. Moscow, 1999.

Mann K. SS-Totenkopf: Istoriya divizii SS «Mertvaya golova». 1940–1945. Moscow, 2006.

Marinchenko A.A. «Vnesti razdory mezhdu narodami...»: Rasovaya politika nemetskiikh vlastey v otnoshenii sovetskiikh voennoplennykh, 1941 – nachalo 1942 goda // Novaya i noveyshaya istoriya. 2014. № 2. S. 59–91.

Marshal S.K. Timoshenko. Portugal'skiy R.M. i dr. Moscow, 1994.

Megargee G. War of Annihilation: Combat and Genocide on the Eastern Front, 1941. Lanham, 2006.

Messe Dzh. Voyna na Russkom fronte: Italiyanskiy ekspeditsionnyy korpus v Rossii (K.S.I.R.). Moscow, 2009. *Mitcham S.W.* The Rise of the Wehrmacht: The German Armed Forces and World War II. Vol. 1. Westport, 2008.

Myagkov M.Yu. Bitva pod Moskvoy: ot oborony k kontrnastupleniyu. Novaya i noveyshaya istoriya. 2010. № 3. S. 22–61.

Nyurnbergskiy protsess: Sbornik materialov: V 8 t. T. 4. Otv. red. A.Ya. Sukharev. Moscow, 1990.

Otkroveniye i priznaniya: Natsistskaya verkhushka o voynе «tret'ego reykhа» protiv SSSR. Sekretnye rechi. Dnevnik. Vospominaniya / Per. s nem. i sost. G.Ya. Rudoy. Moscow, 1996.

Pedfild P. Reykhsfyurer SS. Smolensk, 2002.

Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbesatzung und einhei-

мische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. Frankfurt am Main, 2011.

Rass Chr. «Menschenmaterial»: Deutsche Soldaten an der Ostfront. Innenansichten einer Infanteriedivision 1939–1945. Paderborn, 2003.

Ripli T. Istoriya voysk SS. 1925–1945. Moscow, 2009.

Römer F. Der Kommissarbefehl: Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42. Paderborn, 2008.

Römer F. Die Wehrmacht und der Kommissarbefehl: Neue Forschungsergebnisse. Militärgeschichtliche Zeitschrift. 2010. Bd. 69. S. 243–274.

Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. T. 13 (2–1): Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR. 1937 – 22 iyunya 1941 g. Moscow, 1994.

Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. T. 16 (5–1): Stavka VGK. Dokumenty i materialy. 1941 god. Pod. obshch. red. V.A. Zolotareva. Moscow, 1996.

Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. T. 17-6 (1-2): Glavnye politicheskie organy Vooruzhennykh Sil SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. Dokumenty i materialy. Pod. obshch. red. V.P. Zimoni-na. Moscow, 1996.

Scheck R. Hitler's African Victims: The German Army Massacres of Black French Soldiers in 1940. Cambridge, 2006.

Shneer A. Plen. T. 2. Ierusalim, 2003.

Smyslov O.S. Plen: Zhizn' i smert' v nemetskikh lageryakh. Moscow, 2014.

Streim A. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa»: Eine Dokumentation unter Berücksichtigung der Unterlagen deutscher Strafvollzugsbehörden und der Materialien der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung von NS-Verbrechen. Heidelberg, 1981.

Streit Chr. Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Bonn, 1997.

Suvenirov O.F. Tragediya RKKA 1937–1938. M., 1998.

The Nuremberg Interviews: An American Psychiatrist's Conversations with the Defendants and Witnesses / L. Goldensohn, R. Gellately. New York, 2004.

Voenno-plennyye v SSSR. 1939–1956: Dokumenty i materialy. Pod. red. M.M. Zagoru-l'ko. M., 2000.

Weale A. The SS: A New History. London, 2010.

Weinberg G. German Diplomacy Toward the Soviet Union // Operation Barbarossa: The German Attack on the Soviet Union, June 22, 1941. J.L. Wiczynski. Salt Lake City, 1993. P. 318–322.

Wette W. Die Wehrmacht: Feindbilder. Vernichtungskrieg. Legenden. Frankfurt am Main, 2002.

Williamson G. The SS: Hitler's Instrument of Terror. London, 1995.

Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962.

Zemskov V.N. «Statisticheskiiy labirint»: Obshchaya chislennost' sovetskikh voennoplennyykh i masshtaby ikh smertnosti. Rossiyskaya istoriya. 2011. № 3. S. 22–32.

Zimmerer J. Annihilation in Africa: The «Race War» in German Southwest Africa (1904–1908) and Its Significance for a Global History of Genocide. GHI Bulletin. 2005. N 37 (Fall). P. 51–57.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1941 год: В 2 кн. Кн. 1 / Под ред. В.П. Наумова. М., 1998.

Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2: Агрессия против СССР. Падение «третьей империи» 1941–1945 / Сост. В.И. Дашичев. М., 1973.

Басистов Ю.В. Особый театр военных действий: Листовки на фронтах Второй мировой войны. СПб., 1999.

Брютманн Т. Военное насилие: Западный фронт, Восточный фронт — две разных войны? // Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (26–28 апреля 2010 года). М., 2010. С. 115–120.

Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы / Под. ред. М.М. Загорюлько. М., 2000.

Галдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 2: От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1.7.1940–21.6.1941). М., 1969.

Гланц Д. Колосс поверженный: Красная Армия в 1941 году. М., 2008.

Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963.

Дейтон Л. Вторая мировая: ошибки, промахи, потери. М., 2000.

Дембицкий Н.П. Плен — трагедия миллионов советских бойцов и командиров (1941–1945 гг.). М., 2010.

Дугас И.А., Черон Ф.Я. Советские военнопленные в немецких концлагерях (1941–1945). М., 2003.

Земсков В.Н. «Статистический лабиринт»: Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 22–32.

Керн Э. Пляска смерти: Воспоминания унтерштурмфюрера СС, 1941–1945. М., 2008.

Кершоу Р. 1941 год глазами немцев: Березовые кресты вместо Железных. М., 2010.

Лужеренко В.К. Плен: трагедия миллионов // Великая Отечественная война 1941–1945: Военно-исторические очерки: В 4 кн. Кн. 4: Народ и война. М., 1999.

Манн К. SS-Totenkopf: История дивизии СС «Мертвая голова». 1940–1945. М., 2006.

Маринченко А.А. «Внести раздоры между народами...»: Расовая политика немецких властей в отношении советских военнопленных, 1941 — начало 1942 года // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 59–91.

Маршал С.К. Тимошенко / Португальский Р.М. и др. М., 1994.

Мессе Дж. Война на Русском фронте: Итальянский экспедиционный корпус в России (К.С.И.Р.). М., 2009.

Мягков М.Ю. Битва под Москвой: от обороны к контрнаступлению // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 22–61.

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 8 т. Т. 4 / Отв. ред. А.Я. Сухарева. М., 1990.

Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания / Пер. с нем. и сост. Г.Я. Рудой. М., 1996.

Пэдфилд П. Рейхсфюрер СС. Смоленск, 2002.

Рипли Т. История войск СС. 1925–1945. М., 2009.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2-1): Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 — 22 июня 1941 г. М., 1994.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5-1): Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год / Под. общ. ред. В.А. Золотарева. М., 1996.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17-6 (1-2): Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы / Под. общ. ред. В.П. Зимонина. М., 1996.

Смыслов О.С. Плен: Жизнь и смерть в немецких лагерях. М., 2014.

Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998.

Фляйшман Г. По колено в крови: Откровения эсэсовца. М., 2009.

Харт С. и др. Рядовые вермахта и СС: Немецкий солдат Второй мировой войны. М., 2006. Хартман К. Планирование Гитлером войны на уничтожение против Советского Союза // Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск. М., 2009.

Черушев Н.С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М., 2003.

Шнеер А. Плен. Т. 2. Иерусалим, 2003.

Эванс Р. Третий рейх: Дни войны. 1939–1945. М.; Екатеринбург, 2011.

Alexiev A. Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941–1945. Santa-Monica, 1982.

Bartov O. The Eastern Front, 1941–1945: German Troops and the Barbarization of Warfare. 2nd ed. New York, 2001.

Bennett E. Franklin D. Roosevelt and the Search for Victory: American-Soviet Relations, 1939–1945. Wilmington, 1990.

Beutestücke: Kriegsgefangene in der deutschen und sowjetischen Fotografie 1941–1945. Katalog / Margot Blank, Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst (Hrsg.). Berlin, 2003.

Blau G. The German Campaign in Russia: Planning and Operations (1940–1942). Washington, DC, 1955.

Böhler J. Auftakt zum Vernichtungskrieg: Die Wehrmacht in Polen 1939. Frankfurt am Main, 2006.

Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4: Der Angriff auf die Sowjetunion. Militärgeschichtliches Forschungsamt (Hrsg.). Stuttgart, 1983.

Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analysen, Dokumente / G. Ueberschär, W. Wette (Hrsg.). Paderborn, 1984.

Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Mil-

itärgerichtshof, Nürnberg, 14. November 1945 – 1. Oktober 1946. Bd. 31: Sekretariat des Gerichtshofs. Nürnberg, 1948.

Der Untermensch / Bearbeitet: SS-Hauptamt – Schulungsamt. Berlin, 1942.

Die Wehrmacht 1941: Um die Freiheit Europas. Herausgegeben vom Oberkommando der Wehrmacht / Bearbeitet von K. Fischer. Berlin, 1941.

Fritz S. Ostkrieg: Hitler's War of Extermination in the East. Lexington, 2011.

Hartmann Chr. Massensterben oder Massenvernichtung? Sowjetische Kriegsgefangene im «Unternehmen Barbarossa». Aus dem Tagebuch eines deutschen Lagerkommandanten // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2001. Bd. 49. S. 97–158.

Hartmann Chr. Wehrmacht im Ostkrieg: Front und militärisches Hinterland 1941/42. München, 2009.

Hillgruber A. Hitlers Strategie: Politik und Kriegführung 1940–1941. Frankfurt am Main, 1965.

Hull I.V. The Military Campaign in German Southwest Africa, 1904–1907 // GHI Bulletin. 2005. N 37 (Fall). P. 39–44.

Hürter J. Hitlers Heerführer: Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42. München, 2006.

Jackson J. The Fall of France: The Nazi Invasion of 1940. New-York; Oxford, 2003.

Krausnick H., Wilhelm H.-H. Die Truppe des Weltanschauungskrieges: Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei des SD 1938–1942. Stuttgart, 1981.

Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab). Bd. 1: 1. August 1940 – 31. Dezember 1941 / H.-A. Jacobsen. Frankfurt am Main, 1965.

Lusane C. Hitler's Black Victims: The Historical Experiences of Afro-Germans, European Blacks, Africans, and African Americans in the Nazi Era. New York; London, 2003.

Megargee G. War of Annihilation: Combat and Genocide on the Eastern Front, 1941. Lanham, 2006.

Mitcham S.W. The Rise of the Wehrmacht: The German Armed Forces and World War II. Vol. 1. Westport, 2008.

Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. Frankfurt am Main, 2011.

Rass Chr. «Menschenmaterial»: Deutsche Soldaten an der Ostfront. Innenansichten einer Infanteriedivision 1939–1945. Paderborn, 2003.

Römer F. Der Kommissarbefehl: Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42. Paderborn, 2008.

Römer F. Die Wehrmacht und der Kommissarbefehl: Neue Forschungsergebnisse // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 2010. Bd. 69. S. 243–274.

Scheck R. Hitler's African Victims: The German Army Massacres of Black French Soldiers in 1940. Cambridge, 2006.

Streim A. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa»: Eine Dokumentation unter Berücksichtigung der Unterlagen deutscher Strafverfolgungsbehörden und der Materialien der

Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung von NS-Verbrechen. Heidelberg, 1981.

Streit Chr. Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Bonn, 1997.

The Nuremberg Interviews: An American Psychiatrist's Conversations with the Defendants and Witnesses / L. Goldensohn, R. Gellately. New York, 2004.

Weale A. The SS: A New History. London, 2010.

Weinberg G. German Diplomacy Toward the Soviet Union // Operation Barbarossa: The German Attack on the Soviet Union, June 22, 1941 / J.L. Wiecezynski. Salt Lake City, 1993. P. 318–322.

Wette W. Die Wehrmacht: Feindbilder. Vernichtungskrieg. Legenden. Frankfurt am Main, 2002.

Williamson G. The SS: Hitler's Instrument of Terror. London, 1995.

Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962.

Zimmerer J. Annihilation in Africa: The «Race War» in German Southwest Africa (1904–1908) and Its Significance for a Global History of Genocide // GHI Bulletin. 2005. N 37 (Fall). P. 51–57.

В.С. Измозик

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО В 1930-е гг.: ХРУПКОЕ ЕДИНСТВО

Рец.: *Кедров Н.Г.* Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 280 с.

Книга Николая Геннадьевича Кедрова, кандидата исторических наук, уроженца Устюжны, выпускника Вологодского педагогического университета и Европейского университета в Санкт-Петербурге, посвящена проблеме познания сталинизма через изучение крестьянства Русского Севера. В предисловии автор подчеркивает, что тема исследования носит для него во многом личностный характер, ибо его предки были теми людьми, в общении с которыми он сталкивался со многими из тех представлений, которые впоследствии сформировались в сознании ученого-историка как «специфические черты крестьянской ментальности» (с. 9).

Вмешиваясь в спор отечественных «тоталитаристов» и «ревизионистов», Н.Г. Кедров приходит к мысли о необходимости поиска новой методологической основы. Автор считает, что приверженцы тоталитарной модели видят в 1930-е гг. лишь тоталитарное государство, «основным способом действий которого выступали репрессии и на-

гнетание страха» (с. 22). В свою очередь, «ревизионисты», по его мнению, уверены, что сталинский режим соответствовал задачам модернизации страны и становления индустриального общества. К тому же в силу слабости центральной власти она оказалась способна лишь слабо откликаться на различные движения внутри общества, делегируя значительные полномочия на места. В этом сторонники данной концепции видят причины извращений при проведении коллективизации и репрессий 1937–1938 гг. (с. 22–23). В результате Николай Геннадьевич в силу своего жизненного опыта и научных знаний видит выход в обращении к изучению поведения «маленького человека» в реальной ситуации того времени, социокультурной эволюции жителей села. При этом Н.Г. Кедров подчеркивает значимость для него подходов американских историков С. Коткина и Ш. Фицпатрик, а также авторов «школы советской субъективности» — политолога О.В. Хорохордина и историка С.В. Ярова. При написании моно-

графии были использованы три основных комплекса источников: материалы политического контроля (политические сводки, информационные сообщения, докладные записки, перлюстрация), «письма во власть» (заявления, прошения, жалобы в редакции газет, органы власти, партийным и советским вождям), материалы политического следствия – при условии их источниковедческого анализа. Работа включает «Введение», четыре главы: «Возможные контексты: историография и источники», «Власть и крестьянство: характер политической коммуникации», «Образы власти в крестьянском сознании: характер политической репрезентации», «Крестьянская идентичность: характер социокультурной эволюции» – и «Заключение. Сталинизм и крестьянство: социокультурный аспект», а также библиографию и именную указатель.

Во второй главе «Власть и крестьянство: характер политической коммуникации» сделана попытка исследовать восприятие идеологических концептов власти в массовом сознании советского крестьянства по трем линиям: принятие, отвержение и опосредованное использование на протяжении трех исторических отрезков 1930-х гг.: в период «великого перелома», в условиях т.н. сталинского «неонэпа» и в обстановке «большого террора» 1937 г. Соглашаясь с мнением большинства исследователей, что коллективизация на рубеже 1920–1930-х гг. превратилась в новый виток Гражданской войны, автор стремится понять, как крестьянство Русского Севера воспринимало политику

коллективизации и ее пропагандистское оформление. Рассматривая многочисленные официальные кампании 1929–1930 гг., Николай Геннадьевич подчеркивает, что в агитационных материалах делался основной упор на объяснение коллективизации как, во-первых, революционный переход от мелкокапиталистических к социалистическим формам ведения хозяйства; и, во-вторых, как классовой битвы, что предполагало внедрение в массы представлений о социальном неравенстве и социальных антагонизмах.

Самое интересное во второй главе – показ того, как крестьянская масса воспринимала официальные лозунги. Среди мотивов их принятия исследователь отмечает демонстрацию политической лояльности государству; эгалитарный мотив, понимавшийся нередко как перераспределение имущества; низовой энтузиазм, также имевший место. «Неистовые ревнители» доходили до попыток распространить идею «социалистического переустройства» на сферу сексуальных отношений. Председатель коммуны «Первомайская» под этим лозунгом добивался близости от своих коммунарок. Председатель колхоза «Нива» поставил на собрании вопрос о некоей Антоновой, предлагая назначить ее за связь с крестьянином – не членом данного колхоза.

Новизна позиции автора здесь в том, что он не повторяет широко известных фактов о массовом сопротивлении коллективизации, а стремится вычленить «возможные стратегии» осмысления

и оправдания протеста жителями села. Автор подчеркивает, что крестьяне воспринимали происходящее как «неспокойное, смутное время» при резком ухудшении экономического положения. Указывая, что уровень политической грамотности северного крестьянства до конца 1930-х гг. оставался низким и не идеализируя массовое сознание, Николай Геннадьевич отмечает, что «самостоятельное осмысление ситуации оставалось, вероятно, уделом немногих, более образованных жителей деревни». Мы заметим, что в данном случае речь идет не о формальном образовании, а о людях, склонных к самообразованию, размышлению над увиденным и прочитанным и стремящихся выстроить некую концепцию происходящего. Примером такого человека являлся житель деревни Корбаньга В.А. Тихомиров. Он, в частности, говорил: «Правительство должно дать крестьянину полную собственность на землю. <...> нужно мужика оставить в покое. <...> Или власть большевиков победит крестьянство, или крестьянство победит власть» (с. 80). К сожалению, за кадром остается его биография и судьба. В массовом же сознании в этот момент, по мнению автора, преобладали разговоры о бесхозяйственности в колхозах; слухи о приближающейся войне и неустойчивости советской власти. В церковных кругах дополнительно бытовали представления о конце света и приходе Антихриста. Одновременно существовали, противоборствовали и переплетались темы классовой розни, крестьянской солидарности и противостояния миру города.

По мере победы власти над крестьянством, хотя и сопровождавшейся некоторыми уступками (разрешение приусадебных участков и личного скота и т.п.), к середине 1930-х гг. крестьянство Русского Севера, по наблюдению Н.Г. Кедрова, все более усваивало официальные пропагандистские концепты. Сельские активисты, местные руководители, ударники, последние единоличники; родственники высланных; лишившиеся имущества в ходе коллективизации — все они вынуждены были оглядываться на власть и в обращениях к ней использовать официальную риторику в своих интересах. Например, анализируя ситуацию с принятием т.н. «Сталинской Конституции» и выборами в Верховный Совет СССР в декабре 1937 г., автор делает следующий вывод: «В целом официозная модель восприятия конституционного концепта напоминает игру в символические подарки: власть обещала народу демократию и свободы, благодарный народ брался выполнить свои обязательства перед государством» (с. 115). И тут же показывает, что, например, верующие в данной ситуации использовали пропагандистские штампы в своих целях, добиваясь открытия церквей и права выбора в Советы представителей духовенства. Одновременно в обстановке «большого террора» внутренние конфликты, всегда присущие деревенской жизни, все чаще стали приобретать политическую окраску, «личный враг становился «врагом народа». В конечном счете, Николай Геннадьевич формулирует принципиальный вывод: «Власть смогла навязать крестьянству свое видение происходящих в стране событий, <...> смогла

заставить даже своих недоброжелателей и противников <...> говорить на своем политическом сленге», ставя индивида перед выбором: «либо принять иллюзорный мир, рисуемый пропагандой, либо стать изгоем в сложившемся социальном организме». В результате «крестьянин <...> включал себя в мир пропагандистской реальности, <...> становился соучастником политических акций власти. <...> Самостоятельность критических оценок <...> практически полностью исчезает к концу десятилетия» (с. 126–127).

В третьей главе «Образы власти в крестьянском сознании: характер политической репрезентации» автор, предварив свой анализ кратким, но содержательным изложением основных точек зрения на сущность политической культуры российского крестьянства (наивный монархизм, культ вождей, республиканская парадигма и т. д.), стремится обосновать собственную позицию. Он, прежде всего, предлагает рассматривать образ власти как совокупность крестьянских репрезентаций, выделив три их уровня. Первый – уровень формальной репрезентации – то, что зафиксировано в источниках (например, обращениях во власть). Второй – прагматика репрезентации – связан с теми целями, которые ставил перед собой индивид в данном акте. Третий уровень – надпрагматический – заключает в себе те представления индивида, которые не были им высказаны, но о наличии которых можно предполагать.

Следует отметить также добротное источниковедческое рассмотре-

ние источников. Анализируя обращения к политическим лидерам, Николай Геннадьевич указывает на принципиальную разницу между личными обращениями «во власть» и данными из политических сводок и содержанием крестьянского фольклора. Если для писем характерна мысль о непогрешимости «вождя», то другие источники показывают, что в большинстве случаев это был лишь необходимый конформистский прием, опровергая тем самым миф о реальной вере крестьян в данный постулат (с. 141, 146). Следует вывод, что в 1930-е гг. не приходится говорить о «наивном монархизме» селян Русского Севера. Наоборот власть «видится исключительно лживой силой» (с. 150). Но при этом автор, придерживаясь позиций историзма, не впадает и в другую крайность, а подчеркивает, что «оценка крестьянами высшей власти <...> на основе деревенских слухов и фольклора также неполна» (с. 153). В итоге он приходит к выводу, что его герои строили отношения с властью по формуле: «государство ничего не может дать, государство может лишь меньше взять», рассматривая вождей как «своеобразную апелляционную инстанцию» (с. 157).

Если говорить об отношении крестьян к местной власти, то Н.Г. Кедров здесь также рисует многоцветную картину, в которой есть и жалобы на пьянство местных работников, на присвоение чужого имущества, на злоупотребление властью, но и жалость, и сочувствие к государственным служащим, вынужденным проводить в жизнь решения высшей власти.

В итоге автор приходит к выводу о существовании двух моделей формальной репрезентации центральной власти и лидеров государства у сельского населения данного региона. Согласно первой, Сталин и центральная власть пользовались высочайшим авторитетом у жителей села. В другой модели «эта власть ненавидима и презираема крестьянами». Новизна позиции Н.Г. Кедрова в его утверждении, что обе эти модели «могли вполне мирно уживаться в воззрениях одного человека» (с. 196), а граница между ними проходила не в сознании людей, а зависела от конкретной ситуации, «в которой находился индивид» (с. 197). Другое важное заявление — что власть крестьяне оценивали в категориях «силы или слабости», а не в привычных для историков формах политического строя. Олицетворением власти являлись не институты, а персональные лидеры (с. 198).

Четвертая глава «Крестьянская идентичность: характер социокультурной эволюции» столь же интересна наблюдениями и размышлениями автора. Он стремится ответить на поставленный им самим вопрос: «продолжало ли российское крестьянство в 1930-е гг. оставаться крестьянством в узком смысле этого слова, т. е. сохраняло ли оно сословные в своей основе характеристики корпоративного сознания»? К маркерам социальной идентичности крестьянства Николай Геннадьевич относит понятие «крестьянин», антагонизм по отношению к городскому населению, труд на земле, стремление к свободе хозяйственной деятельности; разделение

на «бедняков», «средняков», «зажиточных» и «кулаков». При этом на рубеже 1920–30-х гг. и позже, как отмечает автор, «от грамотного использования этих социальных “бирок” порой зависела жизнь и благополучие рядового сельчанина. В период становления колхозной системы важными маркерами идентичности становятся категории “колхозников” и “единоличников”. «Ценой политической лояльности стал отказ от свободы хозяйствования» (с. 220). Одновременно слово «кулак» превращается в политический жупел, зато появляются реальные типы «сталинского ударника», стремящегося к обособлению от остальных жителей деревни, и группа руководителей колхозов. Все это рождало конфликт ценностей в массовом сознании жителей деревни, требовало их осмысления.

С этим связано и отношение к политическим ценностям. По мнению автора, оторванность крестьян от политической жизни, малообразованность, инертность мышления обуславливали отсутствие интереса к абстрактным политическим понятиям, партийным программам и т.п. Вместе с тем, постоянные кампании, инициированные властью, по борьбе с «кулаками», «вредителями», «врагами народа» также давали свои результаты, меняя людей не в лучшую сторону.

В конечном счете, автор подчеркивает, что в 1930-е гг. «власть ставила крестьянина в ситуацию сложного психологического выбора», стремясь получить приемлемый для себя ответ. Причем делать этот выбор приходилось в процессе

повседневной жизни. В результате распались нормы крестьянской идентичности, переставал быть ценностью сельский образ жизни. Социальный протест в 1930-е гг. был вытеснен из общественной в сферу частной жизни деревни. Унаследованный от имперской эпохи стереотип подданного продолжал существовать. Система отношений сталинского государства с крестьянством, способствуя обновлению социальной структуры села, создавая механизмы социальной мобильности, придавала известную стабильность политическому режиму. «Однако оно таило в себе изрядную долю будущих противоречий» (с. 256).

Необходимо отметить не просто хороший в целом литературный язык автора, но умение прибегать к яркой образности, позволяющей лучше понять образы времени и задачи, которые он перед собой ставит. Вот несколько примеров: «Целью настоящей главы является попытка <...> увидеть сквозь “одежды” крестьянской прагматики некие сущностные представления крестьянства о власти» (с. 136); «мы должны отдать должное системе советского политического контроля, готовой фиксировать все вплоть до “шелеста тараканов”, если бы те вдруг додумались поболтать между собой о Сталине» (с. 153); «государственная власть мыслилась крестьянами как застывшая в своем историческом движении, словно ледяные озера дантова ада» (с. 199); «Со времен Николая I о могуществе российского Левиафана было принято судить по состоянию нижних конечностей. К 1930-м годам колосс, раз-

умеется, приобулся, однако обувкой этой оказались старые и порядком изношенные крестьянские лапти».

Практически любая рецензия не должна обходиться без замечаний. Я могу говорить лишь об отдельных шероховатостях. Говоря о переписке колхозников-ударников с властью, инициированной последней, автор не касается вопроса, кто же был авторами текстов от имени ударников (с. 100). Понятно, что эти письма не были делом самих передовиков. Недостаточность сведений об отношении крестьянства к местной власти в политических сводках (с. 159), видимо, можно было восполнить данными перлюстрации. Остается непонятным, почему сельчанин Г.М. Беляев с жалобой на исключение из колхоза в 1933 г. обратился в Реввоенсовет СССР (с. 180)? Мог ли советский служащий в 1935 г. выступать на собрании «батрачества» (с. 194)?

В целом же, по нашему мнению, книга Н.Г. Кедрова стала важной вехой в изучении не только крестьянства Русского Севера, но и социально-политической системы сталинизма. Ее главное достоинство не столько в сообщении нового фактического материала, сколько в нестереотипном его осмыслении, постановке важных вопросов и предложенных ответах на них. Уверен, что монография будет замечена всеми учеными, кто занимается различными аспектами советской истории, особенно 1930-х гг. Пожелаем автору книги, чтобы за ней последовали новые труды, дополняющие, развивающие ее положения.

М.А. Графова

Рец.: *Brenk B. The apse, the image and the icon: a historical perspective of the apse as a space for images. Wiesbaden, 2010* (Бренк Б. Апсида, изображение и икона: апсида как пространство для изображений в исторической перспективе)

Книга известного историка искусства Беата Бренка — это попытка проследить генезис и развитие изображений в апсидах христианских церквей, начиная с античного времени и примерно до 7 в.

Автор монографии [Brenk, 2010] анализирует возникновение традиции украшать апсиды церквей изображениями. Он подчеркивает, что для правильного понимания этого процесса раннехристианские апсиды следует рассматривать прежде всего с точки зрения того, что им предшествовало — позднеантичной традиции декорированных апсид, а не того, чем стала эта традиция в последующих периодах христианского искусства. С точки зрения Бренка, это сложный многоступенчатый процесс, и поиск прямого континуитета к должным результатам не приведет.

Изображения на стенах церквей, в апсидах, на иконах, казалось бы, привычная и неотъемлемая часть жизни Церкви с древних времен. Вроде бы существенной проблемой не мог не быть прямой запрет, налагаемый в книге Второзакония, по крайней мере на трехмерные изображения: «проклят, кто сде-

лает изваянный или литой кумир, мерзость пред Господом, произведение рук художника, и поставит его в тайном месте! Весь народ возгласит и скажет: аминь» (Втор. 27:15). Вместе с тем интересно то, что изображений с самого раннего времени было много, а сам вопрос о допустимости изображений почти не обсуждался на уровне Соборов.

Книга Бренка, посвященная именно апсидам, касается, тем не менее, и спорного в наши дни вопроса о почитании икон в доиконоборческое время вообще¹. Но как справедливо указывает сам Бренк, «проблема в том, что сохранившиеся иконы 6–7 вв. не могут сообщить нам, творили ли они чудеса, но их существование и хорошая сохранность

¹ Тематика историографии иконоборчества и иконопочитания выходит за рамки данной рецензии, поэтому ограничимся короткой справкой. В последние десятилетия классические труды по раннему иконопочитанию (например, [Der Nersessian S., 1944–45: 58–87; Baynes, 1951: 54, 93–106; Kitzinger, 1954: 84–150]) зачастую подвергаются критике и пересмотру (например, [Speck, 1991: 163–247; Vrubaker, 1998: 1215–1254]). Под вопрос, в общем, ставятся житийные доиконоборческие источники раннего иконопочитания и, следовательно, сам вопрос о поклонении иконам вплоть до к. 7 в.

доказывает, что с 6 в. верующие чтители эти иконы» [Brenk, 2010: 96]. Цель автора — не отрицать почитание образов в 6–7 вв., но проследить и диверсифицировать виды этого почитания.

В первой главе, озаглавленной «Фонтаны, апсиды и значение воды», речь идет об источниках иконографии апсид церквей в раннехристианское время. В античное время апсида была популярной архитектурной формой при сооружении нимфейона — украшенного фонтана, который часто помещали во внутреннем дворике дома. Водяные и, в частности, морские мотивы были естественным выбором для их декорации [Brenk, 2010: Col. fig. 1–6]. По мысли Бренка, встречающиеся в раннехристианское время образцы использования таких мотивов — следствие компромисса, поиск возможности легитимизации изображения в контексте христианской церкви [Brenk, 2010: 22–23. Fig. 5–8]. Привычность и нейтральность в глазах зрителей сцен и деталей на темы моря и его даров, источников и населяющих их животных и фантастических существ делала эту тематику подходящей для переходного периода. Кроме того, с точки зрения автора, для легализации тем, связанных с образом моря, реки или источника, были и некоторые библейские основания (например, Быт. 13:10).

Запутанный символический язык многих произведений монументального искусства 4–н. 5 вв., к примеру, апсиды Латеранского баптистерия, был способом избежать неизбежных сложных вопросов, которые могли бы вызвать изображения Христа [Brenk, 2010: 25. Col. Fig. 11–12].

Вообще апсид 4–5 вв. сохранилось крайне мало, поэтому исследователи всегда имеют возможность выдвигать самые различные предположения на скудном материале. Как полагает Бренк, символически-декоративный язык имел куда большее значение в раннехристианский период, нежели принято считать. С его точки зрения, несохранившиеся или известные по недостоверным поздним данным древнейшие апсиды ранних больших базилик Рима — Сан Джованни ин Латерано, Сан Пьетро и Санта Мария Маджоре — не были фигуративными. Встречающиеся и в 6 в., в эпоху, судя по всему, уже развитого иконопочитания, такого рода символические сюжеты — это свидетельство прочности этой традиции, восходящей к периоду ок. 400 г., когда обычай украшать стены базилик мозаиками был поддержан и распространен такими выдающимися деятелями Церкви, как Паулин Ноланский, Амвросий Медиоланский и папа Сикст III. Созданные ими в конце 4 — первой половине 5 в. апсиды имели большое влияние на дальнейший процесс [Brenk, 2010: 27]².

Одно из доказательств этого важного тезиса о нефигуративных сюжетах ранних апсид Бренк видит в известном свидетельстве *Liber Pontificalis*³ о том, что Константин Великий установил перед апсидой Сан Джованнин ин Латерано так называемый *fastigium* — бронзовую конструкцию,

² Правда, не стоит всё же забывать о том, что вся эта область исследований построена в основном на догадках, и личное мнение Бренка остается всего лишь мнением.

³ Книга Пап, сборник раннесредневековых биографий римских понтификов.

на которой были закреплены большие серебряные статуи Христа, ангелов и апостолов. Само наличие этих статуй перед апсидой для него — показатель того, что образов в апсиде быть никак не могло [Brenk, 2010: 29. Fig. 12, 58]. Неправильной, по его мнению, является сама идея изучения памятника по более поздним стадиям традиции; их следует изучать, исходя из монументального искусства позднего Рима; именно *fastigium* изображает дошедшая до нас апсида Сант Аквилينو в Милане, где представлены Христос с собранием апостолов [Brenk, 2010: Col. Fig. 7–8].

Причем, согласно гипотезе Бренка, эта традиция нефигуративных апсид просуществовала гораздо дольше, чем это обычно принято считать. Пример такой лишённой образов и при этом достаточно поздней композиции — мозаика Санта Мария Делла Кроче аль Казаранелло [Brenk, 2010: Col. Fig. 14], относящаяся к 6 веку, где в слепом куполе радужная мандорла заключает в себе крест на фоне представляющих небо со звездами перетекающих друг в друга концентрических цветовых сфер, от темно-синего через сизо-серый к голубому. Сама тема этих символически-декоративных сюжетов кажется исследователю обделённой вниманием ученых [Brenk, 2010: 28].

Выводы данной главы представляются несколько противоречивыми: с одной стороны, автор считает, что Константиновский *fastigium* и положил начало официально санкционированным фигуративным изображениям в апсидах (доказательство он видит в том, что сохранившиеся ранние апсиды воспроизводят имен-

но этот сюжет — собрание Христа и двенадцати апостолов⁴), с другой — полагает, что традиция, заложенная упомянутыми выше видными деятелями Церкви 4–5 вв., заключалась именно в том, чтобы избегать образов, и эта традиция имела большое влияние вплоть до 6 в. Проблема такого рода выводов в том, что они основаны во многом на авторских предположениях, а источников так мало, что подтвердить или опровергнуть их почти невозможно.

Во второй главе автор исследует, как апсида стала пространством для сакрально значимых церковных изображений. Важный для исследователя христианского искусства вопрос состоит в том, есть ли прямая преемственность между античными традициями апсид храмов языческих божеств и помещений для императорского культа, с одной стороны, и апсидами раннехристианских церквей — с другой. Для изучения этого вопроса автор обращается к древней апсиде храма Марса-Мстителя, который сохранился в Риме на уровне фундамента. Он полагает, что эта апсида с предположительно содержащимися в ней статуями представляла из себя творение, основанное на уникальной и совершенно новой концепции, следствием чего был производимый на зрителей неповторимый эффект, который Бренк называет «визуальным культом» (*visual*

⁴ Имеется в виду явно одна из сохранившихся апсид Сант Аквилينو [Brenk, 2010: Col. Fig. 7–8]. Но почему тогда не упоминается апсида Сант Костанца, где Христос представлен с Петром и Павлом? В любом случае, если учесть, что от всего 4 в. дошло только несколько апсид, делать такие выводы на основании одного-двух примеров представляется представляется не вполне обоснованным.

cult) [Brenk, 2010: 34–36. Col. Fig. 16. Fig. 19–21]. Суть этого эффекта заключалась в том, что зрителям открывались статуи, стоящие в крупной открытой апсиде, полностью доступной взгляду. Однако храм Марса-Мстителя остается памятником *sui generis* (единственным в своем роде) [Brenk, 2010: 37], в более поздних римских храмах статуя божества обычно скрыта или еле видна (например, храм Августа в Лептис Магна, где вроде бы не могло не быть влияния Рима, апсиды не имеет вообще).

То есть, по выводу Бренка, идея преемственности между апсидами языческих храмов и христианских церквей (от статуй божеств к изображениям Христа) не подтверждается. Были ли в принципе в поздней Античности культовые пространства, в которых помещались апсиды с изображениями, имевшими сакральное значение? Они были в небольших помещениях, предназначенных для императорского культа, которые со времен храма Марса-Мстителя пристраивали к базиликам и другим зданиям на форуме (например, здание Августалий в античном Мисенуме, где *in situ* (на месте, т.е. без перемещения относительно первоначального местонахождения) были обнаружены статуи в нишах и апсидах) [Brenk, 2010: Fig. 24–26]. В принципе, таких примеров немного, один из самых интересных и значимых, приводимых в книге — это помещение для императорского культа, пристроенное при Диоклетиане к храму Аменофиса III в Луксоре. Там в составе большой композиции поклонения войск императорам впервые отмечены нимбы в изображениях императоров-тетрархов [Brenk, 2010: P. 43.

Col. Fig. 17–18. План: Fig. 40, 43–44]. Рассматриваемый вопрос о том, какое впечатление могли производить эти фрески во время ритуала, представляется не вполне актуальным, поскольку никаких источников на этот счет все равно нет [Brenk, 2010: 44].

Важно отметить, что в эпоху тетрархов из официального художественного арсенала начинают исчезать мифологические образы; теперь всё сосредоточено на образе власти и силы в чистом виде [Brenk, 2010: 45]. Характерными образцами этого стиля власти и силы являются величественное здание базилики Константина и Максенция в Риме, вмещавшее колоссальную статую Константина в роли Юпитера, и обновленный им же Адриановский храм Венеры и Ромы [Brenk, 2010; 46. Fig. 48–46], к которому в порядке реконструкции пристроили две огромные апсиды. Стоявшие в апсидах этих имперски великолепных сооружений статуи Константина, Ромы и Венеры были «последними колоссальными античными статуями, выразившими единство сферы имперского и мифологического» [Brenk, 2010: 48]⁵. Но, как известно, Константин не ограничился сферой официальной имперской репрезентации и поместил трехмерное изображение в пространство базилики Сан Джованни ин Латерано, уже упомянутый *fastigium* с серебряными статуями в 1,5 м высотой. С точки зрения Бренка, император таким образом создал двусмысленную ситуацию для верующих и клира

⁵ К сожалению, источников, в соответствии с которыми мы можем достоверно оценить, как именно оценивали смотрящие эти статуи, вызывали ли они то самое «визуальное почитание» (P. 49), в нашем распоряжении нет.

Рима, перенося фокус «визуального почитания» с языческих статуй на христианские: с одной стороны, христиане были обязаны проявлять лояльность по отношению к императору, а с другой — явно не могли с доверием принимать статую перед алтарем [Brenk, 2010: 57]⁶ и неминуемо были оскорблены реализацией этой идеи [Brenk, 2010: 58].

Итак, целью второй главы было прежде всего желание автора показать, что становление традиции украшения церковных апсид было сложным и нелинейным процессом, а континуитет между позднеантичными апсидами и раннехристианскими — вопрос неоднозначный [Brenk, 2010: 54].

В начале третьей главы, посвященной перемещению почитания Богородицы из частной в официальную церковную сферу, Бренк ставит вопрос о том, как же сформировались нормы декорации апсид. Принципиально новое значение апсиды христианской церкви заключалось в том, что она превращалась в собственно место свершения ритуала, чего не было в языческих храмах [Brenk, 2010: 58]. Приступая к вопросу об изображениях Богородицы, автор отмечает, что Церковь, в сущности, так и не решилась обсудить вопрос о допустимости собственно изображений⁷. Бренк наста-

ивает на том, что изображения надо исследовать отдельно от связанных с ними текстов, потому что прямой корреляции между этими явлениями нет [Brenk, 2010: 61].

Автор полагает, что почитание Богородицы возникло именно в частной сфере [Brenk, 2010: 66]. В доказательство приводит ряд аргументов. Самые ранние сохранившиеся изображения Богородицы — на саркофагах и золоченых стеклянных донышках. На ранних саркофагах Рождество было представлено редко, а Страсти и Распятие не изображались вовсе; но довольно часто появлялись сцены Поклонения волхвов [Brenk, 2010: 62–64], т. е. поклонение Христу как Царю, в связи с чем могла изображаться и Богородица на кресле с подножием, а иногда и торжественно одетой⁸. На золоченых донышках встречается только два женских имени: Агнессы (Аньезе), самой популярной римской святой того времени, и Марии, скорее всего, Богородицы [Brenk, 2010: Fig. 65–66]. Бренк не разделяет мнение Д.В. Ай-

Эльвино-Гранадским Собором 300–305/6 гг. [Brenk, 2010: 60], причем в Риме этот запрет был явно нереализуем.

⁸ Примером такого рода частной инициативы представлена одна из панелей деревянных дверей Санта Сабина, где в Поклонении волхвов Богородица изображена именно так [Brenk, 2010: 68, Fig. 72]. Поскольку изображение уникально, автор полагает, что это была именно частная инициатива художника, выражавшая его личное почитание Богородицы. Такого рода трактовка — а Санта Сабина являлась значимой римской церковью — представляется несколько необоснованной [Brenk, 2010: 69]. Приводятся и другие примеры [Brenk, 2010: 70–71] упоминаний имени Богородицы на предметах, исторический контекст которых неизвестен, и делается вывод о том, что Её почитание в описываемый период носило именно частный характер.

⁶ Упоминаемые автором вопросы о том, как именно верующие воспринимали *fasitigium*, апсиду Сан Джованни, а также что именно всё-таки было изображено в апсидах ранних римских базилик [Brenk, 2010: 52–55], ответа не имеют.

⁷ Церковь всего один раз подтвердила запрет, диктуемый Второй Заповедью (Втор 27:15), к тому же провинциальным

налова, А. Грабара и К. Им [Chr. Ihm] о том, что обнаруживаются в катакомбах и на ампулах из Монцы сцены с Марией — отражение древних и не сохранившихся апсид, более того, считает, что и в богородичной базилике Санта Мария Маджоре, где ранняя композиция в средние века была заменена сценой коронавания Богородицы Христом, эта первая апсида была либо декоративно-символической, либо же изображала Христа [Brenk, 2010: 77]; то же относится и к Сан Джованни ин Латерано, и к старому Сан Пьетро. Естественным образом, следующее звено размышлений касается огромного и уникального комплекса мозаик римской Базилики Санта Мария Маджоре, созданный по заказу понтифика Сикста III в 432–444 гг., и Беат Бренк, автор важнейшей монографии по этому памятнику [Brenk, 1975], конечно, не обошел его вниманием. С его точки зрения, эта базилика — поворотный момент в переходе от частного почитания Богородицы к официальному [Brenk, 2010: 71]; причем иконография мозаик не свидетельствует об официальном культе Богородицы [Brenk, 2010: 74], хотя, как признает Бренк, и мозаика посвящена Марии, о чем свидетельствует в том числе донаторская надпись папы, и в сцене Рождества Богородица одета как императрица, восседает на кресле в сопровождении ангелов, а Спаситель изображен младенцем в рубашке.

Первую известную по описаниям апсиду с Богородицей в Санта Мария ин Капуа Ветере Бренк считает поворотным пунктом в процессе перехода от частного почитания, но свидетельством не официального культа, а просто поклонения

изображению, того самого visual worship, визуального почитания [Brenk, 2010: 75–77]. Встречаются и композиции, где Христу и Богородице поклоняются в равной степени, как в сценах Поклонения волхвов или же на стенах нефа Сант Аполлинаре Нуово в Равенне [Brenk, 2010: 79. Col. Fig. 25–26].

Итак, каковы итоги третьей главы, посвященной почитанию Богородицы? Можно ли понять, и насколько, когда изображения в апсидах стали восприниматься именно как иконы? Справедливо заметив, что современные исследователи в сущности не могут представить себе, как и когда именно христиане стали почитать образы [Brenk, 2010: 83], автор делает вывод, что, раз подлинность многих источников в наши дни оспаривается, надо исходить именно из самих образов [Brenk, 2010: 84]. Понятно, что на христианском Западе почитание Богородицы распространяется с первой четверти 4 в, медленно проникая из частного пространства в официальное [Brenk, 2010: 77–78]. Свидетельство частного почитания в 4 в. — это в основном изображения на саркофагах и стеклянных доньшиках из катакомб. Следующая стадия — это мозаики Санта Мария Маджоре, которые, согласно Бренку, выражают всё же инициативу не столько Церкви, сколько лично папы. Ранние крупные образы Богородицы в монументальной декорации — на арке в Санта Мария Маджоре, в апсиде Санта Мария ин Капуа Ветере или базилике Сант Эуфрасио в Порече, а также в церкви Панагия Канакария в Литранкоми — есть свидетельство поклонения, но не культа, то есть молитвы смотрящих едва ли обращают

ся к образам Богородицы⁹, которые нужны для того, чтобы указать на человеческую природу Христа. Богородица никогда не изображается с молитвенными жестами, а как предстоятельница начинает восприниматься только в 6 в. [Brenk, 2010: 84]

Четвертая глава посвящена соотношению частного и официального в сфере церковных образов. С точки зрения Бренка, появление изображений в апсиде есть часть постепенного процесса того, как Церковь санкционировала почитание святых и стала его пропагандировать. Этой стадии — массовому появлению образов в апсидах — предшествовали более ранние, например, такие, как вотивные мозаики церкви св. Димитрия в Фессалонике, изображающие донаторов с Богородицей и святыми. С точки зрения Беата Бренка, они в принципе были не иконами, то есть молельными образами, а именно вотивными изображениями, то есть чем-то вроде санкционированного Церковью отчета о частной молитве данному святому и ее результате [Brenk, 2010: 90–91. Col. Fig. 28–30]. Бренк называет это явление «пропагандой изображений», «*image propaganda*»; таким образом, Церковь поощряла почитание образов, что является ранней стадией культа [Brenk, 2010: 91]. Более продвинутый вариант, уже на уровне апсид — это, например, апсиды рим-

ских церквей Сан Венанцо и Санти Косма э Дамиано. Они представляют собой сходный, но еще более развитый вариант такой «пропаганды изображений». Церковь в данном случае помещает изображение, поощряющее почитание образов, прямо в апсиде, причем в отношении базилики Косма э Дамиано автор полагает, что речь идет именно о частной инициативе папы [Brenk, 2010: 93–94].

Приводится еще один пример функции образа, отличный и от иконы, и от *ex-voto* (вотивный, то есть созданный по религиозному обету). Речь идет о некоторых сохранившихся образцах ранней коптской живописи, например, об известном изображении Христа с аббатом Миной. Это, по мысли автора, не икона и не вотивный образ, а средство поощрения почитания покойного настоятеля, который, как считает Бренк, даже не был святым, и о котором не дошло никаких сведений в документах [Brenk, 2010: 94–95].

Натянутой представляется попытка выстроить четкую линию эволюции в почитании Богородицы: от частного ареала к использованию в сфере монументальной декорации церквей, но лишь в качестве свидетельства. Так, попытки определить, к кому именно обращены молитвы на известной римской фреске вдовы Туртуры — к Богородице, как в основном полагали исследователи, или к Христу, как в рамках своей теории считает Бренк — едва ли можно считать плодотворными [Brenk, 2010: 92]. С точки зрения Бренка, встречающийся на ранних изображениях Богородицы императорский наряд (*María Regina*, «Царица небесная»),

⁹ Мне представляется, что проблема, связанная с такого рода методологией, это, прежде всего, скудость корпуса памятников. Вопрос о том, насколько тот или иной памятник может считаться «поворотным пунктом», при том, как мало их на самом деле сохранилось, остается открытым. Можно ли делать далеко идущие выводы на основании одной лишь малорепрезентативной подборки?

свидетельствует не о культе, а лишь о почитании.

Тем не менее, важным представляется то, что Беат Бренк приводит аргументы в пользу самой идеи почитания икон уже в 6 в., которая, как было указано выше, в наши дни подвергается сомнению как таковая [Brenk, 2010: 96]. Важнейшее значение для понимания функции образа имеет его местоположение. В раннее время, по данным письменных источников, иконы помещали чаще всего в атриуме, нартексе, нефях, но не в алтаре [Brenk, 2010: 100]; они не были частью ритуала.

Итак, в четвертой главе автор выделяет несколько типов изображения, которые обычно принято называть просто «иконами». Это, во-первых, собственно иконы, то есть образы, к которым обращались с молитвой, во-вторых, вотивные изображения, которые, по его мысли, являлись своего рода отчетом о действенной молитве святому или Богородице, а также панели типа Христа с аббатом Миной, которые создавались для поощрения почитания популярного деятеля Церкви. Вопрос о понимании предназначения каждого изображения во многом затруднен тем, что часто неизвестно о первоначальном их расположении, а именно расположение есть ключ к правильному пониманию функции.

Подведем итоги. С точки зрения Беата Бренка, у оформления ранних апсид было два основных источника. Во-первых, статуи в апсидах языческих храмов и помещениях для императорского культа. Этот источник вызывал проблемы, потому что

статуи были прямым нарушением библейского запрета. Во-вторых, это были двумерные изображения, первоначально в основном на «морские» и «водные» темы античных нимфеев с их мозаиками. Они давали возможность обойти запрет и предлагали нейтральную с точки зрения поздней античности сюжетику; мифология не воспринималась как оппонент христианства. С этим же связаны ранние сюжеты апсид с fastigium, то есть изображением Христа с апостолами как философского собрания учителя мудрости с его учениками. В принципе в 4 в. христианские изображения преобладали именно в частной сфере (мавзолеи, саркофаги, виллы), а если сюжетные изображения и допускались, то с очень осторожным, небиблейским выбором сюжета.

Сложные библейские сюжеты возникают в 5 в. (Санта Мария Маджоре), но и в это время, и позже еще сильна традиция теории и практики неизобразительных композиций в апсидах. В к. 5–6 вв. Церковь приняла изображения как таковые, и заказчики, художники, а, возможно, и богословы стали создавать сложные программы, целью которых было подчеркнуть обе природы Христа. Неизбежны были проблемы, связанные с необходимостью избегать сходства с имперско-мифологической иконографией; это противоречие оказалось плодотворным и породило оригинальные, не имевшие продолжения образцы сюжетов. Бренк справедливо отмечает частую ошибку исследователей: пытаться отследить генеалогию этих образцов в качестве иконографических типов, что не имеет смысла в силу их уникальности [Brenk, 2010:

109]. Это был период, когда Церковь наблюдала за эффектом, производимым мозаиками и фресками в культовых помещениях, за тем, что автор в книге называет «визуальным почитанием». Это привело к тому, что в апсиды попали изображения, ранее встречавшиеся в меньшем масштабе в частной сфере. Таким образом, было санкционировано визуальное выражение почитания Богородицы с Младенцем и святых. Такая пропаганда путем образов представляет собой начальную стадию собственно почитания образов. То есть распространение вотивных изображений и апсид с Богородицей и святыми свидетельствовали о становлении культа-пропаганды. По выражению автора, книга и посвящена взаимодействию между различными масс-медиа в раннехристианское и ранневизантийское время.

Какова бы ни была позиция Церкви по отношению к почитанию образов, настоящего культа апсидальные изображения так и не получили, как и места в сфере обрядов Церкви. Изображения в апсиде так и остались специфическим типом изображения на грани частного и официального. Их диалог с другими типами сакральных изображений, таких, как иконы, *ex-voto* и изображения, поощрявшие почитание какого-либо лица, отражал спорные богословские вопросы разных периодов церковной истории.

В целом, книга представляет собой интересную попытку проследить развитие важной темы в истории образов христианского искусства. Многие выраженные в ней суждения очень субъективны, и в этом и сила, и слабость

данной монографии. Яркий и очень индивидуальный взгляд на научную проблему привлекает к ней внимание и создает впечатляющий и стимулирующий дальнейшее исследовательское внимание образ, но зачастую он сильно уязвим для критики. К сожалению, никаких научно верифицируемых источников для измерения степени воздействия изображений в апсидах нет, и судить о том, какие именно чувства они вызывали («уважение, восхищение, ошеломление или даже преклонение» [Brenk, 2010: 109]) достоверно нельзя, как и том, к примеру, кто был точным адресатом молитв в изображении Богородицы с Младенцем. Эту почти неизбежную при опоре на чисто художественные источники проблему, как мне представляется, стоит учитывать при использовании данных книги.

REFERENCES

- Baynes N.H.* The Icons before Iconoclasm. // The Harvard Theological Review. 1951.
- Brenk B.* Die frühchristlichen Mosaiken in S. Maria Maggiore zu Rom. Wiesbaden, 1975
- Brenk B.* The apse, the image and the icon: a historical perspective of the apse as a space for images. Wiesbaden, 2010.
- Brubaker L.* Icons before Iconoclasm? // *Morfologie sociali e culturali in Europa fra tarda antichità e alto medioevo. Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo.* 1998. Vol. 45.
- Der Nersessian S.* Une apologie des images du septième siècle // *Byzantion.* 1944–45. 17.
- Kitzinger E.* The Cult of images in the age before Iconoclasm // *Dumbarton Oaks Papers.* 1954. 8.
- Speck P.* Wunderheilige und Bilder. Zur Frage des Beginns der Bilderverehrung // *Varia III = Poikila Byzantina* 11. 1991.

О.В. Игнатьева

Рец.: *Малинкин А.Н.* Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры / Гос. ун-т. Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. 192 с.

В 2011 году в издательстве Высшей школы экономики вышла книга А.Н. Малинкина, посвященная частному коллекционированию. В современном обществе коллекционирование приобрело массовый характер. Собрать можно все, что угодно, от очень редких и раритетных вещей и произведений искусства до самых распространенных предметов, которые вне собрания сами по себе не претендуют на особую значимость и ценность — ручки, пивные этикетки, значки, сувениры, привозимые из разных городов и стран. Коллекционирование выступает одной из практик потребления, и в этом смысле любого человека, самоутверждающегося в свободное время в своей коллекции, следуя логике автора, можно назвать частным коллекционером [Малинкин, 2011: 20].

Не включая в монографию историографический очерк по проблеме частного коллекционирования, куда, несомненно, могли бы войти работы историков, искусствоведов, культурологов, А.Н. Малинкин обозначает собственное исследование как «опыт исследования по социологии культуры».

С точки зрения Л.Г. Ионина, «социология как культурный анализ <...> предполагает не только объективное изучение социальных явлений

и процессов, но и изучение предпосылок и условий этой объективности» [Ионин, 2000]. Условия объективности задаются прежде всего выбором методологических оснований исследования. А.Н. Малинкин, осуществляя социологический анализ коллекционирования, опирается на психологическую школу в социологии, в частности, Г. Тарда, на работу М. Шелера «*Ordo amoris*».

Насколько опора на идеи Г. Тарда, М. Шелера, а также К. Маркса позволяет А.Н. Малинкину осуществить социокультурный анализ коллекционирования? С нашей точки зрения, данную книгу вполне можно рассматривать как нарратив коллекционера по поводу смыслов своей деятельности, она может быть отдельным источником для исследователя, поставившего задачу осуществить социоанализ коллекционирования.

Если следовать методологии П. Бурдьё, социальное пространство представляет собой своеобразный набор различных полей — экономики, политики, науки, искусства, образования и т.д. К коллекционированию также можно применить данный подход, обозначив его как автономное поле, в котором происходит конкуренция между всеми игроками или агентами. Прежде всего эта борьба связана с определением гра-

ниц поля, т. е. собственно за то, что называть коллекционированием и кого называть коллекционером.

На первый взгляд, вопрос достаточно простой. Начиная с первых работ по проблемам частного коллекционирования, авторы обращаются к первоначальному значению слова, что, собственно, продемонстрировал и А.Н. Малинкин: «Так кто они такие – коллекционеры? Коллекционер – это собиратель коллекции». А коллекция, в свою очередь, «(от латинского слова *collectio* – собирание) – систематизированное собрание каких-либо предметов, представляющее обычно научный, художественный, исторический интерес, например, коллекция картин, коллекция минералов, коллекция марок» [Малинкин, 2011: 9].

Эта внешняя простота не должна останавливать исследователя. Сомнения в самых очевидных и лежащих на поверхности смыслах являются, с точки зрения П. Бурдьё, обязательной составляющей социологического анализа. Действительно, если мы посмотрим на поле коллекционирования с точки зрения его формирования и с опорой «на национальные культуры и большие культурно-исторические традиции» [Малинкин, 2011: 15], то станут заметными более глубокие смыслы.

Так, одним из основных вопросов, поставленных А.Н. Малинкиным в монографии, является вопрос о мотивации, смыслах коллекционирования: «почему люди собирают что-то одно, а не другое, отчего они становятся коллекционерами? Зачем вкладывают свои усилия,

время и зачастую немалые деньги в собирательство, казалось бы, совершенно бесполезных вещей?» [Малинкин, 2011: 6].

Отвечая на этот вопрос, сам автор, критикуя работу Ж. Бодрийяра «Система вещей», а вместе с ним и весь психоаналитический подход, за односторонний анализ мотивов коллекционирования, выдвигает в качестве основного побудительного мотива в приобщении к коллекционированию, вслед за Г. Тардом, подражание. Как известно, Г. Тард считал, что все новые практики и смыслы создаются немногочисленными одаренными людьми, а затем в ходе копирования и подражания усваиваются большей частью общества. С точки зрения А.Н. Малинкина, «прямое воздействие яркого личностного образца, многообразных форм групповых влияний здесь, как и в других сферах человеческой жизнедеятельности, не имеет себе равных по силе и глубине и почти всегда играют решающую роль» [Малинкин, 2011: 16].

К сожалению, автор не раскрывает более подробно это «многообразие форм групповых влияний», и частный коллекционер в книге скорее предстает героем-одиночкой: «как правило, коллекционеры – люди немногословные, замкнутые, погруженные в себя, не любящие клубной рыночной суеты, предпочитающие одиночество, изредка даже с некоторыми признаками аутизма» [Малинкин, 2011: 61].

Обосновывая свою позицию относительно избрания коллекционером тех или иных предметов для

коллекционирования, автор предлагает в качестве ключевого понятие любви, основываясь на идеях М. Шелера: «В истоке и основе любого собирательства вещей лежит любовь. Но любовь человека к вещи — это особое, специфическое чувство» [Малинкин, 2011: 30].

Автор строит следующую цепочку рассуждений, раскрывая читателю специфическое чувство любви коллекционера к вещи: «Любовь человека к вещи включает два существенно необходимых последовательных момента. Первичным является бессознательное движение, тяготение человека к тому в вещи, что, как он предчувствует, могло бы возвысить его личность в ценностном отношении, что поднимает ее на более высокую ступень в ценностной иерархии бытия. Это переживается как влечение к тому, что нравится и одновременно как бы возносит вверх, облагораживает. Вторичным является стремление к участию в судьбе вещи, желание так или иначе быть к ней сопричастным. Это переживается человеком как появление беспокойства, заботы, тревоги, которые фокусируются и все более концентрируются на понравившейся вещи (или на ее образе в памяти). Он стремится сделать эту вещь, существующую как часть внешнего мира, частью своего собственного бытия, собственного внешнего и внутреннего мира, т.е. завладеть и обладать ею» [Малинкин, 2011: 32].

Все же остается не проясненным вопрос о выборе коллекционером темы своего собрания, какими факторами он опосредован. И если «мотивы такого влечения обычно

скрыты от самого коллекционера» [Малинкин, 2011: 36], то значит ли это, что и исследователь не должен искать более рационального объяснения этим мотивам? Сложно не согласиться с автором, что «как любое человеческое поведение, собирательство осмысленно самим субъектом социокультурного действия и обусловлено объективными обстоятельствами, стало быть, более или менее адекватно может быть понято другими» [Малинкин, 2011: 15].

Разделяя мысль автора о том, что «сама идея коллекции эволюционирует вместе с прогрессом науки и техники» [Малинкин, 2011: 37], можно сделать вывод и о том, что и идея коллекционера также со временем наполняется новыми смыслами. Как правило, эти смыслы появляются, когда в поле, в нашем случае в поле коллекционирования, начинают действовать новые агенты. Так было в истории частного коллекционирования в России в середине XIX века, когда представители купечества и промышленники стали активно осваивать и присваивать до этого считавшимися дворянскими практики коллекционирования, внося в этот процесс новые смыслы, например, рассматривая свои собрания, в том числе и как инвестиции.

Так происходит и на данном этапе развития частного коллекционирования, когда наряду с музейным и научным сообществом в создании дискурса коллекционирования начинают более активно участвовать и сами коллекционеры. Если проанализировать образ дореволюционного

коллекционера, сложившийся за последние десятилетия в научной литературе, то получится, прежде всего, история о меценате и благотворителе, который, в конце концов, собирает не для себя, а для музея. Часть современных коллекционеров разделяет такой подход в том или ином варианте, либо основывая свой собственный, частный, музей, либо передавая коллекцию уже существующим музеям, своему городу, стране и т.д. В книге А.Н. Малинкина этот момент также прослеживается, но мотивация подобной благотворительности, с точки зрения автора, связана не столько с альтруизмом, сколько с сохранением этого зеркала, которым коллекция является для своего коллекционера: «Предметы коллекции, словно камни мозаики, складываются в индивидуальный лик самого собирателя. Вот почему для стареющего коллекционера очень важно, чтобы уникальная целостность собранной им коллекции сохранилась. А это может обеспечить с наибольшей надежностью только музей, в первую очередь государственный» [Малинкин, 2011: 73].

В заключении следует отметить, что сообщество коллекционеров

очень неоднородно, с одной стороны, и достаточно закрыто для научного изучения, с другой стороны. Тем значимее для дальнейшего исследования появление книг, написанных самими коллекционерами, особенно когда идет речь не о каталоге и истории собственной коллекции, а настоящей борьбе за дефиницию — что значит быть коллекционером.

REFERENCES

Ionin L.G. Sociologija kul'tury: Uchebnoe posobie. M.: Izdatel'skaja korporacija «Logos», 1996. 280 s.

Malinkin A.N. Kollekcjoner. Opyt issledovanija po sociologii kul'tury / Gos. un-t Vysshaja shkola jekonomiki. M.: Izd. dom Gos. un-ta Vysšej shkoly jekonomiki, 2011. 192 s.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ионин Л.Г. Социология культуры: Учебное пособие. М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. 280 с.

Малинкин А.Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры / Гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. 192 с.

А.В. Гринёв

Еще одна версия продажи Аляски

Рец.: *Фетисов С.В.* Первая Антанта. Как мы потеряли Аляску. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2114. 244 с.

Год публикации рецензируемой работы не должен смущать читателя — здесь просто приведена стандартная библиографическая справка, помещенная на обороте титульной страницы, и в ней действительно стоит дата — 2114 г. Очевидно, досадная опечатка, так как на титуле значится правильный год выхода книги: 2014. Но если бы дело ограничивалось одной опечаткой...

Когда первый раз взял в руки эту книгу, то сначала засомневался, а научное ли это произведение? Нет, формально вполне научное: есть два рецензента с докторскими степенями, в аннотации сказано, что в данном издании рассматриваются важные для исторической науки проблемы, сама работа обозначена как монография, в которой критикуются распространенные в отечественной историографии версии продажи Аляски США и выдвигается собственная версия автора. Наконец, на последней странице книги четко прописано для сомневающихся: «Научное издание». И ниже — имя, отчество

и фамилия автора: Сергей Владимирович Фетисов. Но кто он, к сожалению, остается загадкой, так как прежде мне никогда не встречалась подобная фамилия среди исследователей истории Аляски русского периода (так называемой Русской Америки), хотя занимаюсь этой темой уже более 30 лет.

Теперь посмотрим, на что опирался автор при подготовке своего труда. Всего в списке использованной литературы (с. 237–240) числятся 56 работ (что для монографии явно маловато), традиционно разбитых на две группы — опубликованные на русском языке и на иностранных. При этом легкую оторопь вызывает совершенно произвольное размещение работ: они идут не как обычно по алфавиту и даже не по годам издания, а согласно какой-то таинственной логике, ведомой одному автору. Например, труды академика Н.Н. Болховитинова расположены по номерам в следующем порядке: 2, 4, 5, 10. И всё смешано в одну кучу: монографии, газетные заметки, научные статьи — причем строго

научные произведения соседствуют с популярными творениями журналистов и наоборот. Вместе с тем в приводимом автором списке напрочь отсутствуют данные отечественных архивных фондов, а равным образом уже опубликованные архивные и документальные материалы¹. Более того, в нем нет ряда работ, принципиально важных для раскрытия проблемы продажи Русской Америки США в 1867 г. Речь идет о трудах С.Б. Окуня, В.Дж. Фаррара, Д.Х. Миллера [Окунь, 1938: 209–239; Farrar, 1966; Miller, 1981] и ряда других исследователей, что сразу ставит под сомнение научную значимость книги С.В. Фетисова и полноценное знание им предшествующей историографии. Вместе с тем даже имеющаяся в его списке библиография оформлена порой довольно небрежно, в частности, в периодике зачастую отсутствуют конкретные страницы статей; в одном случае дается полностью имя и фамилия автора, в другом С.В. Фетисов ограничился лишь фамилией и инициалами; в одних случаях дано название издательства, в другом — нет и т. д.

Тут немедленно возникает уже вопрос к рецензентам сего труда: а вы куда смотрели? Но если мы начнем разбираться с этим вопросом, то становится совершенно очевидно, что рецензенты выполнили лишь роль «свадебных генералов». Возможно,

они вообще не читали рукопись С.В. Фетисова. Дело в том, что оба рецензента не являются ни специалистами по истории русских колоний в Новом Свете, ни даже просто американистами широкого профиля. Первый из них — д. и. н., профессор В.П. Ранчинский — по своей исходной научной специализации арабист, а второй — Д.Л. Агранат — вообще доктор социологических наук, занимающийся проблематикой социализации личности и тому подобными сюжетами, не имеющими никакого отношения к Русской Америке. И то, что С.В. Фетисов выбрал в качестве рецензентов людей, весьма далеких от истории Русской Америки, конечно, не случайно.

После этих предварительных замечаний приступим к анализу основного текста книги. Обычно в вводной части любой научной монографии рассматривается предшествующая историография проблемы. Однако ничего подобного в работе С.В. Фетисова не наблюдается. Вместо историографического анализа он начинает свое краткое «Предисловие» (с. 3–6) довольно смелой (если не сказать иначе) фразой: «В отечественной историографии тема уступки русских владений в Северной Америке, произошедшей в 1867 г., описана чрезвычайно расплывчато» (с. 3). Вы думаете, что далее идет ссылка на работы, авторы которых смутно представляли себе причины и процесс продажи колоний США? Нет, она отсутствует, и несведущий читатель вынужден верить автору на слово. Но мы не будем совершать такой ошибки и укажем хотя бы на фундаментальную монографию Н.Н. Болховитинова,

¹ См., например: [Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний, 1863; Приложения к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний, 1863; Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867, 2010].

в которой тема продажи Аляски нашла всестороннее отражение [Болховитинов, 1990], а также на ряд его статей [Болховитинов, 1988: 120–131; 1998: 94–102; Bolhovitinov 2003: 254–267]. Прочитанное выше заявление С.В. Фетисова выглядит еще более нелепым в свете того, что монография Н.Н. Болховитинова о продаже Аляски ему не только известна, но даже помещена в список использованной литературы под № 2 (где, правда, неверно указан год ее издания – 1991 вместо 1990).

По мнению С.В. Фетисова, из всех имеющихся на сегодняшний день версий уступки Русской Америки можно выделить две основные: 1) традиционную, или официальную и 2) конспирологическую. При этом первая причина подразделяется в свою очередь на три: 1) Аляска была продана в силу ее совершенной бесполезности для России; 2) это произошло из-за опасения ее захвата со стороны других держав; 3) продажа состоялась из-за желания правительства получить за американские колонии довольно значительную сумму денег (с. 3). Далее автор с удовольствием развенчивает все три причины, игнорируя множество иных, которые он предпочитает просто не замечать². Что касается «конспирологической теории», то ее сторонники объясняют уступку Аляски США заговором узкого круга лиц из окружения императора (с. 4–5). Однако такое объяснение не устраивает С.В. Фетисова, и он взамен выдвигает свою собственную версию, о которой поговорим немного позже.

² См. подробнее: [Гринёв, 2006: 171–202].

Далее автор начинает пространственный очерк истории русско-американских отношений, основательно изученных в свое время уже упомянутым академиком Н.Н. Болховитиновым [Болховитинов, 1966; 1975; 1990]. При этом с первых же страниц книги С.В. Фетисова бросается в глаза почти полное отсутствие ссылок на источники и литературу, в том числе и на прямые заковыченные цитаты. Здесь возможны три варианта: 1) автор сам был очевидцем описываемых событий 150-летней (и более) давности, во что невозможно поверить; 2) он сам до этого уже что-то сочинил и опубликовал на соответствующую тему и теперь лишь цитирует сам себя (что крайне сомнительно); 3) С.В. Фетисов в массовом порядке занялся компиляцией, а то и прямым плагиатом. Последняя версия представляется наиболее вероятной. Мне уже доводилось в недавней статье достаточно критично отзываться о невысокой культуре цитирования в современной российской историографии [Гринёв, 2014: 136–141], и книга С.В. Фетисова яркое тому подтверждение. Правда, нельзя утверждать, что ссылки на работы предшественников вообще отсутствуют в его произведении, но они встречаются в гомеопатических дозах и никак не могут покрыть объем излагаемой С.В. Фетисовым информации. Вообще его книга в ее нынешнем виде могла быть издана только у нас в России, потому что в тех же США родственники и адвокаты авторов, у которых С.В. Фетисов позаимствовал немало материалов без всяких ссылок, уже наверняка предъявили бы ему и издательству судеб-

ные иски с пяти-шестизначными цифрами компенсаций за ущерб, нанесенный интеллектуальной ответственности. Но Россия – не Америка, и у нас сходит с рук и не такое.

Если теперь внимательно рассмотреть эти единичные дефицитные ссылки, то можно сделать вывод, что они представляют использованную литературу крайне неравномерно. Приоритетом для автора, безусловно, является научно-популярная книга американского журналиста Гектора Шевиньи (Nector Chevigny) по истории Русской Америки [Chevigny, 1965], опубликованная в далеком 1965 г. Именно к авторитету Шевиньи и к его творению С.В. Фетисов обращается чаще всего. Но может ли научно-популярный труд неспециалиста выступать источником для научной монографии? Оказывается, может. По крайней мере, С.В. Фетисов старается это всячески доказать³.

Что же касается стержневой мысли автора, вокруг которой строится все повествование его книги, то речь идет о мифической русско-американской Антанте, т.е. взаимовыгодном союзе двух обширных и мощных государств Восточного и Западного полушарий. Каких-то конкретных доказательств существования такого союза сам С.В. Фетисов предоставить не может и пишет: «Текст договора о создании российско-американской Антанты не найден. Да и существовал ли он?»

³ Надо сказать, что С.В. Фетисов тут не одинок: труд Г. Шевиньи, несмотря на явно неакадемический характер, периодически используется в научной литературе (см., например: [Петров, 1999: 340, 351].

Неизвестно. Но разве можно сомневаться в том, что это был чрезвычайно обсуждаемый вопрос того времени?» (с. 41). Как-то странно читать подобное на страницах работы, претендующей на звание научной монографии. Муссировать тот или иной вопрос можно до бесконечности, но где реальное воплощение итогов дискуссий? Однако С.В. Фетисова мало интересуют подобные моменты, и он продолжает упорно гнуть свою линию: «При более глубоком погружении в тему можно легко прийти к выводу, что вопрос создания русско-американского альянса не просто обсуждался в заинтересованных странах, но и был предметом пристального внимания чуть ли не всего мира» (с. 41). Ну как без улыбки можно комментировать подобные заявления? Представьте себе: арабские феллахи и китайские кули, аргентинские гаучо и даже, возможно, индейцы бассейна Амазонки дружно и с увлечением обсуждают проблему русско-американской Антанты! Кстати, слово «Антанта», выбранное С.В. Фетисовым для обозначения предполагаемого союза США и России, представляется неудачным, тем более когда он пишет о «Первой Антанте». На подобное обозначение с гораздо большим правом может претендовать англо-французский союз, сложившийся еще во времена Крымской войны.

Для доказательства реальности подготовки русско-американской Антанты С.В. Фетисов приводит в качестве примера отправку в 1863 г. двух русских военных эскадр в Нью-Йорк и Сан-Франциско с целью подержать правительство Линкольна

в ходе Гражданской войны в США, а также проект русско-американского телеграфа, который должен был связать США, Канаду, Аляску, пройти через Берингов пролив, а затем через Сибирь в Европу (с. 30–33, 49–51). Единственной загвоздкой, мешавшей, по мнению С.В. Фетисова, оформлению русско-американского альянса, была Русская Америка, находившаяся в зоне интересов США. Он пишет: «Становилось всё более очевидным, что Россия, если хочет создать нерушимый Альянс с США, должна уступить свою американскую территорию, дабы устранить этим последнее, да, пожалуй, и единственное, как тогда казалось, препятствие к полному сближению двух стран. Россия рассчитывала, что, получив поддержку США, сможет с лихвой компенсировать уступленную территорию за счет усиления своих позиций на Дальнем Востоке, в Китае, Корее и Японии. Таким образом, уступка Аляски рассматривалась не как простая передача другой стране своей земли (чего никогда не было в русской истории) и не как ее продажа (чего тем более не было и быть не могло). Уступка Аляски была ставкой России в большой геополитической игре, возможный выигрыш в которой кружил головы придворной либеральной партии на холодных берегах Невы» (с. 51–52).

Кратко разберем эти тезисы. Как известно, посылка русских эскадр в Америку имела цель не столько оказать моральную поддержку правительству президента Линкольна, сколько в первую очередь создать угрозу крейсерской войны против торгового флота Великобритании

и Франции, оказывавших сильное давление на Россию в ходе Польского восстания 1863–1864 гг. [Болховитинов, 1995: 194–207]. Что касается проведения трансконтинентального телеграфа из США через Сибирь в Европу, то это был в первую очередь коммерческий проект, от которого американцы быстро отказались после успешного проведения подводного атлантического кабеля в июле 1866 г., несмотря на все заключенные ранее контракты и договоры с русской стороной (ведь бизнес превыше всего!). Кроме того, в Петербурге хорошо понимали, что создание с американцами «нерушимого альянса» (если использовать выражение С.В. Фетисова) является не более чем утопией: приход к власти в США в ходе регулярных выборов порой совершенно новых лиц, часто с противоположными взглядами на политику предшественников; хорошо известная в то время коррупция в высших органах американской власти; мелочная практичность янки; привычка продажных политиканов потакать любым изменениям общественного мнения; желание иметь свободу рук и никаких существенных обязательств и, наконец, абсолютное несходство двух общественно-политических систем, представленной абсолютистской Российской империей и демократическими Соединенными Штатами — всё это не оставляет «Первой Антанте» С.В. Фетисова никаких шансов на существование даже в виде исторической гипотезы.

И еще пару слов теперь уже относительно «альяскинского вопроса». Вопреки мнению С.В. Фетисова

о том, что якобы Аляска являлась главным препятствием для оформления «Первой Антанты», эта территория была юридически признана Соединенными Штатами как часть Российской империи согласно конвенции от 5 (17) апреля 1824 г. [ПСЗРИ: 251–253]. Более того, Русская Америка не имела непосредственных границ с США. Ее не передавали (уступали) американцам бесплатно, а продали пусть за весьма скромную, но всё же не такую уж малую сумму в 7,2 млн долларов. Ответственность за потерю Аляски целиком и полностью несет царь Александр II, а не либеральные мечтатели и некие геополитические стратеги «с холодных берегов Невы», о чем сообщает С.В. Фетисов. В руках императора сосредотачивалась абсолютная власть, и только от него зависел вопрос: останутся ли американские владения в составе России или будут проданы США. Именно его слово было окончательным на тайном совещании 16 (28) декабря 1866 г., когда решилась судьба Русской Америки.

Вместе с тем не сама по себе Аляска вызывала трения в дружеских взаимоотношениях между Россией и США, а регулярные попытки частных американских предпринимателей эксплуатировать ее богатства путем незаконного приобретения пушнины у местных туземцев, охоты на китов и моржей в прибрежных водах, вырубки лесов и т. п. Причем в середине XIX в. от набегов американских и прочих китобоев страдали берега не только Русской Америки, но в равной степени побережье Охотского моря, Курильских островов, Камчат-

ки и Чукотки⁴. Если исходить из логики С.В. Фетисова, то их тоже следовало отдать США во избежание конфликтов в будущем и укрепления «Первой Антанты».

Сам же он считает, что непосредственная подготовка передачи Аляски США имела место во время дружеского визита отряда американских военных кораблей в Кронштадт («миссия Фокса») в 1866 г. (с. 102–104). Но это не более чем фантазии автора, поскольку они не имеют под собой никакой документальной базы, как и в случае создания «Первой Антанты». Впрочем, С.В. Фетисов объясняет последнее обстоятельство следующим образом: «То, что все следы относительно создания союза с США в свое время были старательно зачищены, не вызывает сомнений» (с. 108). Архивная зачистка, по его мнению, потребовалась, «дабы не бросать тень на царя (в конечном итоге именно он утвердил решение об уступке) и не подрывать авторитет действующей власти. Просчеты царя и его либеральных советников тщательно маскировались» (с. 133). Странно звучит подобное заявление от человека, и дня не работавшего в архиве, судя по приводимой им же библиографии. С другой стороны, если у нас архивы были «подчищены», как сообщает С.В. Фетисов, то какой же злодей произвел аналогичные манипуляции в американских хранилищах, где наверняка должны были также отложиться документы о «Первой Антанте»? Никто не мог обязать американских

⁴ См., например: [Рапорты командира корвета «Рында», 1863: 74–79].

архивариусов уничтожать уникальные исторические свидетельства в угоду далекому заокеанскому царю. Как крайний вариант, им мог быть присвоен гриф секретности и ограничен доступ на некое число лет, но все разумные сроки для подобных тайн давно миновали. Впрочем, злодей таки нашелся — уроженец России еврейского происхождения, сделавший научную карьеру в США, Ф.А. Голдер. С жаром праведника С.В. Фетисов не только обвиняет его в низком профессионализме (!) (на с. 186, 188, 196), но и в хищениях документов из российских архивов. Вот что он сообщает о Голдере: «Фрэнк Голдер умер в 1929 г. Он никогда не был женат (возможно, в этой важной информации С.В. Фетисов видит ключ к криминальным наклонностям Ф. Голдера. — А. Г.). Ознакомившись с жизнеописанием этого американского джентльмена, и особенно с его деятельностью по изъятию документов из наших архивов, автор почему-то не удивляется острому дефициту архивных доказательств по существованию русско-американской Антанты» (с. 195).

А поскольку, согласно С.В. Фетисову, документы о «Первой Антанте» не сохранились — из-за злых козней Голдера, а на самом деле в силу того, что их никогда не существовало в природе, то наш автор находит следующий выход. Он начинает обильно цитировать тогдашнюю российскую и американскую прессу, в которой российско-американская дружба и согласие были частым сюжетом журналистских очерков, заметок и статей. Слов нет, пресса может быть важным источником зна-

ний о том или ином историческом периоде, но она не может заменить подлинные документы хотя бы в силу крайней степени субъективности и частой противоречивости.

Возвращаясь к теме продажи Аляски США, С.В. Фетисов пишет: «Зачем отдали Русскую Америку, до сих пор нет ответа, приемлемого для логики интеллектуально созревшего человека» (с. 131). Впрочем, ответ он легко находит опять же в газетной периодике и даже выделяет его жирным шрифтом: «Смысл сделки — **упрочить дружбу и союз с Америкой, к “великому неудовольствию” Англии**» (с. 135). Вывод, мягко говоря, далеко не нов: на этот фактор указывал в свое время еще Карл Маркс, писавший о покупке Аляски: «С экономической стороны приобретение это пока не стоит ни цента, но — янки благодаря этому отрежут с одной стороны Англию от моря и ускорят присоединение всей британской Северной Америки к Соединенным Штатам. Вот где собака зарыта!» [Маркс: 542].

Согласно же С.В. Фетисову, «спусковым крючком» к продаже Аляски стал отказ американцев в 1866 г. от сооружения совместной трансконтинентальной телеграфной линии. Он пишет: «По сути, отказываясь от строительства телеграфа, американцы предъявили Александру II ультиматум. Или Россия уступает Русскую Америку и всё идет, как ранее было условлено, или... полный отказ от всех соглашений и крах Антанты» (с. 112). Ну а далее по логике С.В. Фетисова получается, что царь, конечно, очень

испугался, поддался американскому шантажу и немедленно продал Аляску за бесценок специфическим «союзникам». Что же в итоге получилось? Вновь дадим слово нашему автору: «Россия, пожертвовав Аляску и выполнив тем самым свою часть обязательств по созданию Антанты с США, принялась ждать от американцев ответных шагов» (с. 145). Естественно, что они не последовали и последовать не могли, по причине отсутствия каких-либо конкретных обязательств по созданию мифической Антанты.

Можно продолжать разбирать книгу С.В. Фетисова и далее в том же духе, благо автор регулярно предоставляет для этого повод (например, на с. 143 называя Канаду свободной республикой, относя окончательный раздел Польши к 1775 г. (с. 196) и т. д.), но не будем лишней раз утомлять читателя анализом подобных, мягко говоря, спорных утверждений. Какой же общий вердикт можно вынести по поводу книги С.В. Фетисова? Думаю, лучше всего в качестве заключительной фразы подходит название одного из последних параграфов его работы, которое полностью отражает ее суть: «Как сделать сущим то, чего никогда не было» (с. 191).

REFERENCES

- Bolkhovitinov N.N.* Stanovlenie russko-amerikanskikh otnoshenii. 1775–1815. Moscow, 1966.
- Bolkhovitinov N.N.* Russko-amerikanskie otnosheniya. 1815–1832. Moscow, 1975.
- Bolkhovitinov N.N.* Kak prodali Aliasku. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 1988. № 7. S. 120–131.
- Bolkhovitinov N.N.* Russko-amerikanskie otnosheniya i prodazha Aliaski. 1834–1867. Moscow, 1990.
- Bolkhovitinov N.N.* Istoriki v poiskakh istiny: Vizit russkogo flota v SShA v 1863–1864 gg. *Amerikanskii ezhegodnik*. 1994. Moscow, 1995. S. 194–207.
- Bolkhovitinov N.N.* Eshche raz o prodazhe Aliaski. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*. 1998. № 10. S. 94–102.
- Bolkhovitinov N.N.* The Sale of Alaska: A Russian Perspective. *Polar Geography*. 2003. Vol. 27. N 3. P. 254–267.
- Chevigny H.* Russian America. The Great Alaskan Venture. 1741–1867. London, 1965.
- Doklad Komiteta ob ustroistve russkikh amerikanskikh kolonii. Saint Peterburg, 1863.
- Farrar V.J.* The Annexation of Russian America. New York, 1966.
- Grin'ev A.V.* Problemy tsitirovaniya v otechestvennoi istoriografii (na primere nauchnykh rabot po istorii Russkoi Ameriki). *Klio*. 2014. № 10. S. 136–141.
- Grin'ev A.V.* Rossiyskii politarizm kak glavnyaya prichina prodazhi Aliaski. *Acta Slavica Iaponica*. 2006. T. XXIII. P. 171–202.
- Marks – Lyudvigu Kugel'manu, 17 fevralja 1870 g. // Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 32. S. 542.
- Miller D.H.* The Alaska Treaty. Kingston, Ontario, 1981.
- Okun' S.B.* K istorii prodazhi russkikh kolonii v Amerike. *Istoricheskie zapiski*. 1938. T. 2. S. 209–239.
- Petrov A.Yu.* Morskije ofitsery nachinayut upravlyat' russkimi koloniyami v Severnoi Amerike (1818–1825) // *Istoria Russkoi Ameriki (1732–1767)*. T. 2: Deyatel'nost' Rossiisko-Amerikanskoi kompanii (1799–1825) / *Otv. red. N.N. Bolkhovitinov*. Moscow, 1999. S. 340–351.
- Prilozhenia k dokladu Komiteta ob ustroistve russkikh amerikanskikh kolonii. Saint Peterburg, 1863.

PSZRI. Т. XXXIX. № 29861a. С. 251–253.

Raporty komandira korveta «Rynda», kapitana 2 ranga [G. P.] Sfursa-Zhirkevicha. Morskoj sbornik. 1863. Т. LXIV(64). № 2. С. 74–79.

Rossiisko-Amerikanskaya kompanya i izuchenie Tikhookeanskogo Severa, 1841–1867: Sb. dok. Sost.: T.S. Fedorova, A.Yu. Petrov, A.V. Grinëv; otv. red. A.Yu. Petrov. Moscow, 2010.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М., 1966.

Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения. 1815–1832. М., 1975.

Болховитинов Н.Н. Как продали Аляску // *Международная жизнь*. 1988. № 7. С. 120–131.

Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М., 1990.

Болховитинов Н.Н. Историки в поисках истины: Визит русского флота в США в 1863–1864 гг. // *Американский ежегодник*. 1994. М., 1995. С. 194–207.

Болховитинов Н.Н. Еще раз о продаже Аляски // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 10. С. 94–102.

Гринёв А.В. Проблемы цитирования в отечественной историографии (на примере научных работ по истории Русской Америки) // *Клио*. 2014. № 10. С. 136–141.

Гринёв А.В. Российский политаризм как главная причина продажи Аляски // *Acta Slavica Iaponica*. 2006. Т. XXIII. P. 171–202.

Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб., 1863.

Маркс — Людвигу Кугельману, 17 февраля 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 542.

Ожунь С.Б. К истории продажи русских колоний в Америке // *Исторические записки*. 1938. Т. 2. С. 209–239.

Петров А.Ю. Морские офицеры начинают управлять русскими колониями в Северной Америке (1818–1825) // *История Русской Америки (1732–1767)*. Т. 2: Деятельность Российско-Американской компании (1799–1825) / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 1999. С. 340–351.

Приложения к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб., 1863.

ПСЗРИ. Т. XXXIX. № 29861a. С. 251–253.

Raporty komandira korveta «Rynda», kapitana 2 ranga [G. P.] Sfursa-Zhirkevicha // *Морской сборник*. 1863. Т. LXIV(64). № 2. С. 74–79.

Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867: Сб. док. / Сост.: Т.С. Федорова, А.Ю. Петров, А.В. Гринёв; отв. ред. А.Ю. Петров. М., 2010.

Bolhovitinov N.N. The Sale of Alaska: A Russian Perspective // *Polar Geography*. 2003. Vol. 27. N 3. P. 254–267.

Chevigny H. Russian America. The Great Alaskan Venture. 1741–1867. London, 1965.

Farrar V.J. The Annexation of Russian America. New York, 1966.

Miller D.H. The Alaska Treaty. Kingston, Ontario, 1981.

И.А. Левинская

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ TAL ILAN, LEXICON OF JEWISH NAMES IN LATE ANTIQUITY

Рец.: *Tal Ilan. Lexicon of Jewish Names in Late Antiquity. P. III: The Western Diaspora 330 BCE — 650 CE / In collaboration with T. Ziem (TSAJ 126). Mohr Siebeck, 2008. XXVI, 770 p. ISBN 978-3-16-149678-8*

То, что последует дальше, не является рецензией в традиционном смысле. Не будучи специалистом в области ономастики и просопографии, я не обладаю знаниями, необходимыми для написания полноценной рецензии на третью часть «Лексикона еврейских имен в поздней античности» (в дальнейшем: Лексикон) Тал Илан. Однако после того, как я прочитала предисловие и некоторые его статьи, я решила поделиться с коллегами как своими наблюдениями, так и чувством оторопи, которое возрасало по мере чтения.

Рецензия на первый том Лексикона была опубликована в двух вариантах (по-русски и по-английски) С.Р. Тохтасевым [Тохтасев, 2005: 233–241; Tokhtas'ev, 2005–2006: 28–38]. В ней рецензент, в частности, обратил внимание на то, что Илан плохо знает древнегреческий язык, и в результате в ее работе присутствует непростительное количество грубых ошибок. К сожалению, Илан не сочла нужным заняться

изучением древнегреческого, что оказалось особенно пагубным для тома, значительная часть источников которого написана на этом языке. Не оказал Илан помощи и привлеченный ею к работе гебраист Томас Цим, который, как она пишет, «выполнил большую часть утомительной и неблагодарной работы по вводу перекрестных ссылок, чтению корректуры и составлению индексов». Подобная работа, спору нет, является утомительной, однако в конечном счете вознаграждается тем, что улучшает качество книги. Но не в нашем случае: количество ошибок и опечаток в книге зашкаливает, равно как и количество фантазмагорических интерпретаций вследствие поверхностного знакомства с языком источников.

Состоящий из нескольких томов Лексикон Тал Илан является единственным в своем роде: в нем впервые собраны имена евреев, живших в Палестине и в диаспоре, за почти тысячу лет, и к тому же он является

еще и просопографией. Уникальность издания делает его востребованным. У многих исследователей создалось впечатление, что долго пустовавшая ниша наконец-то оказалась заполненной. На этом фоне, учитывая высокую затратность подобного проекта, вряд ли приходится ожидать, что в обозримом будущем появится альтернативный справочник. Коллеги доверчиво пользуются результатами работы Илан, особенно не вникая в то, как они были получены, и начинают возводить собственные построения на фундаменте, предложенном Лексиконом. И напрасно. Фундамент оказался гнилым: Лексикон не заслуживает доверия, и каждое утверждение автора нуждается в проверке.

Характерной чертой книги является приверженность Тал Илан к антикварным изданиям. Так, надписи цитируются по СІJ [Freu, 1936; 1952]. Илан обосновывает свое решение следующим образом: «Очевидно, что значительная часть работы Фрея устарела, но поскольку она является основополагающей для еврейского корпуса надписей и поскольку бóльшая часть работы, выполненной после него, в значительной мере базируется на его новаторских усилиях, я использовала его коллекцию как основу для своего корпуса» (с. 25). Хотя уважительное отношение Илан к великим ученым предшествующих поколений заслуживает всяческой похвалы, ее нежелание признать прогресс в науке весьма прискорбно и приводит к плачевным результатам. Илан следовало бы положить в основу своего издания шесть томов еврейских над-

писей (в подавляющем большинстве грекоязычных), изданных между 1992 и 2004 гг. в Великобритании и Германии. Необходимость переиздать еврейские надписи была уже давно очевидна для всех, работающих в области иудаики. Дело даже не в том, что после выхода корпуса Фрея было сделано много находок — издать дополнительный том новонайденных надписей было бы гораздо быстрее и дешевле, чем публиковать все заново. Необходимость подготовить новое издание была вызвана тем, что в обоих томах корпуса Фрея обнаружилось значительное количество ошибок и неверных интерпретаций, которые были исправлены последующей наукой. И вот теперь немалая их часть перекочевала на страницы книги Илан.

Проигнорировав тщательно выверенные, исправленные и дополненные библиографические данные в новых изданиях надписей, Илан повторяет те ошибки, которые были сделаны Фреем. Так, например, на с. 245 под именем Διονυσιόδωρος в рубрике «Находка» она называет Ф. Осанна первым издателем надписи, содержащей это имя. Если бы она проконсультировалась с IJudO I BS1 [Inscriptiones Judaicae Orientis, 2004], то выяснила бы, что Осанн, который никогда не видел надписи, заимствовал чтение у П. фон Кёппена. На с. 167 под именем יושב (№ 66) Илан сообщает читателям, что эпитафия из Пантикапея была впервые напечатана В. Латышевым. Между тем, впервые ее опубликовал В. Шкорпил в 1898, о чем она бы узнала, если бы заглянула в IJudO I BS15. Примеры можно множить

до бесконечности. Остается загадкой, зачем Илан вообще приводит имена первых издателей надписей (при этом без даты публикации) в книге, в которой отсутствует библиография. Подобная информация, даже если бы она была точна, бессмысленна для читателя, которому всё равно необходимо консультироваться с новыми корпусами еврейских надписей, содержащими полные детальные и построенные в хронологическом порядке списки их публикаций.

На с. 405 под именем Ариста (Ἀρίστη) Илан описывает эту «статистически значимую» (о статистических выкладках Илан речь пойдет ниже) еврейку как жену Агафона. В рубрике «Находка» она называет СИ 685 первым изданием надписи. Между тем Фрей никогда не претендовал на то, что он был первым публикатором какой-либо из боспорских надписей, и сообщил, что скопировал ее из издания Латышева [Latyshev, 1890, № 306]. Отношения между двумя упомянутыми в надписи людьми далеко не очевидны. На обратной стороне камня сохранились четыре первые буквы мужского имени, которое может быть восстановлено как Агафон, Агатоклес, Агатус или Агатуас (см. перечисление возможных вариантов в IJudO I BS 10). Сохранившееся на той же стороне ΑΡΙΣΤ может быть началом женского имени, патронимиком (как полагал Латышев) или же началом мужского имени (как полагал Фрей). Латышев считал надпись еврейской, поскольку на лицевой стороне стелы находилась черта, которую он принял за оста-

ток меноры. Между тем, надпись на обратной стороне стелы, содержащая имена, была выполнена позднее, чем надпись на лицевой стороне, и нет ни малейшего основания считать надпись на обратной стороне еврейской. Предложенное М. Швабе соединение двух сторон надписи, в результате которого и появилась Ариста, жена Агафона, основано на ошибочном понимании соотношения надписей на двух сторонах стелы. Все это подробнейшим образом изложено в IJudO I BS 10, но проигнорировано Илан, в результате чего в Лексиконе из ниоткуда появляются два боспорских (босфорских – в специфической орфографии Илан) еврея.

Основным источником для приведенных Илан цитат из христианских авторов являются устаревшие PG [Migne, 1857–1866] и PL [Migne, 1844–1855]. Илан нигде не приводит названия сочинений, на которые ссылается, ограничившись указанием на том и колонку в PG/PL. Подобные слепые ссылки крайне затрудняют проверку приведенной информации. Например, для того чтобы уяснить, на какое сочинение грекоязычного христианского автора Илан ссылается, читатель должен сначала посмотреть соответствующий том PG, а затем, чтобы уточнить цитату, обратиться или к Thesaurus Linguae Graecae или к современному печатному изданию с индексом греческих слов. Издание Миня было важным достижением для своего времени, однако оно безнадежно устарело, и исследователи прибегают к нему только в тех случаях, когда современные

издания соответствующих авторов отсутствуют.

Посмотрим на одном примере, как Илан использует грекоязычные христианские источники. Обсуждая употребление термина «еврей» как обозначение конкретного лица, Илан на с. 29, прим. 20 дает слепую ссылку на Евсевия Кесарийского (PG 86, 3160). Речь идет о сочинении Евсевия «Приготовление к Евангелию» 8.8.56 (Mras K. Ed. Eusebius Werke. Bd. 8 [Die griechischen christlichen Schriftsteller, 43, 1]), в котором упоминаются два еврея: Елеазар и Аристокбул. На с. 77–79 под именем “Ἐλεάζαρ — Eleazar” Елеазар из Евсевия отсутствует. Зато на с. 224 под именем Аристокбул (Ἀριστόβουλος) последний раздваивается: под № 1 появляется Аристокбул, философ и учитель царя Птолемея Филометора (со ссылкой на 2 Макк 1:10), а под № 2 — Аристокбул, философ и перипатетик из Евсевия, но со ссылкой в рубрике «Источник» на PG 20, 728, т.е. на «Церковную историю» 7.32.16 (Bardy [Sources chrétiennes 41]). В этом параграфе Евсевий называет Аристокбула одним из семидесяти переводчиков Библии на греческий язык. В прим. 5 к рубрике «Описание» (под именем Аристокбул № 2) Илан цитирует, не указывая источника (наивный читатель сочтет, что цитата взята из только что упомянутой «Церковной истории» и будет неправ), «Приготовление к Евангелию», 13.12. Титул (Mras [Die griechischen christlichen Schriftsteller, 43,2]) “περιπατητικός (sic!) ἐκ τῆς παρ’ Ἑβραίοις φιλοσοφίας” с собственным переводом: «Перипатетик еврейской философии». Этот абсурдный текст имеет мало обще-

го с заголовком главы, который звучит следующим образом: Ὁλωσ καὶ πρὸς ἡμῶν ἐξ Ἑβραίων Ἀριστόβουλος ὁ περιπατητικός ἐκ τῆς παρ’ Ἑβραίοις φιλοσοφίας ὁμολογεῖ τοὺς Ἕλληνας ὀριμῆσθαι («Как Аристокбул, перипатетик, из евреев, живших до нас, признает, что греки заимствовали [идеи] из философии евреев»). Илан просто не поняла грамматическую связь слов в предложении.

В прим. 5 и 7 к имени «Аристокбул» Илан дважды ссылается на книгу Холледея [Holladay, 1995], однако создается впечатление, что внимательно ее не прочла. После обсуждения свидетельств об Аристокбуле в 2 Макк, у Климента, Евсевия, Анатолия и Оригена (с. 45–49) Холледей приходит к выводу о существовании двух независимых традиций. Согласно одной, относительно единодушной, которая содержится во 2 Макк, у Климента, Евсевия и Оригена, еврейский философ Аристокбул жил во время Птолемея Филометора. Другая традиция зафиксирована Анатолием, который называет его одним из переводчиков Септуагинты и помещает в царствование Птолемея I Сотера и Птолемея II Филадельфа. Евсевий цитирует это свидетельство в «Церковной истории», хотя оно противоречит тому, что он позднее напишет об Аристокбуле в «Приготовлении к Евангелию». По-видимому, Анатолий, христианский автор, живший в III в., под влиянием легенд о создании Септуагинты поместил Аристокбула во времена более ранних Птолемеев [Schürer, 1986].

Холледей придает особое внимание дебатам об аутентичности свиде-

тельств об Аристуле и приходит к выводу, что работы Аристула можно с уверенностью датировать царствованием Птолемея VI Филометра (с. 74). Подведу итоги: Илан берет обозначение Аристула № 2 как философа и перипатетика из одной традиции (к которой принадлежит Аристул № 1), а дату из другой, при этом относит время его жизни к III–II вв. до н. э., в то время как Птолемей Сотер и Птолемей Филадельф царствовали в IV–III вв. (ок. 323–285 и 285–246 соответственно).

В проанализированном мной примере только одного имени видны все особенности Лексикона и творческого метода Илан: отсутствие знакомства с греческой грамматикой и элементарных навыков работы с источниками, небрежное отношение даже к той научной литературе, которой она решила воспользоваться, незнание хронологии древнего мира. Я могла бы привести еще множество примеров, но полагаю, что сказанного достаточно.

На с. 29, прим. 20 Илан ссылается на фрагмент из Александра Полигистора, который сохранился в словаре «Суда» (s. v. Ἀλέξανδρος ὁ Μιλήσιος). Согласно словарю, Александр Полигистор в книгах о Риме упоминает некую еврейку по имени Мосо (Μωσώ), которая жила в Риме и написала закон для евреев. К имени Мосо Илан делает примечание: «WGE [Pape, Venseler, 1911], 968 упоминает форму женского рода Μῶσα». Имя Μῶσα представляет собой вариант написания популярного греческого имени

Μωῦσα в лакедемонском и эолийском диалектах и не имеет ничего общего с именем Мосо (Μωσώ). Совершенно ясно, что в данном случае Мосо является искажением имени Моисей и что Александр Полигистор обнаружил в своем источнике версию, бытовавшую, как считают некоторые исследователи, в антиеврейских кругах, о том, что еврейским законодателем была женщина. И тем не менее еврейка Мосо появляется в Лексиконе как статистически значимая персона. Еще в первом томе Илан объяснила, как она собирает свою статистику: те из упомянутых в Лексиконе лиц, которые являются вымышленными персонажами, не включаются в важные для корпуса статистические подсчеты, поскольку «они могут исказить данные о реальных людях» [Ilan, 2002: 47]. К сожалению, в случае с Моисеем женского пола Илан не следует этому разумному принципу. И, как обычно, причина в плохом знании греческого языка. Хотя она ссылается на собрание Штерна [Stern, 1976–1984], в котором дан правильный перевод свидетельства Александра Полигистора, в рубрике «Описание» она называет Мосо «автором книги о еврейском законе», хотя из греческого текста следует, что Полигистор считал ее законодательницей. В рубрике «Дата» Илан датирует время жизни Мосо II в. до н. э. с примечанием: «Сомнительно, чтобы евреи жили в Риме в столь раннее время». Создается впечатление, что она никогда не слышала о первом изгнании евреев из Рима в 139 г. до н. э. и незнакома с научной литературой на эту тему. Предлагать какие-либо датировки для жизни Мосо как ре-

альной носительницы еврейского имени невозможно: она является вымышленным персонажем. К какому времени относился источник Александра, мы не знаем. Но можно предположить, что поскольку в нем Мосо подменяет Моисея в качестве законодателя, то источник поместил ее во время Моисея.

На страницах Лексикона Илан обитают не только отдельные несуществовавшие люди, но иногда там появляются несуществовавшие еврейские деревни. На с. 28 (6.1.1.6) она ссылается на папирус, в котором упоминается τῆι κώμηι Ἰουδαίος (sic!), что она переводит как «еврейская деревня», проигнорировав то, что первое слово является существительным женского рода в дательном падеже, а второе существительным мужского рода в именительном. На самом деле в папируса сказано τοῖς ἐν τῆι κώμηι Ἰουδαίος («евреям в деревне»), из чего следует, что в нем речь идет о евреях, которые жили в деревне бок о бок со своими соседями-язычниками. Ошибочное чтение и перевод повторяются в книге еще дважды (с. 394, 438).

Во «Введении» Илан посвящает параграф (с. 31, 6.1.6.1) «боящимся Бога» (квазипрозелитам) — язычникам, испытывавшим определенный интерес к иудаизму и дружелюбно относившимся к еврейским общинам. Илан упоминает, что этот термин был предметом ученых дебатов: некоторые исследователи считали его техническим термином для обозначения язычников-квазипрозелитов, другие — нейтральным термином, которым могли обозна-

чаться благочестивые люди независимо от их религиозной принадлежности.

Вопрос о том, следует ли включать людей, описываемых в наших источниках как θεοσεβεῖς/metuentes/σεβόμενοι/φοβούμενοι τὸν θεόν/ (в специфической орфографии Илан: θεοσεβεῖς/Metuenti/σεβομένοι/φοβούμενοι τὸν θεόν¹) Илан решает следующим образом: «Когда человек, названный “боящимся Бога”, был идентифицирован исследователями как примкнувший к иудаизму, то его имя включено в данный корпус. Но даже если подобный класс людей существовал и поддается четкому определению, их еврейство было неполным, и поскольку я склоняюсь к более скептической позиции в данном вопросе, принадлежность к еврейству отмечается знаком вопроса» (с. 31). В следующем параграфе, посвященном надписи из Афродисиады (с. 31–32, 6.1.6.1.1), она указывает, что те, кто в этой надписи названы «боящимися Бога», включены в Лексикон, но не учитываются в статистике еврейских имен.

К сожалению, Илан не понимает сути научной дискуссии. Если обозначение «боящийся / боящиеся Бога» было техническим термином в строгом смысле слова, то все люди, обозначенные таким образом в литературных и эпиграфических источниках, были язычниками, испытывающими определенные симпатии к иудаизму, иногда практически при-

¹ Греческая акцентуация для Илан представляет собой terra incognita. Каждое второе слово в Лексиконе имеет неправильное ударение.

нявшие иудаизм, но не сделавшие последнего шага (для мужчин — обрезания), не отказавшиеся официально от многобожия и не вошедшие в иудейские общины (те, кто сделал этот шаг, являлись прозелитами и были полноценными членами еврейских общин). Если же оно не являлось термином, то могло означать любого благочестивого человека, будь то язычник, еврей или христианин. Поскольку в большинстве надписей отсутствуют надежные признаки, позволяющие склонить чашу весов в ту или иную сторону, не приходится удивляться различным интерпретациям одних и тех же текстов. Например, в одном ученом сочинении мы прочтем, что Аврелий Евлогий, один из спонсоров мозаик, украсивших синагогу в Сардах, который был назван в надписи чтущим Бога (θεοσεβής), «почти наверняка был евреем» [Lieu, 1995: 493], а в другом — что велика вероятность того, что и в этой, и в других сардийских надписях, θεοσεβής обозначает язычников-квазипрозелитов [Trebilco, 1991: 259].

Решение поместить имена подобных людей в Лексикон со знаком вопроса и не включать в статистические таблицы является вполне разумным, но не потому, что их «еврейство было неполным» (что бы это ни означало), но потому, что имеется (пусть даже минимальный) шанс того, что они были евреями. Надпись из Афродисиады, однако, иное дело. Эта самая большая греко-язычная еврейская надпись выбита на двух сторонах трехметровой мраморной стелы. На одной стороне находится список имен, состоящий из двух частей. В первой перечис-

лены имена 55 человек (24 с патронимиками). Почти все имена имеют еврейскую окраску (транслитерация библейских имен, их греческие эквиваленты и т.д.). После оставленного резчиком свободного места следует другой список из 52 имен (15 или, возможно, 17 с патронимиками). Перед ним находится надпись: «И те, которые [являются] чтущими Бога». Во втором списке лишь два имеют еврейскую окраску, одно является семитским, два относятся к тем греко-римским именам, что были особенно в ходу среди евреев, а все остальные являются обычными именами, распространенными в языческой среде. Сопоставление ономастических особенностей двух списков показывает, что в первом перечислены евреи, а во второй были включены неевреи. Спорить с этим ни одному исследователю никогда в голову не приходило. Тем не менее Илан включает в свой Лексикон 52 имени заведомых язычников. Но этого мало. Она включает в него и имена их отцов, которые никакого отношения к еврейской общине не имели и, вполне возможно, не разделяли доброжелательного отношения своих сыновей к евреям.

Афродисиадские язычники — не единственные неевреи, имена которых оказались в Лексиконе. Ту же судьбу разделили и пятеро архонтов из Ольвии и их отцы (IJudO I BS1). В надписи сообщается о ремонте молельни, осуществленной ольвийскими магистратами. Этой надписи не место в Лексиконе, хотя, разумеется, ее с соответствующими комментариями следует, как это и было сделано в IJudO I, публиковать в корпусе еврейских над-

писей из-за того, что в ней используется слово «молельня», которое в многочисленных античных надписях означало здание синагоги.

Даже когда Илан ссылается на современные издания, она игнорирует содержащуюся в них информацию. Так, в рубрике «Источник» для всех имен в надписи из Афродисиады она ссылается на *JudO II 14*, но в рубрике «Дата» ставит III в. н. э. В. Амелинг, однако, датирует надпись иначе. Датировка надписей на обеих сторонах стелы была предметом оживленной и продолжительной дискуссии [Palmer Bonz, 1996: 281–299; Ameling, 1996: 29–55; Botermann, 1993: 184–294; Chaniotis, 2002: 209–242; Williams, 2007: 173–197], в результате которой стало очевидно, что надписи на разных сторонах стелы были выбиты в разное время и не представляют собой единого текста. Амелинг определяет 350 г. н. э. как *terminus post quem* для более ранней надписи, а позднюю датирует пятым веком.

О том, следует ли людей, чьи имена в источниках сопровождаются эпитетом θεοσεβής, считать евреями или язычниками, ведутся споры, значение же выражений σεβόμενοι/φοβούμενοι τὸν θεόν (чтущие/боящиеся Бога) в Деяниях Апостолов сомнения не вызывает: этими терминами Лука обозначает язычников-квазипрозелитов. По этой причине Титию Юсту из Деян 18:7, оказавшемуся в Лексиконе под именем Титий № 1, в нем делать нечего, особенно учитывая однозначный контекст, в котором он упоминается: Павел переехал в дом этого

«чтущего Бога» сразу же после того, как объявил, что отныне будет проповедовать язычникам, поскольку коринфские евреи его проповедь не приняли.

Поверхностное знакомство с греческим языком оказало особенно пагубное влияние на ту часть Лексикона, в которой Илан использует определенную группу манумиссий из Боспорского царства. Эти надписи условно могут быть поделены на две группы. В первой рабы освобождаются с обязательством выполнять какие-то работы в еврейских синагогах (προσευχή) и оказываются под опекой еврейской общины (συναγωγή τῶν Ἰουδαίων). Вторая начинается с посвящения Богу высочайшему, вседержителю, благословенному, и еврейская община в качестве опекуна не упоминается. Эпитеты «высочайший» (ὑψιστος) и «вседержитель» (παντοκράτωρ) являются весьма распространенным в еврейской литературе на греческом языке. Однако оба встречаются и в языческих текстах. Иное дело эпитет «благословенный» (εὐλογητός) — его язычники никогда не использовали. Рассуждая о боспорских манумиссиях, Илан забывает сообщить своим читателям об этом факте, принципиальном для понимания природы этой группы надписей (см. с. 55, 6.10.1.1)².

В ряде манумиссий, чей текст более или менее хорошо сохранился

² На с. 56 (6.10.1.5) Илан упоминает этот эпитет со ссылкой только на вотивную надпись из Асеновграда (Asenovgrad в специфической орфографии Илан, см. с. 417 под именем Ἐλένη № 2) с комментарием, что надпись не имеет параллелей.

(от некоторых остались лишь отдельные строки или части строк) и которые принадлежат обеим группам, сохранилось упоминание о том, что процедура отпуска рабов на свободу совершалась в синагоге (προσευχή). На с. 38 (6.4.1.2.1, 6.4.1.2.1.1) Илан кратко обсуждает термин προσευχή и приходит к следующим выводам: в птолемеевском Египте им обозначался уникальный египетский институт, но в Восточной Европе и Западной Азии в позднеримское и византийское время дело обстояло иначе, частично по причине географического и хронологического разрыва между этими регионами и птолемеевским Египтом, а также из-за прямого значения слова προσευχή — «молельня». «Прямое» значение слова προσευχή, однако, — «молитва», и только метонимически оно приобретает значение «молельня». Появление подобной метонимии в языческих кругах было бы в высшей степени маловероятным, поскольку молитвы не были основной частью храмовых ритуалов. Характерно, что существительное προσευχή даже в своем основном значении не использовалось греческими писателями, которые употребляли другое слово: εὐχή.

Метонимическое значение слова хорошо засвидетельствовано для обозначения еврейских синагог в литературных и эпиграфических источниках, созданных как еврейскими, так и языческими авторами.

В надписях из Египта оно встречается с III в. до н. э. и до I или раннего II в. н. э. В египетских папирусах оно употреблялось в III в. н. э. (Cogrus

Raryogum Judaicorum 129, 432). Термин встречается в римской надписи I–II в. (JIWE [Noy, 1993–1995] 2 602), в надписи из Испании IV в. (JIWE 1 180), в надписи из Ольвии (IJudO I BS1) конца II — начала III в. и по крайней мере в восьми (а возможно, в двенадцати) надписях из Боспорского царства, датирующихся между началом I в. и концом II — началом III в. Его использовал Ювенал (Сатиры 3.296), Артемидор (Сонник 3.53). Им Иосиф Флавий называет большую синагогу в Тивериаде (Жизнь 277, 280, 293), а в Деян 16:13 так названа синагога в Филиппах (Македония). Таким образом, никакого хронологического разрыва между египетскими и другими свидетельствами не существует, и этот термин использовался в более широком географическом регионе, чем утверждает Илан³.

Слово «синагога» (συναγωγή) также могло использоваться для обозначения зданий, где евреи собирались для религиозных церемоний, но на Боспоре оно в таком значении не было в ходу и всегда обозначало иудейскую общину.

Непонимание Илан всех этих нюансов и приводит к серьезным ошибкам с далеко идущими для ее статистических подсчетов последствиями. В параграфе 6.4.1.2.2.3 под заголовком «Манумиссии из черноморского региона» она сообщает читателю о том, что некоторые рабы были

³ Только в двух надписях, как полагают многие исследователи, словом προσευχή обозначались языческие храмы, однако мне их аргументация не представляется убедительной. См.: [Левинская, 2000: 151–159].

освобождены в еврейских синагогах (συναγωγῆς τῶν Ἰουδαίων — sic!) и что в подобных случаях она включала манумиссоров в статистику еврейских имен. Те же, кто был освобожден в молельнях, которые не были, с точки зрения Илан, синагогами, были из статистики исключены.

Во всех случаях, когда рабы были освобождены в синагогах Боспорского царства, а еврейская община была названа опекуном вольноотпущенников, Илан заменяет слово προσηυχή, означающее здание синагоги, которое обычно стоит в середине надписи и указывает место, где была совершена манумиссия, на словосочетание τῆς συναγωγῆς τῶν Ἰουδαίων («иудейская община» в родительном падеже), которое стоит в конце надписи. Эти слова вырваны из оборота “genitivus absolutus” — συνελιτρολεούσης τῆς συναγωγῆς τῶν Ἰουδαίων, — который означает: «а опека будет осуществляться иудейской общиной». Читатель, не знакомый с боспорской эпиграфикой и доверившийся Илан, будет считать, что слово συναγωγή на Боспоре имело именно то значение, в котором оно здесь никогда не употреблялось.

Имена тех, кто оставлял вольноотпущенников под присмотром иудейских общин, Илан включает в статистику, а имена тех, кто освобождал рабов в синагогах с другими юридическими условиями, в нее не включает. Между тем ни те, ни другие в статистику еврейских имен включены быть не должны.

В конце рецензии на обсуждаемый том Лексикона К. Хецзер обращает внимание на ненадежность ста-

стистических результатов Илан для определения ономастических предпочтений в еврейском обществе из-за исторической ненадежности части источников, которые она использует, а также из-за недостаточного количества ономастического материала за пределами образованных и богатых еврейских кругов [Hezser, 2010: 178–179].

Статистические таблицы Илан действительно совершенно ненадежны, но не только по указанным причинам, а также из-за того, что она не вникает в контекст своих источников и незнакома с научной литературой, в которых он обсуждается.

В статистической таблице 10 книги Илан я проверила колонку, в которой даются подсчеты имен евреев в Боспорском царстве. Согласно Илан, из боспорских евреев семеро носили библейские имена, шестеро — греческие, трое — латинские, один — семитско-греческое, две еврейки-боспорянки имели греческие имена. В общей сложности она насчитала 19 человек.

Посмотрим поближе на этих боспорских евреев. Половина имен принадлежат манумиссорам (и их наследникам). В предисловии (с. 39) Илан заявляет, что считает евреями всех, кто освобождал рабов в синагогах (напомню, что синагогами она называет еврейские общины, и таким образом в статистической таблице учитывает только тех манумиссоров, которые отдавали вольноотпущенников под опеку еврейских общин). Но почему же они непременно были евреями? Вполне возможно, они были язычниками или

квазипрозелитами, которые в качестве дружественного жеста передали своих вольноотпущенников еврейской общине для выполнения работ в молельнях (одно из условий, оговоренных в манумиссиях). Они могли быть патронами общины, как аристократка Юлия Севера, построившая синагогу в Акмонии (IJudO II 168). Их имена должны иметь знак вопроса и быть исключены из статистики. Имена Агафон и Ариста являются результатом ошибочной ученой реконструкцией надписи (см. выше). В результате из 19 имен только восемь могут быть надежно включены в таблицу. Я не проверяла остальных таблиц, но у меня нет сомнения, что результат был бы аналогичным.

В Лексиконе имеется целый ряд имен лиц, упомянутых в Новом Завете, главным образом в Деяниях апостолов. Но далеко не всех. Например, Симеон Нигер, упомянутый в Деян 13:1 среди пророков и учителей в Антиохии, этой чести не удостоился, в отличие от упомянутого бок о бок с ним Луция киренца (с. 511, Луций №1). В статистику, однако, Луций не включен, поскольку был обращен в христианство. Логика, которой следовала Илан, приняв это решение, выше моего разума. Нет сомнения, что Луций был этническим евреем, поскольку упомянут в момент, когда миссия к язычникам еще только начиналась. Какой резон было исключать его имя, которое он получил в еврейской семье и носил до своего обращения, из еврейского ономастикона? Илан также не включает в статистику имена Андроника и Юлии (Рим 16:7), которые приняли христианство раньше, чем Павел, и, безусловно, были этническими евреями. Но и здесь

Илан не проявляет последовательности, включив в статистику имя Луция (с. 511 сл. №2) из Рим 16:21 и архисинагога Криспа из Деян 18:8 (с. 484, №1), который обратился в христианство вместе со всей семьей.

Читатель тщетно будет искать имя спутника апостола Павла Варнавы в английском индексе имен. В первом томе Лексикона Варнава находится под именем Набас (Nabas, с. 439), в третьем Илан помещает его под именем Набайус (Nabaius, с. 699). В первом томе (с. 18, 2.1.2.1) Илан объясняет, что рассматривает все имена, начинающиеся с *bar-* (арам. «сын») как «сын некоего реально го человека». Между тем в Деян 4:36 объясняется, что Варнава получил свое прозвище от апостолов и его имя означает «сын утешения». Из этой фразы с очевидностью следует, что отец Иосии (сокращенная форма имени Иосиф), чье имя нам неизвестно, не имеет ни малейшего отношения к прозвищу, данному его сыну апостолами. Прозвище представляет собой загадку, поскольку объяснение его значения в Деян является псевдоэтимологией⁴.

Прежде чем завершить эти горестные заметки, мне хотелось бы сказать несколько слов об издательстве Mohr Siebeck, в котором печатается Лексикон Тал Илан. Оно издавна и заслуженно пользуется высокой репутацией в научных кругах. В серии «Тексты и исследования в области античного иудаизма», в которой издан Лексикон, вышло много книг, обогативших науку и являющихся

⁴ См. наиболее правдоподобный вариант объяснения в: [Brock, 1974: 93] со ссылкой на: [Deissmann, 1901: 309].

поистине сокровищницами знаний. Но, похоже, сотрудники издательства настолько привыкли к высокому уровню представляемых для публикации работ, что перестали осуществлять необходимый контроль за публикациями. Совершенно очевидно, что у сочинения Илан не было ни квалифицированного редактора, ни внимательного издательского рецензента, которые обязаны были бы обратить внимание на дилетантский уровень работы Илан и не допустить публикации книги, которая долгие годы будет служить источником псевдознаний.

REFERENCES

Ameling W. Die jüdischen Gemeinden im antiken Kleinasien // Jütte R., Kustermann A. R. (hsgb.). Jüdische Gemeinden und Organisationsformen von der Anike bis zur Gegenwart. Vienne-Cologne-Weimar, 1996. 29–55.

Botermann H. Griechisch-jüdische Epigraphik: Zur Datierung der Aphrodisias-Inschriften // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1993. Bd. 98. 184–294.

Brock S. ΒΑΡΝΑΒΑΣ: ΥΙΟΣ ΠΑΡΑΚΛΗΣΙΟΥΣ // Journal of Theological Studies. 1974. Vol. 25.

Chaniotis A. The Jews of Aphrodisias: New Evidence and Old Problems // Scripta Classica Israelica. 2002. Vol. 21. 209–242.

Deissmann A. Bible Studies. Edinburgh, 1901.

Frey J.-B. Corpus Inscriptionum Judaicarum. Vol. 1: Europe. Roma, 1936; Vol. 2: Asie-Afrique. Roma, 1952.

Hezser C. // Journal of Jewish Studies. 2010. 61:1.

Holladay C.R. Fragments from Hellenistic Jewish Authors. Vol. 3: Aristobulus. Atlanta, 1995.

Ilan T. Lexicon of Jewish Names in Late Antiquity. Part I. Tübingen, 2002.

Inscriptiones Judaicae Orientis. Vol. I. / Ed. Noy D., Panayotov A., Bloednorn H. Tübingen, 2004.

Inscriptiones Judaicae Orientis. Vol. II. Ed. Ameling W. Tübingen, 2004.

Latyshev V. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. II. SPb., 1890.

Levinskaya I. Dejanija Apostolov na fone evrejskoj diaspori. SPb., 2000.

Lieu J. The Race of God-fearers // Journal of Theological Studies. 1995. 46.

Migne J.-P. Patrologia Latina. Vol. 1–221. Paris, 1844–1855.

Migne J.-P. Patrologia Graeca. Vol. 1–161. Paris, 1857–1866.

Noy D. Jewish Inscriptions of Western Europe. Vols. 1–2. Cambridge, 1993–1995.

Palmer Bonz M. The Jewish Donor Inscriptions from Aphrodisias: Are They both Third-century, and Who are the Theosebeis // Harvard Studies in Classical Philology. 1996. Vol. 94. 281–299.

Pape W., Benseker G.E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1911.

Schürer E. The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ. Vol. 3.1. New English version. Edinburgh, 1986.

Stern M. Greek and Latin Authors on Jews and Judaism. Vol. 1–3. Jerusalem, 1976–1984.

Tokhtas'ev S. // Vestnik drevnej istorii. 2005. № 1. 233–241.

Tokhtas'ev S. // Bulletin of Judaeo-Greek Studies. No. 37. Winter 2005–2006. 28–38.

Trebilco P. Jewish Communities in Asia Minor. Cambridge, 1991.

Williams M.H. Semitic Name-use by Jews in Roman Asia Minor and the Dating of the Aphrodisias Stele Inscriptions // Proceedings of the British Academy. 2007. Vol. 148. P. 173–197.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ameling W. Die jüdischen Gemeinden im antiken Kleinasien // Jütte R., Kustermann A. R. (hsgb.). Jüdische Gemeinden und Organisationsformen von der Anike bis zur Gegenwart. Vienne–Cologne–Weimar, 1996. 29–55.

Botermann H. Griechisch-jüdische Epigraphik: Zur Datierung der Aphrodisias-Inschriften // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1993. Bd. 98. 184–294.

Brock S. ΒΑΡΝΑΒΑΣ: ΥΙΟΣ ΠΑΡΑΚΛΗΣΙΟΣ // Journal of Theological Studies. 1974. Vol. 25.

Chaniotis A. The Jews of Aphrodisias: New Evidence and Old Problems // Scripta Classica Israelica. 2002. Vol. 21. 209–242.

Deissmann A. Bible Studies. Edinburgh, 1901.

Frey J.-B. Corpus Inscriptionum Judaicarum. Vol. 1: Europe. Roma, 1936; Vol. 2: Asie-Afrique. Roma, 1952.

Hezser C. // Journal of Jewish Studies. 2010. 61:1.

Holladay C.R. Fragments from Hellenistic Jewish Authors. Vol. 3: Aristobulus. Atlanta, 1995.

Ilan T. Lexicon of Jewish Names in Late Antiquity. Part I. Tübingen, 2002.

Inscriptiones Judaicae Orientis. Vol. I. / Ed. Noy D., Panayotov A., Bloednorn H. Tübingen, 2004.

Inscriptiones Judaicae Orientis. Vol. II. Ed. Ameling W. Tübingen, 2004.

Latyshev V. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. II. SPb., 1890.

Lieu J. The Race of God-fearers // Journal of Theological Studies. 1995. 46.

Migne J.-P. Patrologia Latina. Vol. 1–221. Paris, 1844–1855.

Migne J.-P. Patrologia Graeca. Vol. 1–161. Paris, 1857–1866.

Noy D. Jewish Inscriptions of Western Europe. Vols. 1–2. Cambridge, 1993–1995.

Palmer Bonz M. The Jewish Donor Inscriptions from Aphrodisias: Are They both Third-century, and Who are the Theosebeis // Harvard Studies in Classical Philology. 1996. Vol. 94. 281–299.

Pape W., Benseler G.E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1911.

Schürer E. The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ. Vol. 3.1. New English version. Edinburgh, 1986.

Stern M. Greek and Latin Authors on Jews and Judaism. Vol. 1–3. Jerusalem, 1976–1984.

Tokhtas'ev S. // Bulletin of Judaeo-Greek Studies. No. 37. Winter 2005–2006. 28–38.

Trebilco P. Jewish Communities in Asia Minor. Cambridge, 1991.

Williams M.H. Semitic Name-use by Jews in Roman Asia Minor and the Dating of the Aphrodisias Stele Inscriptions // Proceedings of the British Academy. 2007. Vol. 148. 173–197.

Левинская И. Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000.

Тохтасьев С. Вестник древней истории. 2005. № 1. 233–241.

Т.В. Андреева

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЭПОХА: РЕФОРМЫ И РЕФОРМАТОРЫ

15–16 сентября 2015 г. в Санкт-Петербургском Институте истории РАН прошла Всероссийская научная конференция «**Александр I. Трагедия реформатора. Люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей**». Главная особенность конференции, проходившей под эгидой Института и Международного благотворительного фонда им. Д.С. Лихачева, заключалась в ее уникальности. Она стала первым в истории современной России научным форумом, посвященным всестороннему обсуждению преобразований Александра I, выявлению их значения для политического и социально-экономического развития страны. Основной причиной ее проведения явилось стремление организаторов продолжить изучение истории российских реформ, конкретизировав исследовательское внимание на особенностях модернизации России в первой четверти XIX в. Конференция продолжила серию всероссийских научных форумов, проходивших, в том числе, в Петербурге в 2000, 2003, 2006 г. и посвященных изучению традиций отечественного реформаторства.

В ее работе принимали участие более 70 ведущих специалистов Москвы, Санкт-Петербурга, а также Центра, Юга, Северо-Запада России, Поволжья, Урала, занимающихся социально-политической историей сложной и переходной александровской эпохи, которая по масштабам преобразований и реформаторским поискам власти и общества столь же значимое явление, как петровская и время Великих реформ.

Цель проведения конференции — определить место, которое занимали реальные преобразования и реформаторские поиски царствования Александра I в российском историческом процессе. Ее работа проходила, помимо пленарного заседания, по 5 секциям. Для достижения поставленной цели участникам конференции необходимо было решить следующие задачи: 1) рассмотреть взаимоотношения власти и общества в процессе обсуждения либерально-конституционной модели преобразований (**Секция 1. Либерально-конституционные идеи в России в первой четвер-**

ти XIX в.: правительство и общество); 2) изучить проблему реформирования государственного управления в контексте ее различных уровней (**Секция 2. Государственное управление в России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение**); 3) определить основные направления решения крестьянского вопроса в правление Александра I, соотнести их с важнейшими мерами царствования Николая I и основными принципами Великой крестьянской реформы (**Секция 3. На дальних подступах к Великой реформе: крестьянский вопрос в царствование Александра I**); 4) выявить и изучить элементы традиционализма и новаторства в преобразованиях русской армии и военного образования (**Секция 4. Армия и военное образование в России в первой четверти XIX в.: традиции и новации**); 5) проследить противоборство либеральных и консервативных тенденций в развитии русской науки, культуры, образования (**Секция 5. Наука, культура, образование в первой четверти XIX в.: реформы и реформаторы**).

Приветствуя участников конференции, председатель Оргкомитета, д. и. н. **Т.В. Андреева** поблагодарила прибывших известных историков за то, что в столь тяжелые времена, при отсутствии финансирования, они нашли временные и финансовые возможности принять участие в научном форуме. Татьяна Васильевна обозначила главные проблемы, поставленные на обсуждение, важнейшей из которых определена проблема взаимоотношений власти и общества — ключевая для понима-

ния всех исторических событий имперской России.

К участникам конференции обратился директор Санкт-Петербургского института истории РАН, д. и. н. **Н.Н. Смирнов**. Николай Николаевич приветствовал их от коллектива Института и Фонда им. Д.С. Лихачева, подчеркнул историческое значение для судеб России преобразований Александра I, внесших глубинные изменения в государственный строй страны. Он отметил важность и многосторонность проблем, поднимаемых на конференции, высоко оценил практику открытого диалога ведущих специалистов по александровской эпохе, особое внимание обратил на необходимость укрепления и расширения научных связей различных учебных и научных учреждений.

В своем концептуальном вступительном слове д. и. н. **С.В. Мироненко** обратил внимание присутствующих на принципиальную важность для отечественной истории поставленной на обсуждение конференции проблемы реформ в царствование Александра I. Ведь исторические обстоятельства, вызвавшие буржуазные преобразования 1860-х гг., корнями уходят в александровскую эпоху, именно с этого времени идет отсчет длительных и мучительных попыток самодержавия приспособиться к меняющимся историческим условиям. Как подчеркнул Сергей Владимирович, в 1820-х гг. существовала реальная альтернатива тому пути, по которому пошло историческое развитие России. Политическая же борьба, которая шла

вокруг преобразовательной активности верховной власти, а также развитие отечественного историографического процесса проявляют важнейшие проблемы российской модернизации первой четверти XIX в., которые требуют дальнейшего рассмотрения: специфика русского официального и общественного либерализма; устойчивость консерватизма политического строя; реформаторские возможности абсолютизма и их пределы.

Открыл конференцию яркий доклад д. и. н. **А.Ю. Андреева** «**Два реформатора: Александр I и Ф.-С. Лагарп — 40 лет вместе и порознь**», в котором был дан глубокий анализ всех составляющих влияния Ф.-С. Лагарпа на формирование политического мировоззрения Александра I, прослежены все этапы их сложных взаимоотношений. Докладчик убедительно показал, что, прежде всего, Ф.-С. Лагарп передавал Александру Павловичу свой политический опыт борьбы с авторитаризмом, строительства нового государства и общества. Важно, что Андрей Юрьевич важнейшие периоды этого влияния рассмотрел в контексте изменений конъюнктуры внутренней и внешней политики, особенностей российского реформаторского процесса, выявил точки максимального сближения и отдаления Александра I и Ф.-С. Лагарпа.

В ходе работы пленарного заседания обсуждалась острая проблема государственного управления в России в александровское царствование, нашедшая отражение в содержательном докладе д. и. н. **Л.Ф. Писарьковой** «**Верховная власть в адми-**

нистративной системе России первой четверти XIX в.: “режим ручного управления”». Докладчик обратилась к тщательному изучению процесса формирования в первой четверти XIX в. программы преобразований государственного управления, выявлению основных тенденций и принципов, которые ее обуславливали. Любовь Федоровна фактографически убедительно показала, что в основе программы лежало стремление Александра I навести порядок и утвердить законность в административной системе страны. В докладе была продемонстрирована роль самого императора не только в управленческом, но и преобразовательном процессах, когда в ходе ознакомительных поездок по России он выявлял «болевые точки» управления страной и стремился их вылечить путем проведения реформ центрального и местного управления.

Бурную дискуссию на пленарном заседании вызвали выступления участников конференции, посвященные крестьянскому вопросу в царствование Александра I. К. и. н. **С.Л. Чернов** в своем новаторско-дискуссионном докладе «**Крестьянский вопрос в России (1766-1861 гг.)**» стремился продемонстрировать взаимосвязь социально-экономических и политических пластов в крестьянском вопросе, взаимообусловленность самодержавной системы, сословной парадигмы и крепостного права. По мнению докладчика, вторая половина XVIII — первая половина XIX в. — это единая эпоха борьбы правительства за решение крестьянского вопроса, причем инициатива всегда исходила от верховной

власти, которая не могла справиться с противоборством помещиков. Поэтому всегда стояли два важнейших вопроса: 1) Как добиться от помещиков хотя бы не помощи, но чтобы не мешали? 2) Какие нужно применять технологии? Как полагает Сергей Леонидович, вопрос до 1861 г. не был решен потому, что не было ни социально-экономических, ни политических предпосылок для его решения. В этой связи следует добавить, что не получилось еще и потому, что самодержавие стремилось только бюрократическим путем решить проблему российской модернизации. Потребность в преобразованиях, обусловленная влиянием Запада, складывалась раньше, чем страна созревала для перемен, проведение реформ сверху приводило к укреплению самодержавия и ослаблению общества.

В своем докладе **«Крестьянский вопрос от Александра I до Александра II: пути воплощения»** д. и. н. *И.В. Ружицкая* выступила с оригинальной трактовкой крестьянского вопроса в первой половине XIX в. С ее точки зрения, безземельное освобождение в Прибалтике в 1816–1819 гг., имевшее негативные последствия, стало репетицией крестьянской реформы в России, когда безземельный вариант был отвергнут. Сама же концепция реформы состояла из следующих основных положений: 1) отказ от выкупа личной свободы; 2) отказ от безземельного освобождения; 3) необходимость переходного периода; 4) признание оптимальным вариантом наделение крестьян землей в пользование. В целом же крестьянская

реформа, по мнению Ирины Владимировны, могла состояться только благодаря компромиссному решению, при которой помещики сохраняли земельную собственность. Этот вариант устраивал как власть, так и помещиков. Представляется, что эта очень интересная концепция заслуживает не только особого внимания, но и глубокого анализа.

На пленарном заседании были затронуты важнейшие аспекты истории исторической науки XIX – начала XX в. В докладе чл.-корр. РАН *И.П. Медведева* **«Н.П. Румянцев о своей “спонсорской деятельности” в области науки»** на широкой источниковой основе было показано, что, несмотря на обвинения в антигосударственной измене и сложные взаимоотношения с властью, Н.П. Румянцев служил России не только как государственный деятель, но и как ученый и меценат. Игорь Павлович продемонстрировал, что Н.П. Румянцев сыграл огромную роль в создании знаменитого кружка историков, источниковедов, археографов, задавших целью собирать и публиковать документальные памятники русской истории, а главное – в спонсировании многочисленных научных проектов. Именно в александровское царствование организаторскими усилиями и при финансовой помощи Н.П. Румянцева были изданы *Изборник Святослава 1073 г.*, *Сборник Кириши Данилова*, *Судебник 1497 г.* и *1550 г.*, *Остромирово Евангелие* и др., заложившие фундамент отечественного источниковедения и давшие в целом мощный толчок развитию русской исторической науки XIX – начала XX в.

Доклад д.и.н. **А.Н. Цамутали** «**С.Ф. Платонов об Александре I**» был посвящен выявлению важнейших составляющих образа императора в научной концепции историка, определению факторов, которые, с точки зрения С.Ф. Платонова, повлияли на формирование политического мировоззрения Александра I и государственной концепции его царствования. Как показал Алексей Николаевич, для С.Ф. Платонова важнейшими из них были: система «умственного воспитания» Александра Павловича, влияние на него молодых друзей и М.М. Сперанского. Перерождение же Священного союза в инструмент борьбы с либерально-освободительным движением в Европе было обусловлено тем, что Александр I в теории стремился подчинить право и политику задачам морали и религии, а на практике политика и право в ловких руках К. Меттерниха превратилась в инструмент усиления консервативных тенденций. В целом же С.Ф. Платонов утверждал, что в первой половине XIX в. (время царствований Александра I и Николая I) решение задач внешней политики преобладало над разрешением внутренних проблем.

Главной целью доклада д.и.н. **Т.В. Андреевой** и д.и.н. **Л.В. Выскокова** «**Утомление жизнью или уход: Александр I. 1825 год. Новые материалы**» стало дезавуирование реанимированной некоторыми современными авторами старой идеи о тождестве Александра I и Федора Кузьмича, а главное — обоснование смерти императора в Таганроге новыми документальными материалами. Помимо давно известных источников, как подчеркнули доклад-

чики, это подтверждается новыми материалами — мемуарами личного секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны Н.М. Лонгинова, письмами И.И. Дибича и П.М. Волконского к личному секретарю вдовствующей императрицы Марии Федоровны Г.И. Вилламову. В докладе подчеркивается, что при всем утомлении и разочаровании жизнью, характерных для последних лет жизни Александра I, обусловленных целым рядом внешне- и внутриполитических причин, он оставался государем, отвечавшим за свою страну и своих подданных и не выпускавшим из своих рук нитей управления. В целом же проблему смерти Александра I, как считают докладчики, следует рассматривать в контексте исторических проблем последнего периода его царствования и отделять от вопроса о жизни и кончине сибирского старца Федора Кузьмича, привлекая, прежде всего, официальные документы.

Одним из наиболее интересных в Секции 2 «**Государственное управление в России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение**» был доклад к. и. н. С.А. Исаева, построенный на привлечении и анализе источников из американских архивов. С точки зрения докладчика, историю внешней политики Российской империи при Александре I можно поделить на два периода, проведя грань между ними по августу 1815 г., когда началась «эра Нессельроде». Ранее — в 1801–1815 гг. — сменилось семь руководителей внешнеполитического ведомства. Документы свидетельствуют, что внешней политикой император Александр I всегда

руководил сам, не передавая на усмотрение своим министрам решения никаких мало-мальски важных вопросов, однако иногда предоставлял Н.П. Румянцеву иллюзорную самостоятельность. В начале 1813 г. Александр I выехал вслед наступавшей русской армии в Европу и стал руководить внешней политикой из своей ставки с помощью статс-секретаря К.В. Нессельроде, оставив Н.П. Румянцева в должности министра иностранных дел в Санкт-Петербурге. Докладчик предполагает, что с помощью такого «раздвоения» Александр I пытался решить одну из важнейших проблем в отношениях с США. В июне 1812 г. США объявили войну Великобритании. Александр I и Н.П. Румянцев предложили 6 сентября 1812 г. российское посредничество с целью скорейшего её прекращения. Посредничество было отвергнуто Великобританией 6 ноября того же года. Однако членам американской делегации, прибывшей в Санкт-Петербург 9 июля 1813 г, Н.П. Румянцев внушал, что они не должны пытаться вступить в прямые переговоры с Великобританией, а должны ждать позитивного британского ответа на повторное российское предложение о посредничестве. В результате американцы узнали о согласии Британии на прямые переговоры только в январе 1814 г. (с годичным опозданием), что привело к затягиванию войны и захвату англичанами Вашингтона 24–25 августа 1814 г. Докладчик предполагает, что в 1813–1814 г. Александр I и Н.П. Румянцев были заинтересованы уже не в прекращении, а напротив, в затягивании англо-американской войны с тем,

чтобы ослабить влияние Великобритании на определение послевоенного устройства Европы, и что Александр I использовал Н.П. Румянцева, чтобы ввести американцев в заблуждение.

В целом же конференция не ставила перед собой задачу подвести общие итоги изучения царствования Александра I. Проходившая в атмосфере бурных, но плодотворных дискуссий, она выявила много важных дискуссионных вопросов, требующих самого тщательного и глубокого анализа и осмысления. В ходе ее работы были определены следующие перспективные исследовательские направления: социально-экономическая история России первой четверти XIX в. в контексте выявления реальных условий для введения конституции и отмены крепостного права; идеолого-политическая история александровского царствования в аспекте специфики русского официального и общественного либерализма; Александр I в судьбе России: современная отечественная и зарубежная историография; компаративистская история применительно к следующим царствованиям и Европейскому миру.

Общественное и научное значение конференции состоит в том, что она привлекла внимание как специалистов-историков, так и широких общественных кругов к проблеме осмысления того исторического опыта, который на протяжении XIX – начала XX в. был приобретен властью и обществом в их несколько раз намечавшемся движении друг к другу. Прошедшая на высоком научном уровне, она

продемонстрировала актуализацию изучения александровской эпохи в современном историографическом пространстве и показала, что плодотворные результаты в ее исследовании могут быть достигнуты только коллективными усилиями, совместной работой, постоянными научными контактами и встречами. Конференция способствовала неформальному объединению ведущих специалистов России, занимающихся историей царствования Александра I, в особую научную корпорацию и выявила их потребность в проведении периодических «Александровских чтений».

Определенные недостатки в организации конференции были связа-

ны с отсутствием финансирования, несбалансированностью в работе секций, связанной с перегруженностью докладами одних и недостатком докладов в других.

Во время работы конференции в конференц-зале и читальном зале архива были организованы выставки книг и архивных документов, посвященных истории России в царствование Александра I, по материалам фондов библиотеки и Научно-исторического архива Санкт-Петербургского Института истории. Была также развернута выставка-продажа исторической литературы двух известных питерских издательств — «Нестор-История» и «Дмитрий Буланин».

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

9–10 октября в Санкт-Петербургском государственном университете на факультете международных отношений состоялась IV международная научная конференция «Первая мировая война, Версальская система и современность». Традиции проведения конференций на эту тему уже шесть лет – первая состоялась в 2009 г. Успех первой конференции обусловил желание провести еще одну, а уже на второй конференции, состоявшейся в 2011 г., было принято решение сделать конференцию регулярной и проводить ее раз в два года. Кроме СПбГУ организаторами конференции являются Институт всеобщей истории РАН и Российская Ассоциация историков Первой мировой войны, в этом году в организации также участвовал Государственный академический университет гуманитарных наук. Поддержку оказал Российский гуманитарный научный фонд¹.

Тема этого научного форума сформулирована достаточно широко, что отражает общий замысел организаторов: предоставить как можно более широкому кругу российских и зарубежных исследователей возможность обсудить результаты своей работы с коллегами, обменяться

мнениями по различным проблемам, установить научные контакты. Первая мировая война и сложившаяся после нее система международных отношений – явления многоплановые, и для их понимания необходимо комбинировать различные подходы и методы исследований. Основная работа на конференции велась в семи тематических секциях, посвященных самым разным аспектам проблемы. Организаторы сознательно построили работу конференции так, чтобы дать возможность выступить всем участникам. Кроме того, были учтены мнения участников предыдущих конференций о необходимости оставить время для вопросов и дискуссий по темам докладов. Конечно же, выступающим, несмотря на усилия модераторов, не всегда удавалось придерживаться регламента, но в этом году программный комитет решил не планировать более 5-6 докладов на одно двухчасовое заседание, выделяя время для дискуссии. При составлении программы конференции члены программного комитета вынуждены были делать непростой выбор между стремлением не отвечать отказом на очень качественные заявки, объем которых за прошедшие годы значительно возрос, и пониманием того, что дискуссия на конференции не менее важна,

¹ РГНФ, проект № 15-01-140-30 2015 г.

чем доклады. Сформированная в результате программа носила в этом смысле компромиссный характер.

Спектр тем представленных докладов ожидаемо оказался весьма широким. На пленарное заседание были вынесены только два выступления, темы которых носили общий характер и могли быть интересны всем. Петр Владимирович Стегний, Чрезвычайный и Полномочный Посол, возглавлявший российские дипломатические миссии в Турции, Кувейте и Израиле, выступал на конференции еще как историк и писатель, автор книг об истории российской дипломатии. Высказанные им мысли о прямой связи между событиями столетней давности и современным миропорядком оказались как нельзя более кстати. Они еще более мотивировали участников конференции, слушая доклады об исторических событиях и процессах первой половины XX века, думать о необходимости правильной оценки и использования уроков истории в современном мире. Особенно полезно было еще раз увидеть прямую связь истории и современности присутствовавшим на конференции в качестве слушателей студентам факультета международных отношений СПбГУ. Для ученых, изучающих историю Первой мировой войны, поводом задуматься над пересмотром устоявшихся представлений стал доклад президента Российской Ассоциации историков Первой мировой войны профессора Евгения Юрьевича Сергеева о периодизации Великой войны. Его предложение отойти от чисто военно-стратегической интерпретации периодизации этого глобального конфликта, основан-

ной на переходе от одной военной кампании к следующей, безусловно, заслуживает пристального внимания.

Секционная структура конференции, как обычно, отличалась разнообразием. Программный комитет формировал секции в зависимости от тем присланных заявок так, чтобы в секциях определенные проблемы получали разностороннее освещение. Преемственность и гибкость присутствовали в тематической направленности секций. Традиционно самой большой и представительной стала секция «Общество и война», работа которой продолжалась в течение трех заседаний, объединявших темы, относящиеся к истории России, бывших частей Российской Империи, а также зарубежных стран. В этой секции были представлены доклады, характеризующие самые разные аспекты жизни обществ в различных государствах во время войны: настроения в тылу, проблемы национализма, помощь фронту, вопросы политической и общественной жизни и так далее.

В структуре конференции 2015 г. появились и новые секции. Интереснейшие доклады были представлены в секции «Кавказ, Балканы и Восток в Первой мировой войне». Появление этой секции вызвано ростом интереса к южным регионам Великой войны и все более осознаваемой необходимостью объединения усилий исследователей разных стран для их изучения. О событиях на Кавказском фронте в России и других странах известно гораздо меньше, чем о развитии войны

на европейских фронтах. Для российской историографии свойственно фокусироваться на действиях Северного, Западного и Юго-Западного фронтов, где концентрировались основные ресурсы и происходили наиболее важные сражения. В Турции внимание концентрируется в основном на изучении военных действий на полуострове Галлиполи и в Палестине. На конференции темы, посвященные Кавказу в Первой мировой войне, были представлены учеными из России, Турции и Азербайджана, что позволило увидеть события с различных углов зрения и сопоставить различные национальные представления об их значении и последствиях. Столько же объемным и многоплановым оказалось обсуждение балканской тематики: доклады историков из России, Сербии, Турции и Греции обеспечили многосторонний взгляд на различные проблемы.

Интересные темы были объединены в рамках секции «Промышленность, технологии и военно-техническое сотрудничество». Первостепенная значимость промышленности, науки и технологий для исхода войны давно не вызывает сомнений, что еще раз подтвердили докладчики секции. Впервые целая группа докладов была посвящена недостаточно еще изученному аспекту развития вооружений и военных технологий в период Первой мировой войны – военно-техническому сотрудничеству стран-участников коалиций в период войны². В двух секциях обсуждались

последствия Первой мировой войны и ее влияние на формирование новой системы международных отношений. Различным аспектам формирования и эволюции Версальской системы традиционно уделялось много внимания на всех четырех конференциях. В этом году доклады, посвященные международным отношениям, позволили проследить возникновение отдельных элементов системы во время войны и их развитие после подписания мирных договоров.

Несколько меньше обычного в этом году оказались представлены темы, связанные с историей вооруженных сил и военного искусства. В то же время даже небольшое количество докладов позволяло увидеть спектр существующих проблем – от вопросов подготовки офицеров военного времени до стратегического планирования в рамках Антанты.

Итоги очередной конференции показывают, что за шесть лет, прошедших с момента проведения первой такой конференции, была сформирована широкая и постоянно расширяющаяся сеть исследователей, занимающихся всесторонним изучением истории Первой мировой войны. Число участников конференции за это время увеличилось более чем в два раза, значительно расширилось международное представительство. В IV конференции приняли участие историки из России, Беларуси, Литвы, Польши, Великобритании, Турции, Сербии, Греции, Азербайджана и США. Характерной особенностью остается междисциплинарный и кросскультурный диалог, разворачивающийся в рамках тематических научных секций кон-

² Исследования военно-технического сотрудничества проводились в рамках проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (проект № 15-01-00220).

ференции. Материалы предыдущих конференций были опубликованы в двух тематических сборниках статей и трех выпусках альманаха «Великая война, 1914–1918» [Первая мировая война..., 2012; 2014; Великая война..., 2011–2013]. В начале 2016 г. организаторы конференции планируют выпустить очередной сборник статей, представленных по итогам IV конференции.

REFERENCES

Pervaja mirovaja vojna, Versal'skaja sistema i sovremennost'. Sbornik statej. SPb., 2012.

Pervaja mirovaja vojna, Versal'skaja sistema i sovremennost'. Sbornik statej. SPb., 2014.

Velikaja vojna 1914–1918. Al'manah Rossijskoj asociacii istorikov Pervoj mirovoj vojny. Vypuski 1–3. 2011–2013.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Первая мировая война, Версальская система и современность. Сборник статей. СПб., 2012.

Первая мировая война, Версальская система и современность. Сборник статей. СПб., 2014.

Великая война 1914–1918. Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Выпуски 1–3. 2011–2013.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Татьяна Васильевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)

Батшев Максим Владимирович, научный сотрудник Отдела документации наследия и информационных технологий Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Москва)

Графова Мария Александровна, кандидат искусствоведения, старший преподаватель департамента международных отношений НИУ ВШЭ (Москва)

Гринёв Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург)

Дамье Вадим Валерьевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Высшей школы экономики (Москва)

Ждановская Анастасия Александровна, кандидат исторических наук, Московский государственный университет (Москва)

Зубко Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, специалист Центра международных связей и деятельности Винницкого наци-

онального аграрного университета (Винница, Украина)

Игнатьева Оксана Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь)

Измозик Владлен Семенович, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Северо-Западного государственного заочного технического университета (Санкт-Петербург)

Левинская Ирина Алексеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)

Маринченко Александр Александрович, научный сотрудник кафедры социально-гуманитарных дисциплин юридического факультета Днепропетровского государственного университета внутренних дел (Днепропетровск)

Медоваров Максим Викторович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Павлов Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, доцент факультета международных отношений Санкт-

Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Рублев Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российского Государственного Университета – МСХА им. К.А. Тимирязева (Москва)

Савицкий Иван Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск)

Степанов Юрий Геннадиевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» СГАУ им. Н.И. Вавилова (Саратов)

Стыкалин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий

научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Фрумкин Константин Григорьевич, кандидат культурологии, заместитель главного редактора журнала «Компания» (Москва)

Эрлих Сергей Ефремович, кандидат исторических наук, директор издательства «Нестор-История» (Москва–Санкт-Петербург)

Якименко Оксана Аркадьевна, старший преподаватель филологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)